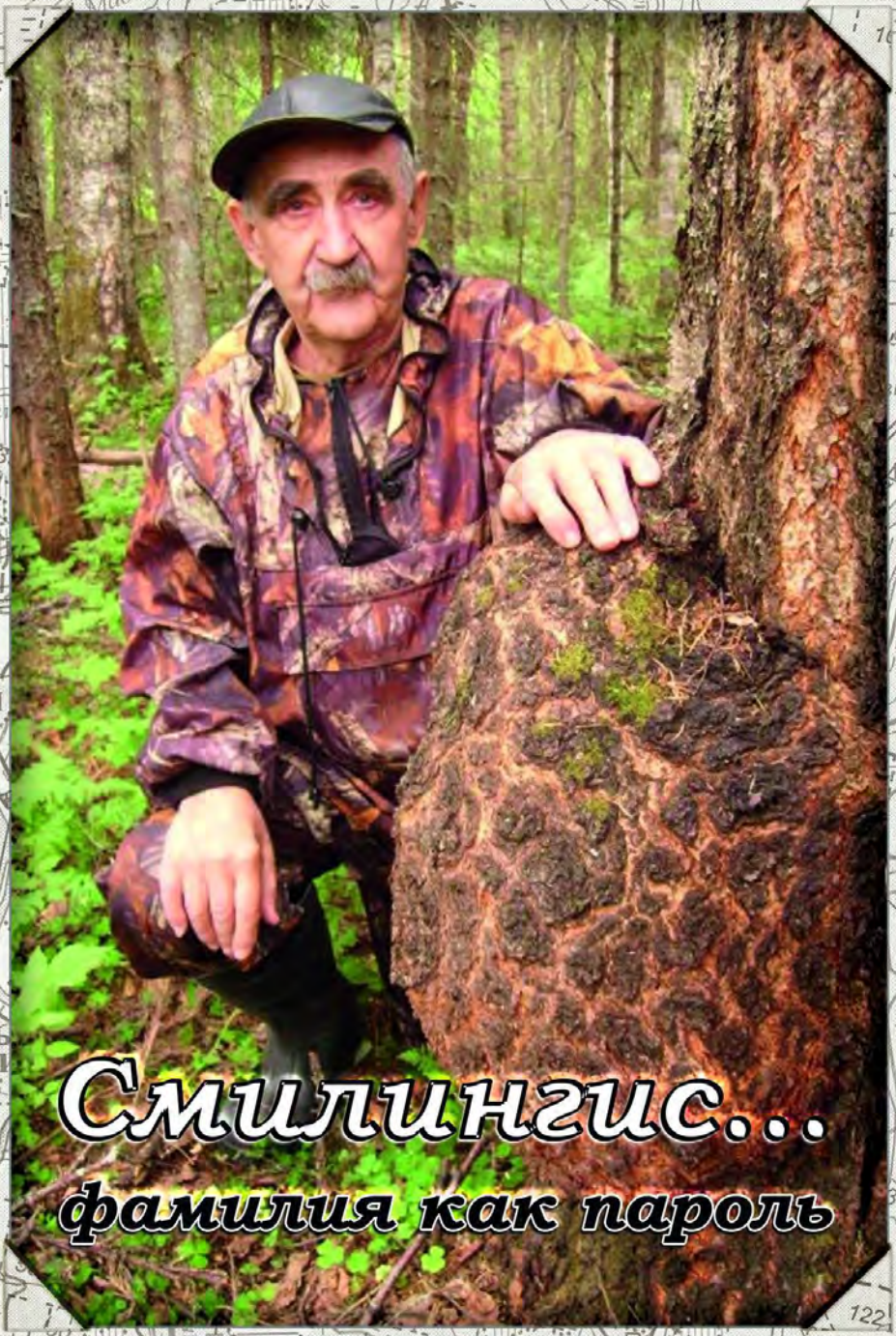


Смилингис...

фамилия как пароль



Центральная библиотека
им. М. Н. Лебедева
МУ «Корткеросская ЦБС»

Серия «Люди земли Корткеросской»

«Смилингис... фамилия как пароль»

ДАЙДЖЕСТ

Корткерос
2017

ББК 26.89 (2Рос.Коми)
С50

Смилингис... фамилия как пароль.: дайджест / Центральная библиотека им. М. Н. Лебедева «МУ «Корткеросская ЦБС» ; сост. Р. А. Мингелайте, Г. Р. Изъюрова; худож. К.М. Кирушев. – Корткерос, 2017. –248 с.; фото. – («Люди земли Корткеросской»).

Составители: Г. Р. Изъюрова, главный библиограф Центральной библиотеки им. М. Н. Лебедева; Р. А. Мингелайте, библиограф Центральной библиотеки им. М. Н. Лебедева.

Ответственный за выпуск: С. А. Челпанова, директор МУ «Корткеросская ЦБС»

Центральная библиотека им. М.Н. Лебедева выражает благодарность администрации МО МР «Корткеросский» за финансовую поддержку издания.

Дизайн и компьютерная верстка:

В.Шестаков, Т.Мындин, Т.Новгородцева

Редакция текста: С.Ивашева

В оформлении издания использованы иллюстрации К. Кирушева

В оформлении обложки использована фотография Л. Королевой

©Центральная библиотека им. М.Н. Лебедева
МУ «Корткеросская ЦБС»

Уважаемый читатель!

Выпуск дайджеста* **«Смилингис… фамилия как пароль»** приурочен к 90-летию со дня рождения историка, краеведа, педагога Анатолия Антоновича Смилингиса.

Печатное наследие Анатолия Антоновича составляет более 500 публикаций по самым различным направлениям и темам. В издании представлены лишь некоторые наиболее значимые и интересные материалы. Это более 50 статей, которые освещают основные темы творчества краеведа.

Материалы в издании сгруппированы в двух основных разделах:

– **«Корткеросский интеллигент с литовскими корнями»** – страницы жизни Смилингиса в различных авторских публикациях.

– **«Всегда занимаюсь только тем, что интересно самому…»** – публикации Анатолия Антоновича, систематизированные в подразделах:

– **«Не бойтесь дальних дорог и незнакомых мест»** – статьи о развитии школьного туризма в Корткеросском районе, о клубе юных путешественников «Белка», о походах, туристических слётах, соревнованиях.

– **«Дотошность не давала пройти мимо…»** – собраны публикации Анатолия Смилингиса об освоении природных богатств, особо охраняемых природных объектах района; о памятниках природы, интересных природных явлениях.

– **«Краевед – значит ведающий краем»** – о краеведческих исследованиях на территории района, интересных поисках и находках, о краеведении, как средстве активного познания родного края

– **«Мы здесь буквально ходим по костям…» (Эхо ГУЛАГа)** – о спецпосёлках на территории Корткеросского района; об увековечении памяти жертв политических репрессий.

В дайджест включена также **документальная повесть А. Шеренаса «Картофельный поход» (по рассказу А. Смилингиса)**.

Сборник подготовлен на основе избранных материалов, опубликованных в разные годы на страницах республиканских изданий: Красное знамя; Республика; Трибуна; Молодёжь Севера; районной газеты «Звезда», российских изданий; краеведческих сборников из фондов Центральной библиотеки им. М. Н. Лебедева, Национальной библиотеки Республики Коми.

Представлены публикации, выявленные из краеведческой картотеки статей и из личного архива Анатолия Антоновича. Источники в библиографическом списке расположены в прямой хронологии публикаций в печати, охватывают период с 1959 по 2016 год. Библиографическое описание печатных документов выполнено согласно ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

Дайджест не претендует на исчерпывающую полноту охвата публикаций и размещения их в издании.

В издании использованы фотографии из личного архива Анатолия Антоновича, Центральной библиотеки им. М. Н. Лебедева, Корткеросского районного историко-краеведческого музея, Корткеросского районного центра дополнительного образования детей, редакции районной газеты «Звезда». Среди авторов снимков: В. Карпов, Л. Королева, С. Коюшев, Е. Казаков, Г.Алекна, И. Артемьева.

Предназначен всем, кто хочет больше узнать об этом интересном человеке, о его вкладе в развитие туризма, экологического просвещения, краеведения, сохранения исторической памяти.

**Дайджест – (англ. Digest) – издание, публикующее материалы из других изданий.*

Три тридцатилетия Анатолия Смилингиса

Великих людей гораздо больше, чем принято об этом думать. Еще одно подтверждение крылатых слов – жизнь и судьба Анатолия Антоновича Смилингиса. Человек с неместной, балтийской фамилией для Коми республики стал не только своим, как говорится в «доску». Он – один из тех, кем по праву гордится наш северный край, кого знают в разных его уголках. И чья фамилия стала своеобразным паролем для нескольких поколений энтузиастов-краеведов, школьников-следопытов, людей, для которых Коми – не просто географическая точка, а самая притягательная, интересная, неиссякаемая планета.

Он попал сюда еще подростком и не по своей воле. Как и тысячи с корнем вырванных с родной стороны «без вины виноватых», литовский мальчик на себе сполна познал сиротство, бесприютность, несправедливость. Голодал, мерз, «доходил»...Его «университетами» стали многочисленные лагерные поселки, командировки, бараки... А учителями – их контингент: спецпереселенцы, лагерники всех мастей, одним словом, «враги народа». От верной гибели Анатолия спасли неистребленная никакими испытаниями жажда познания, удивительная любознательность, попытка понять и разгадать каждого встреченного человека, увиденный предмет или явление.

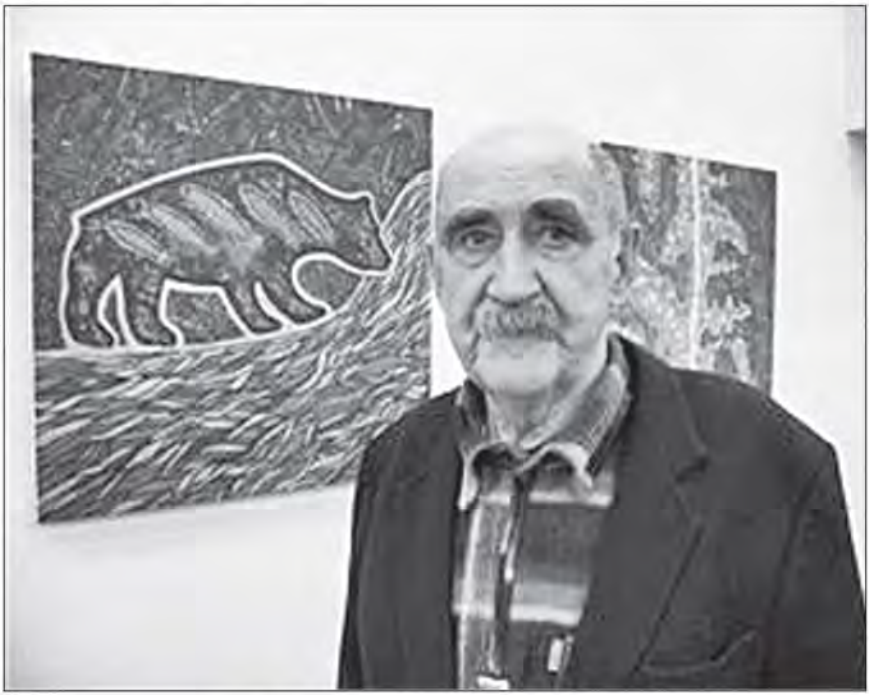
Маршруты скитаний и люди, с которыми его сводила на них судьба, сохраненные в памяти до мельчайших подробностей, можно сказать, превратили Анатолия Антоновича в ходячую энциклопедию лагерного прошлого Коми края и, прежде всего, Корткеросского района. Он же стал и живой совестью, воплощением памяти тех черных лет. Анатолий Смилингис выполнил свой долг перед тысячами соузников: благодаря ему в Корткеросском районе установлены десятки крестов на почти уже исчезнувших лагерных погостах. Мало кто, кроме него, из познавших неволю, смог в таких масштабах осуществить мемориальскую деятельность, причем, часто полагаясь только на самого себя.

Его любознательность, интерес ко всему и вся не знают границ. На протяжении десятилетий эти качества привлекали к Смилингису корткеросскую молодежь, а их «штаб-квартирой» много лет оставался Дом пионеров. Не счесть экспедиций по району и республике, которые возглавлял Смилингис. И выступлений на

разного рода научных форумах, на которых Анатолий Антонович ставил интересные проблемы, выдвигал смелые гипотезы, интриговал... Причем, своим его считают как геологи, так и историки Коми научного центра УрО РАН. Ему, наверное, ничего не стоило защититься, «остепениться», стать кандидатом или доктором... Только это Смилингису никогда не было нужно, он начисто лишен честолюбия. Да и не тот он человек, чтобы в стихии жизни зацикливаться на чем-то одном, не попытавшись углубиться в десятки других ее граней.

Оптимист, жизнелюб, ума палата, в высшей степени доброжелательный человек... Таков корткеросский интеллигент с литовскими корнями Анатолий Антонович Смилингис. Трудности закаляют... Еще одно красноречивое подтверждение истинности этих слов – рабочий настрой и бодрое настроение Смилингиса. Разменяв десятый(!) десяток лет, он наверняка остается единственным в республике человеком, кто не только исправно ходит на службу, но и продолжает ездить в экспедиции, выступать, писать статьи... Впрочем, 90 лет никто из знакомых ему и не даст. А о возрасте неутомимого и неугомонного юбиляра уместнее всего, наверное, сказать так: третье тридцатилетие Анатолия Антоновича. Поздравляем!

Анна СИВКОВА, журналист



Анатолий Антонович Смилингис

(по паспорту Смилингис Анатолиюс сын Антано)

Историк, краевед. Родился 4 октября 1927 в г. Плунге, Литва. 14.06.1941 года депортирован по политическим причинам с родителями в Коми АССР, Корткеросский р-н. После снятия режима спецпоселения остался в с. Корткерос. Работал мастером на лесозаготовках, некоторое время работал бухгалтером в школе. Реабилитирован в 1958 году. Более 40 лет возглавлял Корткеросский Дом пионеров и школьников (современный Корткеросский районный центр дополнительного образования детей), стоял у истоков его создания. Один из зачинателей школьного туризма и краеведения в республике.

Анатолий Антонович – человек неугасимого творчества, истинный фанат своего дела. За годы работы внес большой вклад в изучение природы и истории Коми края. Им создан туристический клуб «Белка». Вместе со школьниками он исходил практически всю Республику Коми. По проведенным ими исследованиям и представленным ма-

териалам на территории Корткеросского района образованы: ботанический, речной и ландшафтный заказники (Пианько, Локчим, Лымва). По его инициативе в Корткеросском районе создан Сусъельский кедровый заказник. Открыто несколько памятников природы. Создал один из первых школьных музеев в РК. Он тесно сотрудничает с обществом «Покаяние». Занимается изучением заброшенных поселений репрессированных. Обнаружил, исследовал и описал десятки лагерных кладбищ, выступил инициатором увековечивания памяти жертв политических репрессий. На местах захоронений репрессированных граждан поставлено 16 памятных знаков-крестов. Им записаны воспоминания более 300 ветеранов Великой Отечественной войны. Внес весомый вклад в создание «Книги памяти», в которую включены его материалы. Им собраны материалы о биографиях выдающихся людей-выходцах из Корткеросского района, которые вошли в книгу «Люди земли Корткеросской». Совместно с Коми научным центром Уральского отделения РАН Смилингис Анатолий Антонович участвовал в археологических раскопках на территории Корткеросского района. Собран ценный материал о стоянках предков коми людей. Смилингис А.А. и его ученики составили карту мест обитания древнего человека на территории района. Совместно с детьми занимается этнографическими исследованиями. Проводит экспедиции по селам района с целью изучения символики и истоков деревянной архитектуры Верхне-Вычегодского края. Собрал уникальную коллекцию предметов традиционной культуры коми, природных экспонатов, архивных документов.

Заслуженный работник культуры Республики Коми, почетный член Всероссийского общества охраны природы, академик Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения. 28 апреля 2011 года Смилингису Анатолию Антоновичу за особые заслуги перед МР «Корткеросский» присвоено звание «Почетный гражданин муниципального района Корткеросский».

В настоящее время продолжает активную краеведческую и природоохранную деятельность. Заведует гражданско-патриотическим отделом МОУ ДОД «Корткеросский районный центр дополнительного образования детей». Проживает в селе Корткерос.

Отмечен следующими правительственными наградами:

– Почетная грамота министерства просвещения РСФСР (1964)

– Почетная грамота Президиума Верховного Совета Коми АССР (1965)

– Нагрудный знак «Отличник народного просвещения» (1969)

– Медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина (1970)

– Большая Памятная медаль Всероссийского общества охраны природы (1982)

– Медаль «Ветеран труда» (1983)
– Почетное звание «Заслуженный работник культуры Коми АССР» (1990)
– Медаль «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны» (1994)
– Медаль «За трудовое отличие» (1997)
– Почетная грамота Министерства образования Республики Коми (1997)
– Почетная грамота Республики Коми (1997)
– Почетная грамота Госсовета Республики Коми (2004)
– Знак отличия «За безупречную службу Республике Коми» (2007)
– Медаль «За верность детскому туризму» (2007)
– Медаль «65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (2010)
– Звание «Почетный гражданин муниципального района Корткеросский» (2011)
– Памятная медаль «Общества изучения Коми края» (2012)
– Медаль «70 лет победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (2015)
– Почетный член ДОСААФ
– Почетный член Всероссийского общества охраны природы
– Почетный член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры



Анатолий Смилингисалы – 70!

БЫДМЫСЬ ВОЙТЫРӦС БУРӦ ВЕЛӦДЫСЬ

СЫКӦД ГАЖТӦМ ОЗ БОСЬТ

ПЫР ТУЙЫН

Корткеросский интеллигент с литовскими корнями

Полон энергии и оптимизма

Смилингис, или Путешествие к «дилетанту»

Кажется, в его фамилии запечатлелся уголок родной ему Прибалтики, посреди которой невидимый великан высыпал пригоршню серых валунов... В ней есть что-то от ухоженных хуторов, негромкого величия рек, ратушных площадей, на которые роняют свои звоны большие башенные часы, – от той гармонии, которая исключает не то что любой чужеродный предмет, но даже слишком громкий или шипящий звук. Но вот парадокс: стоит мне услышать эту фамилию, как возникают тысячи нитей, связывающих ее с нашими трескучими морозами, с буреломами вековой тайги, с хороводами утонувших в сугробах заборов, застывших вокруг своих сумрачных и статных хозяев – больших бревенчатых домов...

Неброские цвета его родины отпечатались и на ее жителях: сдержанностью, размеренностью, спокойствием... Но десятки и даже сотни раз становилась свидетелем, как этот человек, кажется, потеряв всякий покой и сон, неведомое количество раз в день пересекал центральную улицу Корткероса, его синий берет мелькал в отъезжающем автобусе, а то с рюкзаком за плечами он же предводительствовал удаляющейся к горизонту командой навьюченных туристским снаряжением мальчишек...

И каждый раз меня посещало одно и то же чувство: ну, вот, наконец, все объездит, узнает, переболеет... Годы возьмут верх... На смену неугомонности придет степенность, оставит он свою хлопотную должность директора Дома пионеров, и мир его воображения, рассказов, мыслей, хоть на чуток всегда перекочевывающий и в нас, его собеседников, потускнеет, померкнет, исчезнет... Но вот недавно снова встретились и снова про себя с радостью отметила: ничуть не бывало, не устал, на выдумки не оскудел и живет в нем прежняя жажда к странствиям и путешествиям.

Мир Анатолия Антоновича Смилингиса – что огромный пестрый клубок, из которого совсем непросто выткать узор его жизни. Тысячи разноцветных нитей –жизненных путей-перепутий переплелись в ней между собой. Попытаюсь потянуть лишь некоторые из них...

И солнечно, и морозно... Неизвестно откуда пришедшие заморозки притормозили таяние снега. Вода в Кия-ю падает... Несколько байдарок с нехитрым скарбом готовы к отплытию. Последние приготовления. Командир немногочисленной, но шумной флотилии наметанным

глазом про себя отмечает, что, хотя, вода за прошлую ночь и упала, на реке ее еще с избытком. Так и есть: по мере подъема вверх течение убыстряется, прибывает и вода. Через километр обрываются поля, обступивший лес заслоняет собой последние дома Корткероса.

Сколько раз за свою жизнь вот так отправлялся он со своими юными подопечными в походы... И что там реки, даже небольшие речушки и безымянные ручейки не оставались в стороне от его маршрутов. Лымва, Соль, Вишера, Локчим, Моръю, Певк... Да разве все перечислишь! И если бы только ради путешествия или, как говорится, здорового отдыха и сопутствующей им романтики снаряжались они! Хотя, конечно, и ради них тоже. Но, ко всему прочему, в них всегда присутствовало и другое: непросто скользить взглядом по пустынным берегам, водной глади, не видя никакой разницы в только на первый взгляд как две капли похожих деревьях, но проявить изрядное любопытство, наткнуться на любую мелочь, зацепиться за нее... Бобровые плотины и заброшенный рудник, старая мельница и откуда ни возьмись проступающая сквозь толщу земли красная глина, кедровая поляна и бараки оставленных людьми поселков, заросший мхом деревянный крест на безымянной могиле и крохотная обитательница здешних лесов птица оляпка – все находило место в путевых заметках, дожидаясь осмысления, необходимых связок-мостиков с другими фактами и событиями, подтверждений, почерпнутых из книг и исследований.

Эта дотошность не давала пройти и мимо того, на что лет двадцать назад принято было закрывать глаза. Более того, уже тогда Анатолий Антонович, проявив нездоровый, по меркам того времени, интерес, объездил верховья Локчима, испещренные некогда поселками спецпереселенцев и военнопленных, чтобы еще застать и разрушающиеся под натиском времени бараки и могилы Локчимлага.

В походе по Небью среди бела дня на привале из байдарки пропала большая полиэтиленовая пленка. Поиски ни к чему не привели. Но на противоположном берегу, казалось, кто-то большой и неведомый дал знать о себе: эхом отзывался удаляющийся стук по деревьям то ли палкой, то ли еще чем.

«Блажь», «чертовщина», «забулдыга небось какой», – и другой бы и не вспомнил об этом. Но только не Смилингис, для которого все отмечено смыслом, для которого и мелочей-то нет. Да и как не придать значения, если к тому же его товарищи по походам – так охочие до необыкновенного мальчишки, для которых, ко всему прочему, в этих путешествиях, чтобы хоть чуть-чуть и ненадолго, но было «страшно, аж жуть»...

Ну а разве, духи невидимых обитателей лесов, водоворотов, овинов и бань до сих пор не продолжают витать над любым корткеросским селом? В таком случае не их ли собрат поселился и на берегу Небью?

Мир Смилингиса... Он напичкан персонажами преданий, мифов, поверий, сложенных и живущих на вычегодской земле. Тут тебе и лесной богатырь Юрка, поедом едящий скот у незадачливых жителей Маджи, и властелин Корткероса – Железной горы – Кӧрт Айка (Железный старец)... Уживаются в нем знаменитый вишерский знахарь Тювэ, за сотни лет предсказавший многое из того, что нас окружает сегодня, и селившаяся а поймах рек и на сухих склонах легендарная некогда чудь...

Огромное, заиндевелое, покрытое толстым слоем изморози, снега и льда окно... Окно в историю... И сколько раз, не боясь отморозить, нужно приложить к нему свой палец, чтобы оттаял небольшой кружочек, а затем согревать его своим дыханием, пестовать и лелеять от вьюг и морозов, проносящихся за окном ураганов, подымающих снежную пыль метелей, чтобы потом можно было припасть к ней глазами и попытаться высмотреть: что-то там происходило...

Чтобы потом увиденное связать с множеством разбросанных осколков –памятью отдельных людей.

Во время нашей последней встречи Анатолий Антонович вскользь упомянул о своей недавней поездке в Четдино – богом забытую деревеньку, где записал он на магнитофон бесхитростные, может быть, временами бессвязные и совсем, казалось бы, нелогичные рассказы стариков: искренние, выношенные, правдивые... Пожалуй, как ни для кого другого, для него в нашем человеческом роду-племени не существует никакой «табели о рангах». Любой, будь то древний старик, встречный прохожий или случайный попутчик – скрытая от глаз безбрежная галактика. Не отвернись, не пройди мимо, расположи его, и ты будешь вознагражден – вот его неписаная заповедь.

Но из его поля зрения не выпадают и люди самобытные, с яркой судьбой, необыкновенными биографиями. Для этого стоит хоть раз взглянуть и на время окунуться в насчитывающие не один десяток папки – «персоналии», где рассказы соседствуют с фотокарточками, письма с газетными вырезками...

А когда голова набухнет от полученной информации, а бумажная пыль – непременный атрибут любого архива – заставит-таки выбежать за глоточком свежего воздуха, очутись рядом с вами Анатолий Антонович, он и тут ваше вынужденное безделье обернул бы пользой. Повел бы по селу, приоткрыл бы завесу над его родословной, показал, где когда-то блистала своими куполами церковь, где Народный дом стоял, а где кладбище располагалось... А в Нёбдино, Важкурье, или Подъельске обязательно бы подвел к тому месту, откуда лучше всего открываются безмолвные израненные церкви или без единого гвоздя построенные (некогда действительно хлебные) амбары-мангазеи... Несколько дат, коротенький рассказ, пара-другая самых выразительных деталей, которые он тебе покажет, недолгое молчание... И ты обязательно возвратишься сюда еще...

В его руках, словно в сказке Перро, чудесное превращение совершит любой предмет, доставшийся от предков, прямо на твоих глазах

из рухляди становясь совершенством. Ты начинаешь постигать и то, что, оказывается, совсем неспроста незатейливые закорючки, квадратики, ромбы, зигзаги, спирали, розетки с предметов домашнего обихода «убегают» на затеси далекой охотничьей тропы, чтобы потом снова возвратиться в дом на узорных вязаных носках, варежках, тканых полотенцах... Красные кони с огненными гривами, летящие вскачь на лопастях и ножках-стояках знаменитых мезенских прялок, без которых в свое время не обходилась ни одна коми рукодельница, в его рассказах перекликаются с наскальной живописью, археологическими находками на древней земле финно-угров... Так рядом с ним, иногда и сам того не ведая, исподволь начинаешь осознавать, как история, словно громадная волна, не обтекает, а захлестывает тебя. Ты в этой пучине – не сторонний наблюдатель, а маленькое звено в многовековой цепи. И ты хранитель истории, ее исследователь и творец...

Своеобразным итогом его многолетних поисков и усилий стал Корткеросский краеведческий музей. Уникальные книги, подаренные известными земляками, и доставшиеся от них же не менее уникальные архивы, берестяные туеса и глиняная посуда, пестрядные сарафаны и охотничьи принадлежности, тысячи других мелочей, из которых и складывается быт, жизнь, судьба народа, обрели на корткеросской земле одну общую крышу...

Подкравшись под пологом ночи, неразборчивый злой огонь за какие-то мгновения от всего этого оставил пепелище...

Пытаюсь поставить себя на место Анатолия Антоновича... Конечно, руки бы опустились. А может, утешилась мыслью: попытка возвратить людям истоки была, если даже и закончилась так печально... Я сделал все, что мог... Теперь очередь за другими...

Спустя несколько лет после пожара в одной из комнат Дома пионеров взорам любознательных ребятишек и заглядывающих сюда немногочисленных взрослых предстали самодельные полки и застекленные шкафы-витрины, заполненные видавшими виды фотоаппаратами и невесть откуда появившимися набойными досками, берестяными лукошками...

А вот и он сам, спешащий по улице с очередным «трофеем»: тащит самодельные охотничьи санки... Или кружит возле разбираемого старого дома: возможно, именно здесь выброшена за ненадобностью та вещичка, то звено, которого недостает в исторической картине этого края.

Краевед... Значит, ведающий краем, знающий его как пять своих пальцев... Емкое, необъятное, бездонное, как сама жизнь и сама история, слово.

Слышала, что во многих западноевропейских странах в каждом населенном пункте есть специальный человек, записывающий для потомков каждое событие или явление, происходящее на этом клочке Земли... У нас, без высочайших волеизъявлений сверху, без всяких указок, а иногда и вопреки им, по велению души эту нелегкую и до недавних пор, чего греха таить, совсем неблагодарную ношу взва-

лили на себя и Анатолий Антонович, и мой учитель из Важгорта Борис Иванович Петров и десяток других известных мне людей, с которыми у меня всегда ассоциируется слово «краевед»... Романтики, мудрецы, мечтатели, следопыты, патриоты, летописцы... И сторики-профессионалы зачастую отзываются о них по-другому, с оттенком явного пренебрежения: Дилетанты...

Горько и несправедливо...

И можно, конечно, ввязаться в спор, попытаться если не переубедить, то хотя бы переспорить. Но нужно ли? Не лучше ли всегда помнить, пусть и не очень популярном, но тем не менее существующем значении этого слова, согласно которому, дилетант – это человек, которому всякая ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ приносит удовлетворение.

Смилингис... Фамилия как пароль: оглянись вокруг, найди этот мир необыкновенным и интересным, приложи силы, чтобы это почувствовали другие.

А.Сивкова

Молодёжь Севера, 1989, 5 мая

Древо жизни проросло сквозь цепи «ЛОКЧИМЛАГА»

Семь страниц из 75-летней жизни

На склоне лет человек все чаще обращается к истокам – к детству, юности... Как старатель в лотке промывает в горстях жизнь и судьбу, смывая пустые пески и улавливая крупицы золота.

Жизнь Анатолиса сына Антанаса, а привычней – Анатолия Антоновича Смилингиса – состоявшийся, только не записанный роман: протяженный во времени и пространстве, в котором горе и радость неразлучно ходят рука об руку...

Страничка первая. Клеймо «Локчимлага».

Вернувшись накануне 75-летия из Литвы, со своей малой родины, Анатолис Смилингис окунулся в заботы по установлению очередного мемориального креста на массовом захоронении репрессированных неподалеку от Позтыкероса... Захоронение, заросшее травами, ивняками, березняками, ему показал Евгений Пантелеев, глава сельской администрации. Смилингис и Пантелеев вместе выбирали место для установки скорбного знака. Тут-то глава сельской администрации и подарил бывшему ссыльному и нынешнему историку трагедии лесных невольников прессованное кузнечное клеймо с выпуклой надписью: «Локчимлаг НКВД». После долгих лет забвения клеймо всплыло на свет божий, когда стали разбирать на дрова старый заброшенный дом...

Хотя внешне Смилингис остался спокоен, в душе его бушевала буря: так для дремлющей лавины достаточно неловко брошенного снежка, чтобы залежавшаяся масса ухнула с горы... И не только потому, что увесистая железяка буквально жгла его ладонь – ведь лучшую часть жизни – юность! – украл у него «Локчимлаг». Не потому, что сознание и память искали ответ на загадку: что же клеймили этим железом, доводя его до белого каления и остужая после вонючей процедуры в темном масле, что и ржавчина его не берет?.. Бочонки с охрой, с белой и красной рыбой, добытой на Локчиме – невольничьей реке, с солеными груздями, моченой брусникой, живицу в коробах из сосновой дранки, лагерный скот?.. Или, не исключено, таких же, как он, оболганных, обобранных, лишенных человеческого достоинства и будущего?

Он знал общепринятую историю Позтыкероса: основан после 1678 года, впервые упомянут в 1707 году, как «... починок на Поздекеросе» ... Первопоселенец – крестьянин Усть-Сысольской волости Тит Гаврилович Меруков. Второй двор здесь обустроил родственник Мерукова – Ефим Иванович Изъюров с сыном... В середине XIX века в разросшемся селе построили кирпичную церковь... 93-летний корткеросец Степан Селиверстович Изъюров (надо полагать – потомок второго поселенца) рассказывал, как крестьяне всем миром строили храм во имя Святой Живоначальной Троицы, впоследствии оплеванный, лишенный крестов и росписей, человеческого обхождения... Этот храм, превращенный во время оно в пересыльный пункт, как немой укор, маячил перед глазами... И всего-то до него – только бывшее картофельное поле перейти. То самое, на которое лет этак шестьдесят назад вывел он – тогда совсем еще юноша – по весне десятка полтора оголодавших сотоварищей по несчастью...

Страничка вторая. Ах, картошка – объеденье, пионеров идеал, или Как иранский князь Нургельды взывал к Аллаху в православном храме...

Не берусь однозначно ответить, почему Смилингис одно за другим открывает заброшенные людьми, заращенные природой захоронения, на которых все равны перед землей и небом – бок о бок спят вечным сном христиане и католики, мусульмане и буддисты, язычники и атеисты... И чтобы разбудить благодарную память ныне здравствующих, при поддержке фонда «Покаяние», с помощью друзей и добровольных помощников один за другим обозначает их памятными, в старину говорили – обетными крестами...

Первоначальное зернышко этого святого дела заронила, конечно, родина его детства – Литва. Там и по сей день почти на каждом перекрестке высятся кресты, созданные и создаваемые доныне народными скульпторами и зодчими,– у каждого свой облик, своя судьба, свое имя и предназначение. А по большому счету, они обозначают связь каждого литовца с тем уголком земли, где он сделал первый

глоток жизни, с родовыми корнями, к которым, в какие бы края не занесла судьба, душа его домой вернется...

Отец Анатолиса Антанас Смилингис считал, что по историческому родству русские и литовцы ближе, чем с болгарами и поляками... Он был директором школы, преподавал математику и историю. Надо полагать, корни родства наших народов возводил к древнему славянскому племени древлян. Когда советские войска вошли в Прибалтику, родственники предлагали Антанасу поостеречься и перебраться в Каунас, в который вошли немецкие войска. Но Смилингис-отец был уверен, что его семье ничто не грозит, что новой власти нужна локальная интеллигенция.

Увы, надежды не оправдались. В июле 1941 года вся семья Смилингисов была погружена в скотский вагон, из которого даже коровьи лепешки не убрали, и вместе с другими бедолагами отправлена в неизвестность...

В декабре 1941 года Антанас Смилингис был расстрелян где-то под Красноярском. В 1942 году ушла из жизни и мать Бронеслава – потомственная учительница, в годы первой мировой – сестра милосердия Красного Креста. Ее отправили в лагерь Нижний Чов, где она бесследно сгинула, всего за две горсти овса с конюшни... Никто не знает их могил и, Бог весть, поставит ли кто памятные кресты на их последних братских прибежищах... И может быть, именно память своего корня водит рукой Анатолиса сына Антанаса, когда с заржавевших жестянок и дряхлых деревянных табличек переписывает он имена и даты там, где время их сохранило.

Или, может, как писал Шарль де Костер: пепел Клааса (отца Антанаса!) стучит в его сердце?!.

...Первый капитальный сварной крест Смилингис установил 20 июня 2001 года на захоронении спецпоселка Второй участок, невдалеке от Корткероса, куда ссыльных литовцев (и его самого) привезли с Вычегды, по которой они поднимались на баржах, на газогенераторных машинах в конце августа 1941 года. Спецпоселок – бывший лагерь, опутанный колючей проволокой, был пуст, выметен от мусора, свободен от зеков, собак и охраны... Куда ушел отсюда этап, – в другой лагерь или, вероятней всего,– «прямо на небо», остается догадываться... Но на место того «контингента» бесконечным потоком шел другой – и кого-кого в нем только не было: литовцы, поляки, эстонцы, финны, немки с детьми, корейцы, китайцы, иранцы...

И был среди иранцев князь, так его соотечественники называли меж собой, по имени Нургельды. С большой голодухи в пору весенней распутицы, когда ссыльные были предоставлены сами себе, организовали они поход на вытаявшие из-под снега картофельные поля Позтыкероса. К тому времени Смилингис, которому доверяли подыскивать участки, удобные для вырубки, довольно неплохо ориентировался в окрестных лесах. И изголодавшиеся люди попросили Ана-

толиса отвести их на картофельники. Мужчины отказали напрашивавшимся кореянкам взять их с собой: из-за маленьких ножек и роста они проваливались в набрякший водой снег «по самое некуда» ... Пошли полтора-два десятка человек, насобирали мороженой картошки, обессилевшие вернулись в поселок по снегу и талой воде... Отмыли подмерзшие клубни от земли, отмучили, отстояли крахмал, напекли оладий... (В детстве – в голодные послевоенные годы – мы тоже собирали вытаявшую картошку, пекли такие оладьи и называли их то лототиками, то тошнотиками, что, в общем, недалеко от истины). А Смилингис в ту пору, как о счастье, мечтал, что, освободившись, только такие шанежки и станет есть!..

Наелись от пуза, глядь-поглядь, а князя Нургельды-то нет. Ждали неделю-другую. В конце концов по-братски разделили нехитрое барахлишко. Смилингису достались толстые портянки. Только он отжарил их от вшей у раскаленной плиты, только обулся и успел порадоваться, как в них удобно и тепло, а князь – на порог. С чужого коня – посреди брода слазь!..

Оказывается, отбившись от своих, Нургельды попался охранникам. Те посадили его в храм – пересыльный пункт, пустовавший по случаю весенней распутицы. Во-первых, мусульманин неуютно чувствовал себя в православном храме. Во-вторых, он с детства боялся темноты и для храбрости распевал суры Корана, а эти его распевы скорее походили на голодный волчий вой и не давали охране спокойно спать. А в-третьих, князь был велик ростом – под Петра Первого! – и все время просил есть, а еды-то и на своих оглоедов не хватало. В конце концов охрана сделала вид, что никакой поимки не было, вытурила князя из храма на все четыре стороны. Нургельды каким-то чудом добрался до Собино, а оттуда прибрел на второй участок, другого дома ведь у него не было.

Страничка третья. «Любовь и смерть, как две сестры, ходят неразлучно по сегодня...»

Замечено, что люди, которые, не согнувшись, не сломавшись, прошли закалку «Локчим-Ухта-Ижем-Мин-Реч – и т.д. лагом», живут долго. Может быть, таково их высшее предназначение – нести память о пережитом.

В той далекой и жуткой действительности смерть была многоликой и обыденной. Как-то на утреннем разводе мастер подвел к Смилингису четырех иранцев – исхудалых, легко одетых... Поручил дать им пилы, топоры, показать, как работой греются... Смилингис привел иранцев к сухой валежине, развел костер, показал, как валить деревья, обрубать сучья... Сам завертелся в круговороте дня. Когда пришел попроведать новичков, костер потух, несчастные, как присели руки погреть, так и застыли...

Непреложным был закон: кто не работает, тот не ест. На его памя-

ти пришли в магазин два доходяги-корейца, стали молить продавца:

– Дай хлеба, начальник!

Тот, упиваясь своей властью:

– Вы не работаете, вам не положено.

Один старик изловчился острой палкой подцепить и утащить буханку хлеба. Они тут же стали рвать ее на части и проглатывать, не жуя. Первый умер сразу у прилавка. Второй – в санчасти.

Но из всех пережитых смертей Смилингиса больше всего поразила кончина солистки знаменитого Одесского театра – ее имя и фамилия стерты годами, а большеглазое лицо и хрупкая грация фигурки и по сей день встают перед глазами.

Ссыльные немки с детьми прибыли на Второй участок на своих лошадях-битюгах, приученных к овсу. «Лошадиной радости» и для людей-то не было. Тяжеловозы быстро слабели, покрывались язвами, отбрасывали копыта. Охрана их обливала керосином, поджигала, закапывала. При первом удобном моменте ссыльнопоселенцы откапывали обработанные огнем туши, разделывали, разыгрывали куски по жребию, варили и съедали. Однажды Артистке выпал срамной выигрыш – самый деликатный орган жеребца. Не обращая внимания на издевки, она отмочила кусок деликатесного мяса, сварила, обжари-



ла на плите, а отведав жаркого, со всей театральной учтивостью еще и поклонилась в пояс:

– Спасибо, люди добрые, ничего более вкусного я в жизни не едала.

Она была гордой – эта залетная птица из другого мира, не могла по природной хрупкости работать сучкорубом, унижаться до побирушек и дошла до крайней степени истощения. Ее хватило еще месяца на полтора. По первому снежку юный Смилингис был потрясен сочетанием несовместимого: прекрасного и безобразного. Поражала бледная и тонкая красота ее отстрадавшего, умиротворенного лица, которое было кое-где словно бы опилками присыпано. «Опилки» почему-то перемещались, как будто железные, когда они ориентируются по магнитным силовым линиям. Анатолис удивился, почему те шевелятся. Присмотрелся. Оказалось, что это крупные вши оставляют остывающее тело и движутся вдоль теплых еще кровеносных сосудов... И дикая мысль пронзила сознание: не так ли и мы порой копошимся на прекрасном челе Земли?!.

Когда Смилингис рассказал мне эту историю, я вспомнил судьбу другой одесситки – такой же худенькой, казалось бы, слабенькой – Зинаиды Хорол. Когда арестовали, якобы, за участие в контрреволюционной организации ее сына-студента, эта мать встала на защиту. Она сумела пробиться на личный прием аж к самому Лаврентию Берия. Тот сказал, как отрезал, с присущей ему наглецой: «Дашь – верну сына, нет – сама следом пойдешь на Воркуту». Зинаида влепила высокопоставленному бабнику пощечину и пошла по этапу. До Воркуты не дошла, тихо, словно свечечка на ветру, угасла в Сангородке под Интой. Но сумела по каким-то неведомым каналам передать весточку сыну в «Воркутлаг», которая там нашла адресата. Пройдя все круги заполярного ада, став уважаемым гражданином Израиля, Иосиф Хорол приехал в Инту и с помощью местного «Мемориала» поставил на повороте к Сангородку, от которого остался один барак, памятник Матери и другим узницам ГУЛАГа...

Страничка четвертая. Закон – тайга, медведь – хозяин, или чудо-рис от дядюшки Кима...

Черное небо с мерцающими гвоздиками звезд. Мы блаженствуем, сидя на седых бревнах бывшего машинного строения, у весело танцующего костра. Глаза то слипаются от усталости, то разлипаются: за плечами километров пятьдесят, пройденных нами по старой, затравеневшей, местами заболоченной дороге. Пешком с рюкзаками – от исчезнувшего поселка ссыльнопоселенцев Веж до колхозной деревни Емельстан, где, кстати сказать, тоже работали и десятками умирали ссыльные, и назад.

Растянувшись гуськом, мы время от времени наклонялись, чтобы сорвать на обочине белый гриб. Наклонившись над одним борови-

ком, Вася Ткачев, внук известного намского медвежатника Василия Ткачева, увидел на шляпке медвежий автограф – когтистый оттиск лапищи. Потом мы стали замечать по откосам дороги порывки косолапого – он раскапывал «катакомбы» рыжих земляных муравьев и лакомился насекомыми. Раскопы были свежими. Мы насторожились, поскольку были безоружными, но продолжали идти вперед. Медведи имеют обыкновение заходить к возможной жертве сзади. Поэтому мы удвоили-утроили круговое внимание.

Наш ротвейлер Антей то принюхивался к следам, то включал верхнее чутье – тянул нос по ветру, но, в общем, вел себя довольно спокойно...

Смилингис по документам, по воспоминаниям очевидцев восстановил историю бесчинств и смерти в этих местах огромного рыжего медведя. На совести четвероногого пожирателя людей было несколько мученических смертей детей и взрослых.

П.Шабаринова из Мордино рассказала Смилингису, что после очередного медвежьего набега приехал райкомендант (председатель колхоза из Емельстана) Алексей Васильевич Шабарин и долго гонялся за косолапым людоедом. А мишка, как оказалось, ходил по следам охотника. В конце концов медведь вслед за Шабариным пришел в Емельстан. Алексей Васильевич услышал бешеный лай собак, выглянул в окно и увидел медведя. Схватил ружье, которое еще не успел разрядить, и свалил мохнатого террориста выстрелом из окна...

Мы дошли до Емельстанского кладбища, где упокоились вечным сном вольные и невольные, сняли накомарники у могилы Алексея Шабарина, соорудили общий сосновый крест, помолчали, осмотрели остатки полуземлянок, в которых жили и умирали согнанные с родных мест люди... На излучине вкось по песчаному берегу Локчима в воду уходили следы медведицы и медвежонка – возможно, праправнука того самого мишки, который бесчинствовал здесь в полуголодные послевоенные годы. Его внучка, наученная временем, оказалась мудрей – увела сынишку в потомственные угодья, где сама она сильна настолько, насколько позволяют ей медвежатники Василий и Владимир Ткачевы. На потомственную тропу, возможно, станет и юный участник нашей экспедиции – Васёк Ткачев.

Смилингис колдовал у костра. Он то подкидывал несколько сухих веточек к котелку, из которого попахивало душком томленого риса, то напротив – отодвигал разалевшиеся угли. То, как на удилище, поднимал котелок на рогульке, помахивал им над парком-дымком – готовил рис, как научил его корейский наставник со Второго участка «дядюшка Ким». По данным Смилингиса, сам Ким-Ди-Ен, освободившись, и его потомки впоследствии обновили коми кровь в Позтыкеросе. Анатолий Антонович нос к носу встретил в деревне девушку с лицом «дядюшки Кима»...

Два с половиной часа продолжалось священнодействие. В резуль-

тате рис от «Смилингиса и К0» сделал бы честь любому ресторану. Он не был кашей-размазней в общепринятом смысле слова: каждая рисинка – сама по себе и таяла во рту, как молочный шоколад. И что удивительно – на стенках и дне котелка – ни одной пригорелой корочки... Мы не успели заметить, как проглотили чудо-рис. Попросили Анатолия Антоновича открыть секрет. Смилингис пояснил, что в двух-трех словах не расскажешь: просто нужны терпение, умение соблюсти тепловой режим и чутье – важно вовремя остановиться...

Мальчишки пошли на сон грядущий полюбоваться звездами и притащили из ночи, как из тьмы лет, увесистую железяку: толщина под два сантиметра, прямоугольник сантиметров 40 на 60. В трепетном свете костра, усиленном фонариками, мы разобрали наваренную надпись: «Закон-тайга – Медведь хозяин 1938...» Кстати, медведем в то время называли прокурора. Время рассудило, кто был страшней: зверь или человек, облеченный властью...

Попивая приправленный смородиной чай, Смилингис доказал нам, что косолапый людоед не пришел от Карельского фронта, как утверждали царьки «Локчимлага». Он приохотился к человечинке здесь – хотя бы на песчаном карьере у той же Нидзьёль, где выветрелые и разрозненные косточки пришлось собирать, чтобы захоронить их по-человечески, в один кумачовый гроб. Как поется в известном обращении к товарищу Сталину: «...Вчера мы хоронили двух марксистов, тела закрыли красным кумачом. Один из них был левым уклонистом. Второй, как оказалось, НЕ ПРИ ЧЕМ...»

А современный медведь, вполне возможно, окарауливал нас. Собака то и дело с лаем бросалась в темноту и только под утро забралась в палатку, легла в ногах между мной и Станиславом Коюшевым и, как живая печка, отогрела нас – изрядно озябших на первом осеннем студенце.

Страничка пятая.
Под напором Смилингиса перемещаются даже и камни...

Камни – лежебоки и тугодумы. Растут они и перемещаются медленно. И даже – думают, как утверждают некоторые ученые, в ритме тысячелетий. То есть мы с вами для них, как для нас – комарики на воздушном шарике. Но мы–как бы комарики – можем воздействовать на них, тысячелетних в нужном для нас направлении. Пока они медленно думали, мы взяли и превратили, скажем, сверхвечные кварцитопесчаники Обеиза в основание храма Христа-Спасителя в Москве.

Никто не исследовал, сколько десятков тысяч лет врастал в ледниковую морену на 16-м километре автодороги «Корткерос-Мордино» довольно-таки большой – весом в 6,5 тонны – обломок гранита, принесенный одной из волн оледенения, может – с Кольского полуострова, а может, и с самой Новой Земли... Но Людмила Королева

обнаружила его... И пришли к нему люди с главным закоперщиком – Анатолием Смилингисом, и пришлось камню подчиниться воле человека с автокраном, переместиться на обочину автодороги неподалеку от Аджерома – необъявленной столицы «Локчимлага». В нем, кстати говоря, по сей день сохранился «расстрельный дом», в котором живут ничего не знающие о страшном прошлом своего жилища люди. И слава Богу, что не знают...Камень установили на высоком откосе под соснами. Летом он хорошо просматривается при езде в любом направлении, к нему можно подняться по дощатой лестнице, прочитать лаконичную надпись: «Узникам лесных лагерей 1932 -1956»

Справа от него – дощатый стол и скамейки, на которые можно присесть и, если твои близкие бесследно потерялись в злых метелях «Локчимлага», помянуть их...

Говоря откровенно, не каждому нравится неугомонный характер Смилингиса: в его годы лежать бы на печи да пузо греть, а он, как лось, носится по дебрям, по заросшим и забытым лесным дорогам, оставляя на них следы памяти. За последние несколько лет с верной спутницей Людмилой Николаевной и друзьями наворочал – дай Бог каждому. Далеко не полный перечень мест, где им установлены знаки памяти и покаяния: на Втором участке, на утраченных починках Лобановка и Максим, на Нидзьёле, Веже, Емельстане, Расью и т.д.

– У кого нет памяти, у того нет Родины,– сказал Анатолий Смилингис на открытии мемориала.

У него две родины: Литва – по рождению и Коми – по жизни, по судьбе. Корткеросу, республике отдано полвека труда не по принуждению, а по душе – иначе он просто не может... У него есть все возможности для безбедного проживания в Литве, Смилингис съездит туда на недельку-другую, чтобы надышаться запахами детства, и снова в Корткерос. «Домой!..» – так он говорит. В этот раз побывал в Вильнюсе, Клайпеде, Паланге и в самом святом для себя местечке – уютном городке Плунге на берегу Дзинтара юра – Янтарного моря... В Плунге он родился, учился в гимназии, в каждый день рождения получал в подарок книжки... Больше всего он сожалеет, что из той безоблачной поры не сохранились 100 томиков Джека Лондона, который первым преподал ему уроки выживания на Севере... Городок славится рыбаками и мастерством копчения лещей. Как мало надо человеку, когда душа его богата памятью. Купил Анатолис сын Антанаса у старого рыбачка полуторакилограммового леща, бутылку темного ячменного пива, хлебнул-закусил, смакуя, и перед памятью встала далекая весенняя пора, когда реки и озера, улицы и дома пахли икрой, свежей и копченой рыбой. В прямом смысле слова ощутил дурманящий запах детства.

Бывал я в этом удивительно уютном, аккуратном городке. В нем возникает ощущение, что ухоженный Плунге никогда не знал житейских и политических потрясений, не громыхала над ним натураль-

ная канонада, не падали на цветущую землю подкошенные безвременьем люди той и другой стороны...

У Смилингиса в Плунге саднит сердце, трепещет, как подраненная вещунья-птица, душа. И подчас наворачиваются на глаза непрошеные слезы, которых он не стыдится. Это не признак слабости. Это божья роса, в которой купалось солнце его человеческого начала.

Страничка шестая.
Школа выживания для себя и других

Первые практические навыки выживания Анатолис получил опять же в детстве – в лагере скаутов: как поставить палатку, как одной спичкой и без спичек разжечь костер, какие травы и корни, плоды и ягоды можно употребить в пищу, как сделать пригодной для питья болотную воду и т.д. Они помогли ему выжить в первые – самые трудные годы ссылки, унесшие многих собратьев по несчастью, оказавшихся беспомощными в условиях суровой реальности...

И, может быть, именно осознание этой истины стало первотолчком к тому, что в ноябре 1959 года при Корткеросском Доме пионеров им был организован турклуб «Белка», действующий до сих пор. Первое «Хорошо бы организовать...» сказали учащиеся Вальтер Худяев, Михаил Смирнов, Афанасий Удоратин, Виктор Солодков, Василий Юранев, Славик Демидов, Леня Одинцов, Валентина и Раиса Изъюровы... А Анатолий Антонович Смилингис их услышал и поддержал делом: «... наш клуб был организован как самостоятельное детское объединение с целью активного изучения родного края...»

Как считает Станислав Коюшев, председатель районного комитета охраны природы, молодость души и в зрелые годы характерна для тех, кто соприкоснулся с «Белочкой» хотя бы на один сезон... «Для многих ребят, – писал он, – к которым я отношу и себя, клуб стал родным в самом прямом и высоком смысле этого слова... Главное заключается в том, что «Белка» формирует характер и задает верный тон на всю последующую жизнь...»

На 40-летии клуба, которое отпраздновали 20 ноября 1999 года, в Негакеросе Анатолию Антоновичу было в чем отчитаться: сотни воспитанников, тысячи километров маршрутов по самым живописным рекам, горам и лесам республики, многочисленные этнографические, геологические и прочие коллекции, открытие на Локчиме кедрачей, которые стали заказником, цветов, внесенных в Красную книгу...

Анатолий Антонович – самый наглядный пример для подражания в походе и в обычной жизни. Он исходил все окрестные места, как свои пять пальцев знает леса и реки – большие и малые. В трех-четырех километрах от Корткероса ему известны зоны, где запросто можно надолго заблудиться. Поэтому он не позволяет себе пойти в лес без карты и компаса. С ним всегда защищенный от влаги коробок спичек, легкий котелочек из консервной банки, чай, хлеб, соль, сахар, бутер-

бродики из печенья с маслом во влагонепроницаемой упаковке, нож, лопатка-топорик... На случай, если встретятся неизвестные захоронения, планшет, чтобы набросать схему их расположения...

Смилингис знает, какие грибы можно съесть сырьем, как условно съедобные грибы сделать бесспорно съедобными, какими растениями-корешками можно заморить червячка и снять ту или иную боль... В безжизненном, казалось бы, зимнем лесу, где не так просто разжиться съестным, он умеет с помощью обыкновенного полена, конского волоса или обрывка лески, нескольких брызг мочи наловить клестов – какое-никакое, а мясо... Он – ходячая энциклопедия лесной, речной, природной премудрости. Анатолий Антонович настолько напичкан разнообразными знаниями, в любую минуту готов сопоставлять бесспорные факты, спорные предположения, строить гипотезы и доказывать их, ребятам с ним бесконечно интересно...

Все это от него переняла и Людмила Николаевна. Но она еще кроме того и народный умелец: любой виток бересты может превратить в посуду или игрушку, детишки с радостью получают у нее на привале уроки мастерства.

И естественно: вырастая, «бельчата» не перестают уважать наставника, он остается для них авторитетом.

Не слишком хорошо знающие Смилингиса люди порой поговаривают, что он скуповат. Неправда. Да, он расчетлив: в дальний поход возьмет столько, сколько нужно, и чуточку больше – в лесу может случится всякое. Но не больше того, что можно без сверхусилий унести. При этом обеспечить себе и спутникам разумный уровень комфорта. Главное – и это бесспорно – он щедр душой. С человеком, достойным доверия, действительно нуждающимся в участии, поделится всем: от последнего сухаря, рубля до самого потайного, уникального знания.

Страничка седьмая.
Когда человек ищет, находки сами плывут к нему в руки

«Бельчата» вспомнили на юбилейной встрече: «Созданы и насыщены находками два музея. 25 ноября 1975 года был зарегистрирован музей, на основе которого в ноябре 1987 года был открыт районный музей труда и быта». Многие годы все свое свободное время Анатолий Смилингис и Людмила Королева посвятили сбору и описанию коллекций музея Дома пионеров и школьников. Одних только прялок, собранных в экспедициях и походах по Вишере, Нившере и т.д., в нем за триста. Пожалуй, такого собрания не наберется и в фондах Национального музея. Людмила Николаевна создала альбом прялок, пытается привести в систему и расшифровать язык орнаментов. Вот одна лишь из уникальных находок с Вишеры. На передававшейся в роду по женской линии прялке надпись: «1906 г. 1юля 19» и три розетки... Можно, к примеру, предположить, что у молодоженов

19 июля 1906 года родился первенец, а то – и вся тройня (розетки могут обозначать три новых жизни). В честь такого праздника счастливый отец и сотворил памятную прялку для любимой...

А у многих прялок узоры настолько древние, в них настолько переплетены узоры языческие, православные, что, даже имея понятия об этнографии, обычаях и верованиях древних, развитую интуицию, расшифровать их не легче, чем прочитать древнюю египетскую клинопись... Помочь бы Смилингису и Королевой в подготовке, публикации и научном комментарии их богатейшего наследия... Но мы ленивы и не любопытны, более того – расточительны.

В наше, казалось бы, просвещенное время находятся недоросли духа, которые позволяют себе брякнуть:

– На свалке место этому старью.

«Старью», не менее уникальному, чем то, которое украшает залы этнографических музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Перми и т.д. «Старью», которое могло бы стать основой отдельного финно-угорского музея, приманкой для деловых людей, ученых Запада и Востока, нередко приезжающих в Сыктывкар... Гордостью Корткероса, до которого от столицы всего-то сорок минут езды. Не только «старью», но и «новью» – стараниями народного мастера Людмилы Королевой и ее воспитанников не просто освоены, но и развиты традиционные народные ремесла: резьба по дереву, плетение из бересты, корней да и другие, характерные для коми национальной культуры.

Маленькая Литва, могла бы, простите, с потрохами купить эти собрания вместе с их авторами, построить для них дом и музей-хранилище... Большая, богатая природными и человеческими ресурсами Республика Коми в данном случае, к великому сожалению, расточительна.

Еще не всю свою полосу препятствий преодолели Анатолий Смилингис и Людмила Королева, его спутница по жизни и интересам. По воле недалеких людей они уволены за «неисполнение обязанностей», отстранены от того, что, отказывая себе во многом, собирали всю жизнь. Над их сборами, их и нашем общем – общественным культурным, историческим достоянием нависла угроза расхищения и утраты.

Хочется быть уверенным, что ничего подобного не случится, что рано или поздно будет найдено оптимальное сочетание личного и общественного. В конце концов,– есть суд общественный и правовой.

Анатолий Смилингис не теряет мужества, уверенности в конечном торжестве справедливости и своей мечты.

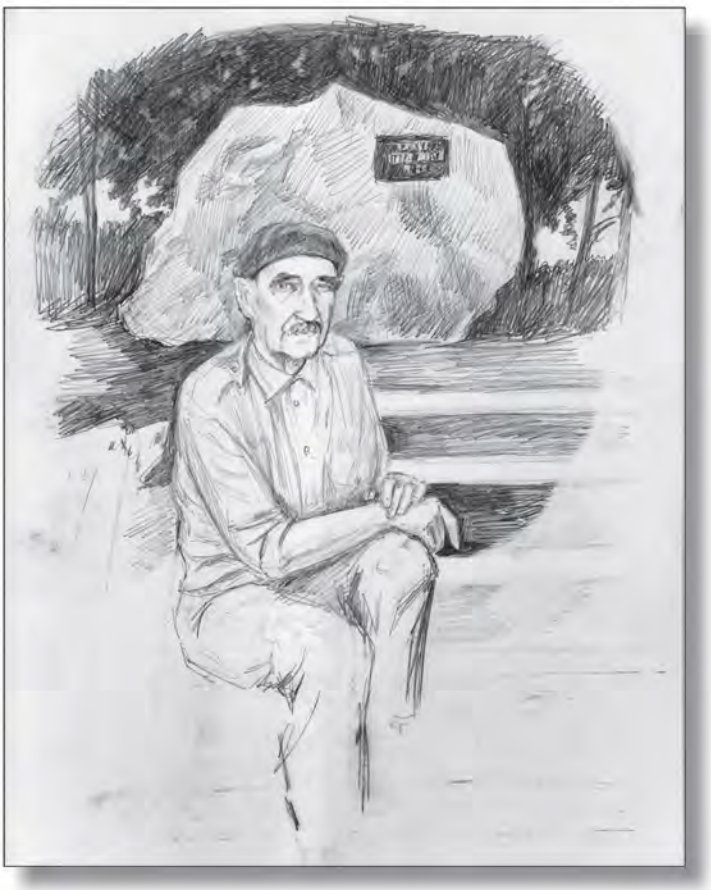
Послесловие.
Мир украшают чудаки и мечтатели...

Чтобы просто перечислить находки самого Смилингиса, его воспитанников, его спутницы по не самым обустроенным дорогам жиз-

ни, понадобится создать увесистый каталог. Не могу не вспомнить всего лишь три находки.

Во время торжественного предания земле косточек, собранных в песчаном карьере Нидзьеля, Смилингису и Королевой попалась на глаза символическая находка: молоденькая сосенка, проросшая на крутом склоне сквозь звено кованой цепи «Локчимлага»... Так жизнь Анатолиса Смилингиса проросла сквозь невольничье кольцо прошлого времени нашего края. И он, увы, не волен убежать к молочным рекам и кисельным берегам призывающей его к себе Литвы...

Исследуя захоронения среднего и верхнего Локчима (Намск-3), Смилингис и Королева поднялись на беломошный холм, поросший рослыми соснами, лет эдак за семьдесят возрастом, нашли под ними могильник, наличие которого предполагали. На стволе одной из старейших сосен в центре могильника они увидели заплывший смолой восьмиконечный православный крест. Вопрос, который до сих пор



мучает Смилингиса: почему этот крест вырублен перевернутым?.. Знак того, что захороненный здесь православный люд оставил божий свет не по-божески?!.. Не здесь ли прилегли и не встали те невольники, которые оставили лагерь Второго участка для высланных из Литвы, Поволжья и т.д.? Те, которые, скорее всего, были списаны, выражаясь языком того жестокого времени. До того, как сам он оставит эту «суету сует и всяческую суету», Смилингис хотел бы найти ответ на этот вопрос.

Часов десять-двенадцать без передыху с тяжеленными рюкзаками топали мы пешком до Максима, а оттуда – до Лобановки. Часа два – через сплошной ветровал, оставленный ураганом. Эту полосу препятствий, созданную стихией для великанов роста и духа, никак нельзя было обойти. В конце концов, пошатываясь, мы выбрели-таки в пойму Эжьеса, прошли по звериным тропам сквозь травы выше пояса... И когда спустились к петляющей среди ивняков реке, чтобы напиться живой воды, увидели на дне поросший водорослями мельничный жернов. А поднявшись на крутой берег,– небольшой курган, в который превратился дом бабушки Людмилы Николаевны Королевой. И там – на первой чаевке, вернувшей нам силы, пришло желание втащить этот жернов, похожий на каменное солнце, на берег, на этот курганчик и установить лицом к восходящему светилу, как символ неистребимой жизни и вечности...

Во второй поход к Эжъесу, где мы установили два сварных креста, на месте угасшей Лобановки мы нашли половинку каменного жернова от ручной мельницы. По воспоминаниям уроженцев Лобановки, в порыве злости жернов расколотил конвоир. Мне немало пришлось попыхтеть, чтобы вкатить каменюку к подножию креста. Как и Смилингис, я уверен, что однажды мы общими усилиями вкатим на крутояр и жернов бабушкиной водяной мельницы. И разгадаем тайну древнего Кармылька, возвышающегося над бывшей деревенькой Максим, рухнувшие стены которой обжили березы и черемухи.

Да будет так.

Сыктывкар-Корткерос-Емелъстан-Максим-Лобановка.

В. Демидов

Сыктывкар: Литературный альманах, 2003. – С. 243-253.

Анатолий Смилингис:
«Чем больше знаешь, тем больше тайн»

Анатолию Антоновичу Смилингису 80 лет. Всех, кто знаком с корткеросским педагогом и краеведом, поначалу эта дата заставит сильно засомневаться в ее достоверности. Ну никак не дать столько лет этому неутомимому человеку, которого и в эти дни трудно застать в Корткеросе: он или уехал по делам в Сыктывкар, или отправился в очередную экспедицию по лесным речкам или в отдаленную деревушку. Трудно перечислить и все области, сферы окружающей жизни, в которых Смилингис не проявил бы себя как первопроходец, пытливый следопыт, любознательный человек. Все многочисленные открытия за долгую жизнь он делил с постоянными спутниками – воспитанниками корткеросского Дома пионеров, который он возглавлял более 40 лет и в стенах которого активно трудится и сегодня. Одной из отличительных черт известного в нашей республике краеведа является талант заинтересовать окружающей жизнью и историей нашего края любого из своих собеседников. Между тем биография и судьба самого Смилингиса таят множество белых пятен даже для его друзей, коллег, учеников. В преддверии юбилея наш корреспондент попросила Анатолия Антоновича углубиться в собственную жизнь, которая по выпавшим испытаниям, накалу деятельности и разносторонности интересов тянет на большой роман.

– Анатолий Антонович, давно знаю вас, привыкла к вам обращаться вот так, на русский манер. Хотя ваша фамилия литовская, а значит и зовут вас иначе…

– У меня два имени – Виталис и Анатолис, одно церковное, другое светское. Дома в детстве меня звали Толей, Толисом. А уже с 14 лет, после приезда в Коми, стал Анатолием.

– В Коми вы попали не по своей воле. В чем заключалась вина 14-летнего подростка, которого объявили «врагом народа» и определили на северный лесоповал?

– Долгое время я даже не задумывался над этими вопросами. И, как большинство спецпереселенцев, не соотносил себя ни с преступниками, ни с «врагами народа». Осознание случившегося пришло, наверное, лишь после 1956 года, когда впервые во всеуслышание заговорили о репрессиях, осудили культ личности Сталина.

Знаю, что у многих спецпереселенцев брали расписки, в которых они обязывались хранить тайну об условиях жизни в лесных поселках, своем подневольном положении. Поэтому многие из них – литовцы, немцы, поляки – до сих пор неохотно предаются воспоминаниям о пережитом. Немало и таких, как, например, мой знакомый немец Кофель из корткеросского поселка Подтыбок, которые до сих пор не понимают, почему их далекие от политики работящие семьи объявили преступниками, сослали на Север.

Родился я в Литве в городе Плунге, который перед началом Великой Отечественной войны, если пользоваться советской лексикой, «был освобожден от буржуазного ига». В первую волну начавшихся в Литве репрессий пострадали в основном бывшие полицейские, военные. Уже тогда составлялись и более обширные списки «неугодных элементов», куда вошли семьи литовской интеллигенции, активистов местных партий. По секретному приказу Берии за один день – 14 июня 1941 года – по всей Прибалтике подверглись арестам десятки тысяч семей, из них 800 тысяч литовцев, которых отправили в Коми, а также в Красноярский и Алтайский края. Среди них оказалась и наша семья: родители-учителя, я и младшая сестренка.

Помню, утром к нам домой пришли военный и трое людей в штатском. Сделали обыск, после чего заявили: «Собирайтесь. На сборы – два часа». Мама плакала. А я не понимал, что случилось, с интересом наблюдал за происходящим. На железнодорожной станции нас разлучили с отцом: мужчин определили в одни вагоны, женщин и детей – в другие. В пути, как выяснилось позже, мужские вагоны отцепили, их направили в Красноярский край. С отцом я больше не увиделся, не было от него и никаких вестей. Лишь через несколько лет знакомые сообщили из Вильнюса, что он погиб под Красноярском. По всей вероятности, был расстрелян.

– Путь многих ссыльных пролегал через Котлас, откуда на баржах их отправляли по Вычегде в различные точки Коми края, тогда еще никак не обозначенные на карте. Куда пролег ваш путь?

– Нас привезли в Теребей, это в трех километрах от Корткероса. Оттуда на газогенераторной машине по лагерной лежневке повезли дальше, на Второй участок. Высадили возле бараков, принадлежавших Локчимлагу, заключенных там уже не было, пустовали и окружающие бараки вышки. Поселились. Еще в поезде узнали, что началась война. Почти сразу же по прибытии женщин погнали на лесоповал.

Мама устроилась истопником в баню. В годы Первой мировой войны она работала сестрой милосердия, продолжительное время провела в Воронеже, где помогала бороться с эпидемией холеры. Знание русского языка, видимо, и сыграло свою роль при устройстве на эту работу.

Я же по-русски не понимал ни полслова. В гимназии, в которой я

обучался в Литве, хорошо освоил немецкий и французский, сносно изъяснялся на польском. Говорят, жизнь всему научит. Сначала по-русски освоил ненормативные слова, затем и разговорную речь. Одновременно научился разговаривать по-коми.

Осенью 1941 года меня определили рабочим по приемке леса. Ходил со специальной меркой с крючком на конце, замерял деревья, выбивал долотом буквы на них. Математику я знал хорошо, вскоре мастер доверил делать подсчеты. Наступила зима, вся обувь износилась, ноги сильно мерзли. Мама умудрилась достать какую-то обутку, а то в морозы сгинул бы. В декабре мастера забрали на фронт, на его место поставили меня.

– Какой из военных годов был для вас самым трудным?

– В первую зиму в Корткеросский район привезли большие партии китайцев, корейцев, турок, иранцев... Как и всех нас, их тоже определили на лесоповал. А какие из них лесозаготовители? Помню, начальник подвел ко мне четверых иранцев. Сказал, чтобы повел их в лес, показал, как надо валить деревья, а вечером принял работу. Дал я им пилы, топоры. Мороз стоял под тридцать, иранцы одеты плохо. Один все пытался объяснить мне, что он работал пекарем, показывал, как мял хлеб перед выпечкой. Отвел я их к сухостою. Показал, как надо пилой управлять. Они смотрят и словно не видят меня, на лицах – полное безразличие. Уходя, я развел костер.

Возвращался вечером к иранцам с беспокойством: как они там, не замерзли ли. Вижу – костер не горит. Подошел поближе. Все четверо – тут. Сидят рядышком – все мертвые. Даже дров, которые я им оставил, в костер не подложили.

Для меня, 14-летнего подростка, почти каждый день той тяжелой зимы был насыщен потрясениями. В 1942 году арестовали маму. За то, что из конюшни принесла пару горсточек овса испечь нам лепешки. Увезли ее в Чов, там в 1943 году она умерла от голода. Но об этом я узнал лишь после войны, ведь с сидящими в лагерях в годы войны переписка запрещалась. После ареста мамы сестру Риту определили в школу-интернат в Теребее. Ее спасли поляки. После войны им разрешили выехать на родину, они помогли уехать и Рите. Это считалось побегом, но в Литве ее укрыли, не дали снова вывезти на Север. Она и сейчас проживает в Литве.

Голод и в первую, и во вторую военную зиму был страшный, каждый день уносил десятки жизней. Рассчитывать мне не на кого. Стали пухнуть ноги, на работу выходить не мог. А тем, кто не работает, не выдают хлебную пайку. Чем это чревато – известно. Десятник Шаманов знал, что я очень плох, еле хожу, но хлеба не лишил, в течение месяца я получал его по карточке. Это спасло от смерти.

Перевели в Собино, поставили десятником. Какое-то время принимаю лес, затем, как и все, работаю на рубке. Помню, срубил сосну, отодрал кору, обнаружилась внутренняя мягкая оболочка дере-

ва – камбий. Я почти всю вкусную мезгу съел. Потом две недели мучился, думал, умру.

В Собино было много китайцев, молодых и старых. На лесоповале они быстро «доходили». Ходили «промышлять» в села, в основном на картофельные поля. Потом на живность переключились. Ловили собак, снимали шкуру, варили в больших бочках. И меня подкармливали. Когда не стало собак, начали крыс ловить. Однажды угощают бульоном, хлебаю вкусное варево, спрашиваю: «Что за мясо?» «Клыса, Толик, клыса», – отвечают. Букву «р» китайцы не выговаривали.

– За годы ссылки вы побывали в разных местах Корткеросского района. Какие из них считались самыми гиблыми, где больше всего, на ваш взгляд, полегло людей?

– Везде одинаково много: в Усть-Локчиме, Собино... Особенно много умирало бывших лагерников, привезенных в годы войны на лесоповал из Ухты, Княжпогоста. Это были доходяги, их списывали и под конвоем доставляли в спецпоселки. Сил для работы у них не оставалось, максимум – за неделю они угасали, умирали.

– Каким образом такой контингент рабсилы выполнял планы по лесозаготовкам? Ведь они были немалые и рассчитаны на здоровых людей.

– Процветали приписки, на лагерном жаргоне «туфта». Первый урок «советской экономики» преподал мне один из мастеров. Позже, освоив его урок, я пытался облегчить участь китайцев, бывших военнопленных, всех, кто работал рядом.

Дело было так. За день от нас ушла загруженная лесом лишь одна газобункерная машина. Это около шести кубометров леса. На специальной фанерной дощечке я заточковал это, понес показать мастеру. А он на меня матом – не может быть такого! Ну, думаю, ошибся где-то, пойду проверю. Не сошлось, оказалось, на какие-то доли процентов. Оплошность я исправил, снова показываю мастеру. Он снова отправляет меня исправлять ошибку. Только с третьего или четвертого захода смекнул, чего добивается от меня начальник, выписал цифру вдвое больше. Но это тоже не устроило его. Лишь увидев цифру, в десять раз превышающую реальную, он бросил: «Ладно, так пойдет».

Туфтой можно назвать и появление среди спецпоселенцев стахановцев. Аккуратные, собранные немцы, пока не превращались в доходяг, вытягивали за день лучковой пилой пять-шесть кубометров. А потом в спецпоселках стали появляться стахановцы, которые якобы валили по 11 кубометров за день. Конечно, без приписок тут не обходилось.

Еще пример. Возле поселка Собино от Локчимлага остались штабеля невывезенного леса. Они занимали площадь примерно в полтора километра. Обессилевшим спецпереселенцам требовалось ска-

тывать бревна в реку примерно за 20 метров. На скатке мы провели целое лето. Сколько бревен за день сможет выкатить к реке доходяга? Четыре-пять, не больше. К концу сезона лесные штабеля убыли ненамного. Что делать? Приходит начальник и говорит, чтобы штабеля сожгли. Сжигали долго, пока снег не выпал. В начале зимы приехала комиссия, посмотрели, не остался ли лес на берегу. За ударный труд, помню, нам дали усиленный паек. А такое количество леса нам бы за целую зиму было не скатать.

– Когда и как вы сумели избавиться от лесоповала, чреватого в конце концов неминуемой гибелью?

– В спецпоселке Ошкаёль помогал ледянку делать, сильно промок, замерз. В это время сюда завезли семьи ссыльных из Западной Украины. Часть людей в дороге заболела сыпным тифом. Подцепил болезнь и я. Многие умерли, а меня отвезли в Корткерос, в больницу. Долго пролежал в беспамятстве. Болезнь отступала с трудом, еще несколько месяцев на больничной койке провел.

В это время в больнице работали примечательные личности. Хирург Иван Андреевич Кружилин был в войну военврачом, попал в плен, за это и очутился сначала на лесоповале, а затем в Корткеросе. Позже узнал, что он был участником испытаний первой партии пенициллина в России, привезенной из Англии. Среди корткеросцев уже немолодой человек пользовался большим авторитетом. И одновременно, как и многие в те годы, числился неблагонадежным – ходил отмечаться в спецкомендатуру.

После окончания мединститута в корткеросскую больницу по распределению приехали из центра и трое молодых докторов. С Иосифом Ройтером мы подружились, часто играли в шахматы. Одна из двух девушек-врачей как-то предложила мне уехать отсюда, мол, я посодействую. Я опешил: ведь мне надо отмечаться в комендатуре, возвращаться на лесоповал. Какое там уехать! Оказалось, что слова молоденькой врачихи были не пустыми: она доводилась близкой родственницей Абакумову – подручному Берии.

Эти люди и решили мою судьбу: после выздоровления определили работать завхозом в больницу.

– Не одно поколение корткеросцев, многие жители республики знают вас как бессменного в течение более 40 лет руководителя районного Дома пионеров. Что предшествовало и сопутствовало этому?

– Завхозом в больнице я поработал недолго. Как говорится, пошел вверх по служебной лестнице – пригласили в райздрав бухгалтером. Затем Николай Васильевич Шемякин, тоже из спецпереселенцев, директор школы, «сосватал» к себе, тоже на бухгалтерскую должность. Здесь, в школе, я сдружился со старшеклассниками, помогал им задачи на переменах решать, в шахматы вместе стали играть. После школы пойдем в клуб, заиграемся, про нас забудут, запрут, а мы до

утра «режемся». В школе предложили кружок по шахматам вести. Потом учителя жаловались, что даже на уроках пацаны играют, спасу от этих шахмат нет.

Тот же Шемякин, уже будучи заведующим роно, вызывает как-то к себе, говорит, отправляйся в Ухту на первый республиканский слет туристов. Вскоре после этого и поставили меня директором Дома пионеров.

– Учиться, выходит, вам так больше и не довелось?

– Гимназическим багажом знаний и пришлось довольствоваться. Что поделаешь, если вся юность в ссылке прошла. Но я всю жизнь учился, до сих пор учусь. Пацаны, когда в школе работал, здорово помогли подтянуться по русскому языку. К местным учителям часто за помощью обращался, никто не отказывал. Говорю по-русски свободно, а вот при письме ошибки выходят. Правда, сейчас писать стало легко, компьютер все ошибки исправляет.

Помню, пошел в первый раз в библиотеку за книгами, а чтива никакого. Зато на полках полно сочинений Сталина, Ленина, Маркса. С них и начал. Уже позже «Войну и мир» прочитал. А первой книгой на коми языке стала «Алая лента» Василия Юхнина.

– В республике, а тем более в районе, наверное, не осталось мест, в которых вы бы ни побывали. А первые свои походы помните?

– Могу сказать, что побывал во всех районах республики, сплавлялся по всем крупным рекам. А в Корткеросском районе и по всем малым рекам, которых здесь много.

Вспомнился один случай, как, будучи десятником, пошел выбирать делянку с начальником лесопункта. Почти полдня шли под солнцепеком. Обрадовались, увидев на участке Канифольный старые бараки. Там уже никто не проживал, внутри – прохладно, полумрак. Здесь и устроились на ночлег. До сих пор помню: ночью сон снится. Будто черти бросили меня в кипящий котел, а вокруг огонь полыхает. Просыпаюсь, оглядываюсь. И глазам не верю: по телу ползают белые букашки, прямо на глазах надуваются и лопаются. Клопы. Удивляюсь, ведь уже года три бараки пустуют, морозы зимой стояли нешуточные, а поди ж ты, выжили. Со спутником опрометью кинулись из барака, костер разожгли, прожарили всю одежду.

Потом были сотни других походов. И каждый без исключения преподносил какие-то сюрпризы, загадки. Вспоминаю, как сплавлялись с ребятами по Печорской Пижме. Во время остановки привлекли внимание обработанные каменные брусочки на берегу. Как они тут очутились? Расспросы привели в Усть-Цильму. Оказалось, таким промыслом занимались политссыльные. Некоторые из них были знакомы и с основателем первой опытной сельскохозяйственной станции на Печоре Андреем Журавским. Вот такая интересная цепочка выстроилась.

А в первый поход с ребятами я «имел наглость» отправиться, еще не имея ни опыта, ни туристских навыков. И не куда-нибудь, а в горы. Плохо разбираясь в географии, добрались-таки до Усть-Илыча. Здесь запаслись провизией. Но когда на биваке сварили макароны, они оказались несъедобными. Продавщица подсунула продукты с мышиным пометом. Пришлось весь поход довольствоваться хлебом и водой. На ошибках тоже учился.

– Вы создали в корткеросском Доме пионеров отличный музей, один из первых школьных музеев в республике. С чего он начинался?

– Музей начинался с разнообразных камушков, привезенных с первых походов, позже сложилась неплохая геологическая коллекция. С ребятами во всем искали что-то необычное, экзотическое. Уже позже к походам в «чистом» виде примешалась идеология, стали проходить всесоюзные экспедиции пионеров и школьников, начали записывать воспоминания участников Гражданской войны. Создание нашего музея совпало с хрущевской «оттепелью», к нам попали воспоминания людей, прошедших через сталинские лагеря, запрещенные учебники, книги, в свое время изъятые из библиотек. Это вызвало интерес, к нам зачастили экскурсии из Сыктывкара, приезжали ветераны партии, ученые. Думаю, что наличие этих материалов, до этого засекреченных, сыграло свою роль в том, что музей подожгли, сотни уникальных экспонатов сгорели. Этот ночной пожар оставил множество безответных вопросов.

– Что, на ваш взгляд, сегодня в первую очередь необходимо спасать от забвения и уничтожения, какие материалы сосредотачивать в музеях?

– Памятники духовной культуры. Время особенно безжалостно к бумаге, к фотографиям. Во время экспедиций мы стараемся побольше записать рассказов участников, живых свидетелей событий прошедшего века. Архивные материалы, как показывает опыт, не всегда объективно отражают время, многие события и детали, в официальных бумагах вообще не отражены. Взять ту же лагерную туфту, которая отсутствует в документах того периода.

– В Корткеросском районе еще остаются загадки, не разгаданные вами?

– Чем больше знаешь, тем больше тайн. Загадки попадаются на каждом шагу. Взять название села – Корткерос. Слово «кӧрт» с коми переводится как «железо». Значит, это место, где выплавляли железо. А совсем недавно от старожилов узнал еще одну версию происхождения названия села. Рассказали, что в эти места падал метеорит. Или взять лесные ямки, которых в одном лишь Кӧртъяге – в окрестностях Корткероса – 97. Одни оставили углежоги, другие, по всей видимости, лагерные. Но есть и необычной формы, круглые, в которых на несколько метров вглубь уходит железный

щуп. Что они таят в себе? Ответить на это смогут, наверное, только археологи.

– А чем продиктована ваша новая идея – реабилитировать легендарного основателя села – Кӧртайку?

– Каждый населенный пункт должен быть привлекательным, иметь свою самобытность, отличительные черты. Корткеросу повезло: уже в его имени остался жить его легендарный основатель. Но в литературе он преподносится исключительно как людоед, убийца, поджигатель сел. Хотя, если разобраться, его действия имели оборонительный характер. Он, как и еще один легендарный герой коми истории – Пам Сотник, таким образом боролся против колонизации, ассимиляции своего народа. Именно Кӧртайке легенды приписывают и славу первого железоделателя. Значит, он не только отрицательный персонаж. Как бы то ни было, в облике села надо увековечить его прародителя. К примеру, ладью на берегу Вычегды установить, опутанную цепями. Можно найти и другие интересные решения. Это не останется незамеченным. Такой памятный знак сыграет свою роль и в патриотическом воспитании.

Бывая на родине, в Литве, как-то в Каунасе я набрел на необычный памятник – забор, на котором после переправы через Неман Наполеон сушил свою одежду. Между прочим, увидеть его стремятся многие туристы, а жители города гордятся, что сохранили забор.

– Анатолий Антонович, вы теперь гражданин двух государств – России и Литвы, литовское правительство предоставило вам квартиру, вы часто бываете на родине. Нет желания возвратиться туда насовсем?

– Литовское гражданство получил лет пять назад, предоставили и квартиру в уютном городе Укмерги. С супругой Людмилой Николаевной Королевой ездим туда. Но остаться там я не могу. Здесь, в Коми, вырос, трудился всю жизнь. Привык к этим местам. Да и дел тут очень много. Уже несколько лет обследуем самобытную деревушку Троицк. Расшифровываем надписи на прялках. Ездим в экспедиции по местам бывших спецпоселков, лагерей, наносим их на карты, ищем захоронения. Никто кроме нас наши задумки в жизнь не воплотит. Эта мысль не дает покинуть Коми землю, еще крепче привязывает к себе. Тем более и интересного, экзотического здесь столько, что жизни не хватит все объехать и увидеть.

Беседовала Анна СИВКОВА

Дым Отечества. 2006-2007 годы, 2011. – С. 585-593.

Кресты Анатолия Смилингиса

Сквозь буквы, просверленные Анатолисом Смилингисом в жестяной табличке, просачивается немного света. Впрочем, надпись можно разобрать и вслепую, водя пальцем по словам:

«Захоронение Спецпоселка Второй участок 1942-1964».

Захоронение – это когда мертвые безымянны. Этим оно отличается от кладбища.

Через несколько дней – 20 июня – табличка с просветами займет свое место на кресте. Его собираются установить близ Корткероса в память о бесчисленных русских, литовцах, поляках, китайцах и других людях, которых смерть сроднила с коми землей.

Земля по-коми значит – «му». Если произнести горестно – будет похоже на мычание, если с нежностью – на слово «мама».

– Почему вы остались в Корткеросе? – спрашиваю я Смилингиса, бывшего обитателя 2-го участка.

Он разводит руками. По правую – течет Вычегда, по левую – разбросано сильно обветшавшее селение – наспех сколоченные дома и сараи между травой и облаками.

Шпионские истории

В первый раз я услышал об Анатолии Антоновиче (так его зовут в России) довольно давно. Двое сотрудников нашей газеты отправились в лес по тяжелому маршруту. Накануне они решили «взять благословение» у Смилингиса – старого путешественника – и получили немало ценных советов, как вести себя в припечорской тайге. Узнали, например, что идти нужно в перчатках, иначе комары облепят руки, и трудно будет нести рюкзаки.

Долгое время бытовала легенда, что Смилингис был заброшен к нам немцами во время войны, что-то взорвать, но сразу сдался властям. И будто бы именно в разведшколе его обучили науке выживания в лесу.

Я не слишком этому верил. Подобные истории рассказывают о многих прибалтах, доживающих свой век в наших северных краях.

Помню одного из них, высокого старика-эстонца, в поселке Озъяг. С развевающейся седой гривой и огромным орлом, вытатуированным на груди, он шагал по песчаным улицам-дорогам, подобно пророку неведомого культа.

Несколько ребят из нашего стройотряда, наслушавшись рассказов местных жителей о старике, оживились. Они вообразили, что в спец-

подготовку диверсантов входило умение обольщать слабый пол.

Но их ждало разочарование. Единственная дама сердца нашего эстонца была тихой коми женщиной. Он с грустью показывал на своей широкой ладони очертания ее крохотной ступни. До войны старик работал клоуном и боксером в балаганах, но однажды в драке лишил жизни соотечественника.

– Вы убили человека? – недоверчиво переспросил я его.

– Нет, ударил, – ответил бывший клоун, и я понял, что это, действительно, разные вещи.

Он очень тосковал по родине, жил ею, но не мог оторваться от могилы жены и еще чего-то. Как сказал мне Смилингис:

– После тяжелых мучений ты связан, боишься оторваться от того места, где столько пережито.

Кстати, к жизни в лесу Смилингиса, действительно, готовили. В скаутском лагере в Литве.

Семья

– Вот смотрите, как совпадает, – говорит Анатолий Антонович. – 14 июня исполняется ровно 50 лет с того дня, когда нашу семью выслали из Литвы в Коми.

Он до сих пор говорит с заметным акцентом. Доброе лицо почти постоянно озарено улыбкой, но иногда начинает вдруг морщиться, он закрывает его руками, пряча слезы:

– Ну ладно, сейчас пройдет... Сопляк, сопляк, я сам себя ругаю. Старость. Раньше со мной такого не было.

Это случилось на второй год советской власти в Литве, когда большевики решили взяться за национальную интеллигенцию. Считалось, что без этих людей можно будет успешней строить социализм.

По крови литовцы, быть может, ближе к нам, чем поляки или болгары. В состав их княжества вошло в свое время немало русских земель, где Петровы постепенно становились Петровичусами и т.п. С Россией уживались неплохо, несмотря на разницу в вере. Красный террор застал Литву врасплох.

* * *

– Когда немцы вошли в Клайпеду по пакту Молотова-Риббентропа, – вспоминает Смилингис, – дядя отца Павел приезжал оттуда и уговаривал моего отца переехать в германскую зону. Отец наотрез отказался. Я был при том разговоре, на меня не обращали внимания.

Дядя говорил: «Все равно вас вывезут. Антанас, тебя заберут». Отец отвечал: «Я здесь родился, все меня знают, нас не тронут».

Так был уверен в этом, это я хорошо помню.

Он был директором школы, преподавал математику, историю, а мама – литовский язык. Но последние годы она не работала, воспитывала нас с сестрой. Оба прекрасно знали русский язык и несколько европейских. Отец был выходцем из крестьян, мама – из семьи

потомственных учителей. В первую мировую войну стала сестрой милосердия от Красного Креста и несколько лет провела в Воронеже.

* * *

– Мы, дети, бегали встречать советские войска. Было очень интересно.

Наш городок Плунге, он такой небольшой, а рядом находится курорт Паланга.

Зимой и осенью он пустует, и туда в 40-м году отправили эшелон интернированных поляков. Когда проезжали через наш город, поляки давали нам, ребятам, денег, просили принести хлеба.

Мы еще не понимали, что вскоре нас может постигнуть та же судьба. Литва до войны жила очень богато, ни в какие рамки моей последующей жизни это не укладывалось. «Маленькая Америка», – говорили советские солдаты. Приморский климат, очень развитое животноводство. Крестьяне выстаивали огромные очереди, чтобы сдать грудинку, бекон на экспорт. Помню еврея-булочника, который каждый раз совал мне две-три шоколадки, чтобы заполучить в постоянные клиенты.



Перед Рождеством, Пасхой мама с подругами несколько дней и ночей что-то жарили и пекли. С утра в праздник шли в костел. Мне в такие дни дарили в основном книги – нравоучительные и религиозные, но я предпочитал другие – Купера, Майн Рида. Очень любил Джека Лондона. У меня было его собрание сочинений на литовском, сто маленьких томиков.

* * *

Установление советской власти шло довольно медленно. Такая деталь. Рядом с нами была небольшая железнодорожная станция. Ее начальник по фамилии Бункус был очень дружен с моим отцом. Они играли в шахматы, выпивали иной раз по чарке.

В один из дней апреля или мая 41-го года, помню, снег уже сошел, Бункус пришел к отцу и сказал: «Ты знаешь, я только что проводил состав с литовским золотом в Германию, держи это в секрете».

Там был час движения до границы. Я потом удивлялся, как могли все государственное золото вывезти в то время, когда Литва уже была оккупирована. Несколько лет назад Великобритания это золото вернула Литве. Я не знаю точно, как оно оказалось у англичан.

С Бункусами нас потом вместе выслали, и мы рядом работали. С Виталисом Бункусом, он на год меня старше, дружны до сих пор. Год назад я побывал у него в гостях в Каунасе. Выпили по чарке, вспомнили отцов.

* * *

– Нашу семью – мать, сестру, меня, отца – прсто в числе многих, многих тысяч других посадли в вагоны, опутанные колючей проволокой. Раньше в них возили коров и другой скот. Отца отделили почти сразу. В Минске, куда нас везли неделю, мы узнали, что началась война.

До Коми Смилингисы ехали не меньше месяца. В Котласе ссыльных пересадили на баржу и отправили вниз по Вычегде. На ночь баржа останавливалась, жены и дети врачей, учителей, писателей выходили на берег, жгли костры, пели литовские песни.

То там, то здесь человек по 100-150 оставляли начинать новую жизнь. В Сыктывкаре во время купания утонул мальчик, баржу задержали на сутки, ребенка искали с помощью водолазов, но так и не нашли. Это была первая смерть среди литовцев.

Смилингисов выгрузили близ Корткероса и на газогенераторных машинах повезли в лес, на второй участок. Это было в конце лета, когда ночи в Коми уже темные.

Для Анатолиса это был еще и конец детства. Он понял, что в гимназию ему с этих каникул уже не вернуться. Учебники по английскому, немецкому, древнегреческому языкам остались в Плунге. Впереди литовцев ждали уроки русского, китайского и каких-то неведомых прежде наречий.

В декабре 41-го где-то под Красноярском будет расстрелян отец – Антанас Смилингис. Товарищи опознают его среди казненных по ноге, искалеченной в детстве косой.

Немного погодя, в 42-м, умрет и мама – Бронислава, Броня, как звал ее муж. Госпожу учительницу отправят в лагерь в Нижний Чов за две горсти овса, взятых на конюшне. Где могила ее, неизвестно. Еще одна щепочка, унесенная Вычегдой.

Второй участок

2-й участок прежде был лагерем, но потом его передали спецпереселенцам. Смилингис волнуется, когда говорит об этом. Уже в первую зиму ссыльные поняли, что стало с их предшественниками.

Но в августе 41-го все обстояло сравнительно неплохо. Лагерь был чисто выметен, помимо бараков, пустовали дома охраны и начальства. Литовцы прибыли первыми и могли селиться, где хотели. В маленьком магазине продавалась мука, правда, новичков предупреждали, что скоро ее не станет, поэтому лучше запастись сразу. Но они не понимали, что это говорится всерьез.

Вскоре в лагерь хлынули китайцы, корейцы, поляки, эстонцы, финны, какие-то горцы из Ирана или Афганистана, а скорее всего, из обоих мест.

Коми долго еще после этого была богата людьми с любопытными судьбами. Рядом со 2-м участком, в Локчимлаге, сидел австрийский еврей Демон Францевич Клермон. Впоследствии он много лет был директором клуба в Корткеросе. В Россию попал, очевидно, во время первой мировой войны. Его здесь сразу переделали в Дмитрия Федоровича – получилось куда приятнее. В юности он, подобно моему знакомому старику-эстонцу из Озъяга, был клоуном, а также борцом, музыкантом, владел трубой и скрипкой. Вспоминал, как играл на похоронах Ленина. Из-за мороза трубы замерзали, и туда приходилось лить спирт. Под конец оркестр был совершенно пьян.

– Впоследствии стоило кому-то заговорить о политике, – смеется Смилингис, – как Клермон вскакивал и стремительно удалялся. Зато организовал в память о прошлом первый в районе духовой оркестр.

Но ближе всего Анатолис сошелся почему-то с китайцами. Это были молодые, крепкие ребята, по-видимому, военные, и много стариков. Старики жаловались, объясняя, за что сели: «Мало-мало огород держи, мало-мало базар ходи, мало-мало торговать, мало-мало ходи в Советский Союз торговать».

* * *

Осенью запасы продуктов закончились, зато начался сезон лесозаготовок. Невыход на работу означал лишение карточек и смерть. Человек, и без того истощенный и измученный, угасал дня за три. Как-то раз Анатолис стал свидетелем, как два старика-корейца пришли в магазин и стали умолять продавца:

– Дай, начальник, хлеба, дай хлеба.

– Вы не работаете, вам не положено, – прозвучало в ответ.

Один из корейцев палкой нанизал буханку, притянул к себе. Здесь же старики стали рвать ее. Один сразу умер, упал в судорогах, другой – в медчасти.

Смилингиса поставили на приемку леса. Мастер линейкой измерял бревно, а Анатолис долотом выбивал букву – номер римскими цифрами X, XVI, XVIII и сорт, чтобы во время сплава можно было различить. Вскоре мастер стал перепоручать мальчишке весь ход работы, а затем его и вовсе забрали на фронт.

Достаточно быстро бывший гимназист понял, что, если он хочет сохранить живыми людей, то нужно перестраиваться на советский лад. Вот как он говорит об этом:

– Мои китайцы голодали, и я безбожно, как мне казалось, начал приписывать.

А спустя года два понял, что был преступно честен. Один раз у нас ушла за день лишь одна машина. Я приписал, сколько мне казалось незазорным, понес смету начальнику участка Шаманову. Шаманов поглядел и покрыл меня матом – не может быть, что только шесть кубов вывезли. Я написал вдвое больше, начальник опять на меня матом. Написал в пять раз больше. Он поглядел, говорит:

– Нормально.

Если мы не давали нормы, то ссыльных переставали кормить, а начальство сажали. Не припишешь – многих погубишь.

Мне и без того хватило.

В первую зиму утром на разводе начальник подвел ко мне четверых иранцев, сказал, отведешь – покажешь, как надо лес валить, а вечером примешь.

Дали им пилы, топоры. Мороз под тридцать, а одеты эти четверо плохо. Один все пытался объяснить мне:

– Я пекарь.

И руками стал показывать, как он когда-то хлеб мял.

Отвел я их к сухостою. Они сидят замерзшие, руки слабенькие. Показываю, как надо пилить. Они равнодушно смотрят. Наколол поленьев, развел костер. Возвращаюсь вечером, а на душе нехорошо, неспокойно. Вижу – костра нет. Подхожу поближе. Ушли, что ли?

А они сидят рядышком – мертвые. Даже дров в костер не подложили, которые я им оставил.

Потом долго снились. Мне было 14 лет.

* * *

В праздники пели песни. Это единственные светлые воспоминания. Церковные песни и мирские пели, бывало, вечерами. Отмечали литовские праздники – и государственные, и христианские.

И была еще одна радость. Моя младшая сестренка Рита жила в

интернате, она была слишком маленькая, чтобы работать. Маму уже увезли в лагерь, мы не знали, что с ней, но ощущали, что у нас больше никого нет на свете, кроме друг друга.

Одежда наша быстро износилась. У меня рубашка совсем сгнила, а взамен ничего не давали. Как она узнала, Рита, не знаю. Прислала мне новую.

Смилингис снова прячет лицо:

– Сейчас, сейчас. Тяжело. Никак не могу прийти в себя.

Я был так рад этой рубашке, что носил не каждый день. Сама сшила, вручную. Ей было 12 лет, училась в школе на Теребее. Ее спасли поляки. Когда их после войны стали отпускать, они помогли сестре уехать. Это считалось побегом. Но Риту уберегли, спрятали надежно в Литве.

Медведь

– Постепенно мы стали чувствовать себя свободнее, – продолжает рассказ Смилингис. – Забор сожгли. А куда убежишь? Без языка, слабые, одна дорога, везде посты. Каждый день сначала, а потом раз в неделю приходили в комендатуру отмечаться.

Тогда я начал путешествовать по Коми. Меня посылали искать хороший лес. Было немного страшно, потому что можно было встретиться с медведем.

Один такой медведь-людоед долго убивал спецпереселенцев, будто без него было некому. Рудольф Криег рассказал мне, что медведь съел его друга.

На одном из участков жила девочка-сирота, немка. Медведь убил ее мать. Они собирали малину. Когда зверь повалил женщину, девочка ударила его железной кружкой по носу, вывихнула руку. Мать закричала:

– Беги, дочка, позови людей.

Когда прибежали, медведь ее уже зарыл.

Две женщины пошли в лес напилить дров. Когда зверь напал, одна побежала, другая растерялась, застыла на месте. Но медведь погнался за бегущей. В другой раз женщина пасла корову, он ее задрал, а корову не тронул.

Говорили, что это не местный зверь. Предполагали, что он пришел из Карелии – там, где проходила линия фронта, убитых часто некому было хоронить, и медведь приохотился к человечине.

Я в это не верю. Медведь – не перелетная птица, он не может покрывать такие расстояния. Думаю, что он был старый, попробовал человечину и решил, что это легкая добыча. У нас кругом были захоронения. Зимой даже и не хоронили. Отвезешь в лес, прикроешь снегом. Землю мерзлую не продолбить. Лошади шли по грудь в снегу, иногда умирали от усталости.

И никакого фронта не надо. И испортили зверя.

Великий картофельный поход

– Самое страшное – это голод. В конце войны на 2-й участок привезли много немецких женщин с детьми. Их преступление заключалось в том, что они несколько лет прожили на оккупированных территориях. Вслед за женщинами прибыли их лошади – громадные. Мы испытывали, сколько такой конь способен увезти на волокуше. Сколько ни положишь – везет. Но лошадям нужен овес, сено, а здесь им давали только мох. Через несколько недель лошади покрылись язвами и стали умирать. Их обливали керосином, жгли, закапывали. Но мы все равно добирались до них и пировали потом всем спецпоселком.

* * *

А однажды ко мне подошли люди и сказали:

– Ты хорошо знаешь местность, веди нас на картофельные поля.

Поля эти находились близ Поздыкероса. Осенью, не дай Бог, пойдешь копать – поймают, дадут десять лет.

Но мы собрались весной, когда снег начал сходить. Собралась группа. Корейцы, китайцы, и вот эти кавказцы, которые не кавказцы – иранцы, наверное. Среди нас был даже какой-то князь. В одном из литовских журналов написали потом, что с нами были дамы-кореянки, и даже диалоги их привели в публикации. Но кореянки не могли пойти с нами, у них слишком маленькие ножки.

Весной работа на участке замирала. Лес становился непроходимым, машины даже по дорогам не могли подъехать. И у нас был промежуток, когда мы были никому не нужны.

Человек 15-20 нас собралось. Шли три дня по лесу, по снегу. Четверо или пятеро стариков из нашей группы умерли. Уцелевшие дошли до поля и тайно, ночами, стали копать мерзлую картошку.

Жарили ее по ночам на лопатах. Картошка была, как крахмал. Вода из нее вытечет, высушишь, получается безумно вкусно. Деликатес. Я мечтал, что после войны, если у меня будет картошка, я всегда ее буду в таком виде есть. Но потом, конечно, забылось.

Мы очень боялись, что нас заметят. И в конце концов это произошло. И Нургельды поймали. Возможно, это именно он был в прошлой жизни князем, я сейчас уже не помню. Остальные смогли убежать. Вернулись в барак. Решили, что Нургельды конец пришел. В лагерь его отправят, а оттуда не возвращаются.

Стали делить его вещи. Кому кружка досталась, кому ложка. Мне – портянки, хорошие, теплые. Я вшей выжег и стал носить. Своих-то у меня не было, так что было очень кстати.

А через неделю или две вернулся Нургельды.

Оказывается, его заперли в храме, а вывезти не могли из-за хляби на дорогах. Это и спасло нашего товарища. Ведь его кормить нужно, а мужик здоровый был – под два метра ростом, лапищи, как лопаты.

И потом, он боялся в пустой церкви один сидеть. Там все фрески

ободрали, остались только толстые каменные стены. От страха Нургельды стал петь и окончательно всем надоел. В конце концов его просто выгнали.

В этой церкви, когда гнали заключенных по этапу, запирали их на ночь, через нее десятки тысяч прошли.

Лет пять назад к нам приезжала научная экспедиция, и мы с одним из специалистов по церковному зодчеству зашли в этот храм. Он отметил прекрасную акустику и пропел какой-то псалом, очень красивый.

Сейчас вспомню, в честь кого этот храм назван... Во имя Святой Живоначальной Троицы.

Православная сосна

Смилингис берет в руки табличку, с описания которой мы начали этот рассказ, говорит:

– Эту технологию – высверливать буквы на жести – не я придумал. Мы нашли недавно такую на одном из захоронений. Вот послушайте – это интересная история.

Мы с женой, Людмилой Николаевной, много ходим по заброшенным зонам, спецпоселкам, находим могилы, ставим там знаки.

Дело это трудное. Следы исчезают, зарастают, хоронили людей где придется. И как-то раз поднимались мы по холмистой местности, все выше и выше... И вдруг Людмила Николаевна кричит: «Я нашла». Впрочем, пусть она дальше сама расскажет.

Людмила Николаевна – известный в Коми этнограф – отрывается от книг и рисунков, оживляется:

– Мы, может быть, никогда это захоронение не нашли бы, могли мимо пройти, но вдруг я увидела вдали сосну с большим полузаросшим крестом. Он стал как бы частью дерева.

По нему мы поняли и то, что там лежат православные. Крест восьмиконечный. Вышли к захоронению, там все обвалилось. Пять-шесть могил нормальные, одна огромная – может быть, братская.

На одной из могил сохранилась жестяная табличка, на которой были чем-то пробиты буквы: «Здесь похоронена Клещевникова Тамара Ив. Рожд. 1949 г. Поконьчина II.X.1957»

* * *

Девочка из семьи ссыльных. Здесь, наверное, родилась и ничего другого в своей жизни не видела.

За полвека Анатолис Смилингис нашел более пятидесяти забытых, исчезнувших спецпоселений и более двадцати массовых захоронений.

Правительство Литвы подарило ему большую квартиру в красивом, чистом городке. Здесь – конура в деревянном сооружении, заставленная книгами. Кресло-качалка, покрытое ветхой искусственной кожей, создает подобие уюта.

– Никто, кроме меня, не закончит этой работы. Как оставить? Это предательство, я бы сказал, – недоумевает старый литовец АнатолисСмилингис.

Раньше этих людей величали энтузиастами, потом чудаками, а сегодня их никак не называют. Осколки прошлого?

Нет, от прошлого они точно так же бежали, как сегодня скрываются от настоящего.

Почти полвека Анатолис Смилингис путешествует по Коми земле. В одиночку или со школьниками. Геолог, историк, этнограф. Четырнадцатилетним гимназистом его привезли к нам в вагоне для скота вместе с тысячами других ссыльных.

Обратно Смилингис так и не вернулся. Здесь мать – в безымянной, братской могиле. И лес, который не всякого принимает, но и не каждого отпускает от себя. Учился на ходу, читая и думая. Забывал те языки, которые когда-то знал, запоминал новые непонятные слова.

Недавно едва не погиб, плывя на байдарке по бурной реке. В другой раз они с женой Людмилой Николаевной столкнулись в лесу с лихими людьми. Правда, неизвестно, кто больше испугался.

Бывает, и лица не знаешь, только пас – родовой знак коми человека. Их ставят, например, на лесных ловушках. Увидел в такой ловушке глухаря, отнеси владельцу. В другой раз и к тебе постучатся в окно и протянут добычу.

Переночевал в чужой охотничьей избушке – вор-керке, – начерти пас на бумаге или бересте. А не имеешь знака, напиши просто, кто ты есть таков.

Вор-керка всегда открыта. Идешь по лесу замерзший, промокший, увидел избушку – спасен. Для таких случаев хозяин-охотник оставляет здесь крупу и соль, спички и сухари. Даже дрова заранее припасены – вдруг ты совсем плох, сам нарубить не сможешь.

Среди самого нужного – почерневшая от времени икона. Еще после войны почти в каждой вор-керке она стояла, особенно на Полярном Урале. Обычно святителя Николая – покровителя этого таежного братства.

* * *

Историй у Анатолия Антоновича (так зовут его в России) о путешествиях скопилось без счету. Вот несколько.

Зырянская Богоматерь

Так назвал эту икону Анатолис Смилингис. Имя само приходит на язык. История эта печальная.

– Из нашего Корткеросского района, – говорит Анатолис, – вышел единственный коми художник, который окончил Санкт-Петербургскую академию художеств.

Фамилия его была Кынев. Жил бедно. Со студенческой поры на-

ведывался в родные места, выполняя кое-какие заказы. А во время Блокады погиб от голода.

Но вот что интересно. Время от времени мне попадаются в наших корткеросских селах иконы, написанные немного вольно, неканонично. Я подозреваю, что они именно принадлежат кисти Кынева – благо, выбирать особо не из кого. Не всякий мог решиться писать иконы, тем более в такой манере.

Лет 20 или 30 назад в Нижнем Сизяибе я зашел к одной старухе, хотел расспросить ее о жизни. Стали беседовать, как вдруг она говорит:

– Пойдемте, я вам что-то покажу.

Привела в скотник, там образ висит – большой, явно для храма написанный. Очистили его, я всмотрелся и был взволнован увиденным. Лицо у Богородицы на иконе явно зырянское, списанное с какой-то очень красивой коми девушки.

– Откуда она у вас? – спросил я у старухи.

– Это мой дед украл из церкви.

– Как это, украл?

– Он все глядел на нее, глядел и влюбился. А ночью выкрал из храма и принес домой. Только Бог деда за это покарал. Его еще на первой германской убили.Потом добавила:

– Забирайте ее.

Но был вечер, а образ велик, так просто не понесешь. Очень хотел его сюда, в Корткерос, забрать, но не получилось.

А спустя несколько лет попробовал эту избу отыскать, где увидел поразившую меня икону, но ни дома не нашел, ни хозяйки.

С самого начала я понимал, что это работа профессионального художника. И подумал о Кыневе. Стал по памяти сравнивать Зырянскую Богоматерь с другими подобными иконами, найденными в районе. Почерк явно один и тот же.

Но как доказать, что это Кынев писал?

Конечно, в церквях должны были вестись учетные записи, что столько-то и тому-то уплачено за такой-то образ. Но все наши церковные архивы хранятся в Вологде. А съездить все недосуг.

Ульяновские клады

– Об ульяновских кладах я впервые услышал от своего старого товарища по игре в шахматы – Рудольфа Кригера. С Ульяновским монастырем он был хорошо знаком. Там располагался сельхозтехникум, где Кригер учился на агронома.

Рассказывал, как во время войны они следили за старым глухим монахом – возможно, последним из ульяновской братии. Надеялись, что он выведет их к сокровищам.

Монах и правда вел себя подчас таинственно. Например, мог без труда оторваться от слежки. Заходил в колокольню и исчезал. А потом его встречали уже где-нибудь на улице.

Но волновала тайна кладов не только молодых ребят. И стар, и млад за ними охотился.

Начало этому положил большевик Мандельбаум. Его карательный отряд шел в Ульяново через Корткерос. И наш Иван Коюшев ушел с красными. Потом рассказывал мне, как Мандельбаум пытался добраться до ульяновских запасов.

В Ульяново они застали только пару монахов. Обложили их данью, то есть контрибуцией. Нашли керенок несколько мешков, несколько мешков сахара и муки. И все.

Но местные жители потом рассказывали, что за сутки до прихода карателей монахи собирали по окрестным селам лошадей, а утром вернули их хозяевам потными, усталыми. По подсчетам, снарядили до сорока подвод и ночью куда-то вывезли монастырское добро.

Из чего оно состояло – неизвестно. Начальство усть-куломское вспоминало, что до революции к ним привезли две баржи жести для монастырской кровли. Потом кинулись искать, куда она подевалась, но концов так и не нашли. Может, ее-то монахи и вывезли.

А часть имущества, быть может, и сейчас хранится в потайных местах в обители. Монастыри строились по всем правилам фортификационного искусства. Это древние традиции. Для воды имелись хранилища, для пороха – погреба. До сих пор сохранились свинцовые трубы, основательно все делалось. Возможно, были и каменные мешки для книг, утвари, денег на случай лихолетья. Когда-нибудь откроется.

Богородская святыня

Одно время Анатолис Смилингис занимался историей гражданской войны. И нашел в Богородске интересного рассказчика Калистратова, участника нескольких войн – и Первой мировой, и гражданской, и Великой Отечественной.

Интересный собеседник. Целый день с ним Смилингис проговорил, а под вечер Калистратов, устав от своего века, обратился к тому, что его, быть может, по-настоящему волновало. Рассказал, как возник Богородск и получил свое имя.

Плыла на лодке против течения Вишеры икона Богородицы, одна, без людей. Один старик увидел, удивился и вдруг заметил: на месте слияния Вишеры и Нившеры лодка остановилась.

Старик пригнал ее к берегу, построил шалаш для образа, а потом и часовню поставил. Вокруг стали селиться коми крестьяне и охотники, под покров чудотворной иконы. Так образовалось село Вишерское, которое потом по имени храма, выросшего на месте часовни, назвали Богородском.

Смилингис эту легенду в первый раз услышал, был ею увлечен, но главный подарок Калистратов сохранил под конец:

– А сейчас я вам самое интересное скажу: гляньте в окно, види-

те, тетка идет. Так вот, эта икона – Богородская Богоматерь – у нее дома хранится.

– Представляете, фантастика, – восхищается Смилингис. – Калистратов тогда же нас предупредил: «Хозяйка иконы нам не покажет. Много было охотников. Но у нее есть дочка, учится в городе. Вы через нее попробуйте».

На следующий день мы дождались ухода хозяйки и подошли к дочке. Она, кажется, в медтехникуме училась в Сыктывкаре, приехала на каникулы.

Мы представились ей, объяснили, что вот экспедиция школьников, хотим посмотреть на образ. Девушка растерялась, сказала: «Ой, мать меня заругает». Но я ее упросил: «Пока матери нет, дайте хоть одним глазом увидеть».

Она несмело нам разрешила, пустила в дом. Там много было икон – и среди них эта. Темная, на досках. Фотографии ее у меня, к сожалению, не сохранилось. Сгорела. Пробыли мы недолго. Девушка увидела мать, испугалась. Пришлось ретироваться. А когда я через несколько лет, уже после смерти Калистратова, попытался найти эту избу, то, как и в случае с Зырянской Богоматерью, потерпел фиаско.

* * *

Про эту икону я потом прочел в журнале «Коми му» – краеведческий журнал, выходил после революции. И там один автор, по фамилии Улитин, рассказывал, как поехал по селам посмотреть, что уцелело после гражданской войны. В Корткеросе он отметил пищаль старую. В Ульяново обратил внимание, что прямо на полу валяются монастырские книги. Богатейшая библиотека растаскивается и гибнет. В Богородске на Улитина произвела впечатление местная святыня – икона Богородицы.

Читал я описание и другого путешествия, точнее, паломничества, совершенного в 1843 году, когда двое товарищей решили пешком сходить поклониться Богородской Богоматери. Шли из Усть-Сысольска. В Визябоже обратили внимание на то, что там окна пузырями заклеены, и самовара для них не нашлось. В Корткеросе им понравилось, что детей здесь учат коми языку и приняли их хорошо. В Сторожевске видели огромного мужика. А когда добрались до места, до Богородска (тогда оно еще Вишерским называлось), то подробно рассказали об иконе.

Так вот, и размеры ее, и описание Богородицы на образе точно совпали с тем, что я увидел в доме, указанном Калистратовым.

* * *

На этом, впрочем, история не закончилась. Как-то раз я вместе с заведующим роно ездил по району. В Богородске мы остановились у учителя труда. Посидели, выпили, разговорились. Я вспомнил про статью Улитина, и тут трудовик воскликнул:

– Где же ты раньше был! Когда мы стали церковь в клуб переоборудовать, то там целый чердак был иконами забит. Я два воза привез в мастерскую, и они лежали у меня, пока старухи все не растаскали.

Наверное, так и попала Богородская Богоматерь к той женщине, у которой я ее видел. Все надеюсь, что найдется. Такая святыня!

Коми пасы и древние руны

Много лет Смилингис изучал старые рудники, разработки. Самая удачная находка была на Локчиме – большие запасы охры, которые выходят из-под горы, окрашивая ручей и деревья в округе в красно-коричневый цвет.

До революции охру из Коми возили бочками на плотах в Архангельск. Оттуда краска шла на экспорт. А у нас ее использовали, когда писали иконы.

* * *

Но самые удивительные находки Смилингис с женой Людмилой Николаевной Королевой сделали в другой области.

Ими собрана крупнейшая в республике и, наверное, одна из лучших в мире коллекция пасов – зарисовок тех знаков, которые коми человеку, мордвинам, скандинавам, всему Северу от Сибири до Ирландии заменяли подписи.

* * *

Некоторые знаки святой Стефан, позаимствовав у охотников, вернул потом зырянам уже для обозначения на их деревянных календарях христианских праздников.

Охотничий церковный календарь – это, пожалуй, такой символ миссии святого Стефана среди зырян. Он шестигранный, разделен на две части по полугодиям. Вешается в вэр-керке (охотничьем домике). На насечки охотник наносит воск, а потом каждый день откалупывает по частичке. Видит, что Рождество близится или Успение, значит – нужно собираться в село, на службу, или хотя бы у себя в лесу вознести хвалу Господу.

Сегодня такие календари – большая редкость. Один из последних Людмила Королева и Анатолис Смилингис нашли в Вомыне, спасли его от гибели, из-за чего им пришлось потом немало намучиться.

В село приехали со школьниками поговорить со старожилами, срисовать пасы, рисунки на прялках. Людмила Николаевна рассказывает:

– На четвертый или пятый день, в последний вечер, стали собираться домой, и тут я Анатолию Антоновичу говорю: «Давай еще походим, посмотрим». Там в деревне всего три-четыре дома осталось, где мы не побывали.

Я хожу обычно туда, где более старые люди живут. Заходим, видим очень приятного пожилого человека. Владимиром Андреевичем, кажется, звали. Принес мне две прялки, я стала срисовывать. Там

был знак сердца, я впервые его увидела на коми прялках, обрадовалась.

А в это время Анатолис Антонович стал расспрашивать охотника о жизни, и тот вспомнил, что у них где-то был охотничий деревянный календарь. Я, конечно, сразу попросила: «Покажите, что за календарь?» Охотник только руками развел. Позвал внучку, не видела ли она его.

Девочка ответила, что собака календарем играла, вместо кости, а куда потом делся, она и не знает. Пошли искать, не нашли. Напоследок я попросила хозяина, мол, если найдете, то, пожалуйста, позвоните нам в Корткерос, мы приедем и срисуем.

Зашли в другой дом, а часа через два заходит охотник и приносит календарь. Оказывается, собака его в снегу зарыла. Посмотрели, он немного обглодан был, но в целом неплохо сохранился.

– Если вам надо, то возьмите, – сказал охотник.

Когда вернулись в Корткерос, перерисовали с помощью лупы все знаки. Дали сообщение в газету о находке, и тут начались наши злоключения. Глава администрации и дочка охотника подали на нас в суд, обвинили в краже реликвии.

Охотник заболел к тому времени, может быть, именно поэтому. Я знаю наших коми людей, если подарил что-то, обратно нехорошо просить. И ему было стыдно, что люди этого не понимают.

Два суда уже состоялись. Один здесь, другой в Вомыне.

Мы дочь охотника на суде спросили:

– Вы когда-нибудь видели этот календарь?

– Нет, не видела.

А ведь он столько лет валялся в доме, потом на улице, и был обречен.

Расцветающие кресты

– Вот видите этот расцветающий крест на прялке? – спрашивает меня Смилингис. – Точно такой я видел на новгородской иконе XII века, встречается он и у западных христиан.

Именно увлечение прялками и сблизило Смилингиса с Людмилой Королевой восемнадцать лет назад.

Она рассказывает, что орнаментами увлекалась с детства. В семье у них и мама, и бабушка хорошо рисовали, и она наносила узоры на бумагу без устали. Потом выяснилось, что многие, в том числе сложные, совпадают с теми, что вырезаны на прялках. Быть может, генетическая память.

С Анатолисом Смилингисом они сначала дружили, как ученые вместе ездили в экспедиции, все больше беседовали. Потом поняли, что разлучаться им совсем не хочется. Слишком похожи. Вдвоем они – научный отдел.

Собранный ими материал уже сейчас можно назвать сенсационным. Речь идет о влиянии времени на узоры, которыми покрыты коми прялки.

Подобно тому, как годовые кольца на деревьях дают нам сведения – что пять или десять веков назад такое-то лето было дождливым, а такое засушливым, – так и по прялкам можно заметить, как языческое влияние сменяется христианским, сплетаясь и расплетаясь.

А на прялках XX века появляются изображения Ленина, серпа и молота, пятиконечных звезд, и некоторые из них почему-то так же, как и пасы, точно повторяют изображения древнего Египта.

Самое интересное – это, наверное, языческие календари и христианские орнаменты. Там содержатся такие подробности о древней коми астрономии и православных верованиях, которых нигде уже больше не найти. Например, на одном из календарей сделано 360 насечек – столько дней в году насчитывали древние зыряне. А рядом с Голгофским крестом видно окно – думается, в рай.

* * *

– Первую прялку мне подарили в деревне Троицкое. Одна бабушка подарила на прощание. Там были какие-то знаки, я заинтересовалась. Когда перерисовала тридцать узоров, почувствовала, что в них есть какая-то система, смысл. И я начала догадываться, что это не простое украшение, орнамент – а это носитель информации.

Я не выпрашиваю прялок, в основном срисовываю. Когда вижу, что старая, сломанная – интересуюсь, не собираются ли от нее избавляться. Только тогда прошу подарить. Постоянно слышишь – то там выбросили, то здесь. Поначалу я и сама многое пропустила. Начинаю уточнять, есть ли узоры, – отвечают, что нет. Я верила.

Потом поняла, что люди чаще всего сами не замечают орнаментов. Покажешь, пальцем проведешь: вот это солярный узор, а это древо жизни – удивляются, говорят: «А мы и не замечали». Иногда потому, что узоры грязью покрыты, их не видно. А мыть нельзя. Примета такая в коми деревнях – если прялку помыть, кто-то в доме умрет. Поэтому приходится протирать без воды.

Меня бы к ним и вовсе не подпускали, но очень выручает то, что я местная. Первым делом спросят, когда заходишь: «Кто твои родители?» А мама у меня была учительницей, уважаемым человеком, ее многие знали. Очень важно и то, что я по-коми с бабушками разговариваю. Своей труднее отказать. Они узоры оберегами считают и уверены, что если их перерисовать, то те свою силу потеряют. Но человеческие отношения дороже, поэтому терпят нас.

Когда набралось 120 изображений, мы поехали с Анатолием Антоновичем на коллегию в Национальный музей, показали. Сотрудники музея ахнули, не поверили, что могло такое сохраниться.

Сейчас у нас 270 рисунков и около 50 прялок с узорами – из тех, что нам подарили. Для сравнения скажу, что в Национальном музее из 150 прялок всего несколько имеют значимые орнаменты. У нас в округе резьба очень художественная, а в Сыктывдинском районе, например, одни ромбы.

Пять поколений

Каждая прялка хранится около ста пятидесяти лет. Значит, со времен Стефана Пермского сменилось всего пять поколений. Одна ветшала – узор переносился на другую.

Нищета в селах ужасная. Анатолий с Людмилой Королевой как-то раздали бабушкам финские религиозные книжки на коми языке. Старухи были очень благодарны. Старого уклада их лишили, а нового не создали, бросив умирать.

Но на фотографиях, сделанных Смилингисом, они часто улыбаются, сидя рядом со своими прялками. На многих вырезано древо жизни.

– Древним людям казалось чудом, что из маленького семечка может вырасти огромный дуб или береза. И они связали это с Богом, – говорит Смилингис. Потом уточняет:

– Крест на Голгофе часто изображают цветущим – это тоже дерево жизни, такой смысл вкладывался.

* * *

Вдвоем они с Людмилой Николаевной исследовали Корткеросский район и часть Усть-Куломского. Ареал распространения удивительных здешних узоров почти исследован.

Впрочем, даже на этой небольшой территории множество оттенков – религиозных, культурных. По рисункам в Сторожевске легко можно догадаться, что народ туда пришел с Вишеры. В Вомыне каждый пожилой человек помнит родовые пасы, а символика на прялках практически отсутствует. Загадка. Ведь в окрестных Подъельске и Мыелдино орнаменты только успевай срисовывать. В чем там секрет?

Или Важкурье. Там своя символика. Это последний языческий центр, где христианская символика почти отсутствует. А языческие орнаменты, что очень важно отметить, не достефановские, а более поздние.

А вот на Вишере, в Богородске, Нившере, Большелуге тоже много языческих узоров сохранилось, но они очень древние, старейшие в Коми. Туда часть зырян отступила, чтобы избежать соприкосновения с православием. Но, будучи людьми убеждений, они, быть может, горячее всего и приняли потом христианство. Потому что сосредоточение христианской символики там тоже самое густое в Коми. Особенно сильно две веры переплелись в Нившере и Сторожевске. Прялки сохранили на себе следы этой борьбы идей.

Именно идей. Древнее и новое сосуществовали в Коми довольно мирно, не мешая друг другу. В Богородске, например, до революции возле церкви принято было закалывать белого оленя. В легендах говорится, что олень сам прибегал в церковный праздник к храму. А в Корткеросе уже в советское время, чтобы провести колхозное со-

брание, приводили быка, закалывали, варили и за трапезой обсуждали свои дела.

– А новые прялки сейчас делают? – спросил я Людмилу Николаевну.

Она обрадовалась вопросу, но и опечалилась одновременно: «Да, мы видели одну несколько лет назад. Совершенно новая, из корня вырезана. На ней солярная символика, но это не вычегодские узоры, они взяты из книг».

* * *

Анатолис Смилингис показывает на восьмиконечный крест, вырезанный на одной из прялок, объясняет: «Это Голгофа». А круг внизу, расчерченный еще одним крестом, – подземный мир, куда спустился Христос.

– А вот здесь не круг, а треугольники один в другом. Это круги ада? – спрашиваю я.

– Да, возможно. Кстати, на некоторых прялках подземный мир состоит из девяти треугольников, ступеней ада, как у Данте. И вообще много пересечений с Западной Европой. С какой древности это родство осталось, трудно даже представить.

А есть узор, где два креста на Голгофе стоят рядом с главным. Один из них принадлежит закоренелому разбойнику, а второй – раскаявшемуся. Но помнить следует обоих – чтобы не ошибиться в выборе. Так думали зыряне.

Я видел коллекцию прялок, собранных в Литве. Мы в одном нашем районе больше собрали, – с гордостью говорит Анатолис Смилингис.

Я растерянно смотрю на него, зная, как он любит свою Литву, без слез не может о ней вспоминать. И все-таки – «в нашем районе», да еще со счастливой улыбкой.

– Как же я могу от этого уехать, от прялок, – недоуменно проговаривает он в густые усы, – это же какой-то анекдот.

Перед ним разложены альбомы – литовские, западноевропейские, русские. Рядом лежит рукопись его статьи о символике цветущего креста на Голгофе. Там и ад, и окно в рай. Через которое прошли его мать, его отец и много хороших людей, которых повстречал на своем веку Анатолис Смилингис.

В.Григорян

Вера (Эскöм), 2001. – № 389 (Июнь). – С. 16-18; № 391 (Июль). – С. 8-11.

Воспитание методом анекдота

«Как меня найти? Приезжаете в Корткерос и спрашиваете у первого встречного: «Где работает Смилингис?» Вам покажут».

Все оказалось еще проще. Старенькое деревянное здание Дома пионеров стоит в конце главной улицы села – Советской. И бывшего директора этого заведения, а теперь просто преподавателя здесь знают действительно все. Знают не только в Корткеросе, но и в Сыктывкаре, Литве, Америке, Германии...

В республике его называют основателем школьного краеведения, и в гости к Анатолию Смилингису мы ехали поговорить о работе с детьми и подростками. Но беседа пошла не только и не столько об этом...

Библиотека от академика

Свой первый поход он запомнил на всю жизнь. Ему было 15. Вдвоем с приятелем отправились в лес, заблудились плутали четыре дня без еды и питья. За все время удалось лишь дятла подстрелить. Смилингис еще клюкву ел, а напарник не мог, от голода его постоянно тошнило. Выбрались на дорогу случайно. Навстречу им женщина: несет из магазина хлеб и молоко. Страдальцы к ней, думали, накормит, а она приняла их за беглых и – в другую сторону.

Сейчас, рассказывая тот случай, Анатолий Антонович смеется. За 60 с лишим лет жизни в республике он исходил ее вдоль и поперек. А уж в Корткеросском районе, наверное, не осталось ни иного не изученного им уголка.

Вместе со школьниками начинали с геологических походов – искали полезные ископаемые, попутно собирая в окрестных деревнях «что придется». Эта случайная коллекция попала в руки академику Чернову. Тот похвалил и наградил сельских искателей библиотекой. Затем пионерская организация поручила разработать тему Великой Отечественной войны, и юные краеведы ходили по району, анкетировали ветеранов. За разговорами нередко всплывали совсем другие темы – лагеря, расстрелы, брошенные кладбища спецпереселенцев... Последние 7-8 лет Смилингис вплотную занимается поиском мест захоронений.

Крестный интернационал

Эта работа похожа на бесконечный клубок: за каждой находкой тянется новая загадка, возникает множество вопросов: кто, когда, почему...

– Мы здесь буквально ходим по костям, – говорит Анатолий Антонович. – Локчимлаг был одним из самых страшных лагерей, в нем нередко доходило до людоедства. Но он же наименее известен и изучен.

С каждой экспедицией Смилингис находит все новые лагерные захоронения, расстрельные ямы, следы существовавших когда-то спецпоселков. Фотографирует их, наносит на карту.

– Это старообрядческая могила с характерной крышей над крестом, – раскладывает он на столе фотографии.

– А вот эти кресты явно не православные, по аккуратности исполнения и времени захоронения можно предположить, что здесь лежат ссыльные немцы. На этом снимке вообще редкий экспонат – мусульманская могила, украшенная полумесяцем.

Тысячи судеб, тысячи безвестно погибших людей. Последние тринадцать лет возле мест массовых захоронений корткеросские краеведы ставят памятные знаки.Чаще всего это металлические кресты с приваренной табличкой, на ней – просверленная надпись. Делать именно так их надоумила одна находка. В 2000 году обнаружили крест с потемневшей от времени металлической табличкой. Думали, надпись разобрать не удастся, но когда подняли ее на свет, ясно увидели пробитые гвоздем буквы и цифры. Надежный способ переняли – как говорится, кладбище помогло.

Работе этой не видно ни конца ни края. Человек, возглавляющий ее, чувствует себя неплохо, хотя в октябре ему исполнится 80. «Стыдно отказаться, – признается Смилингис, будто прочитав мои мысли. Никто ж потом этих мест не найдет, так и уйдет все в небытие».

Свой среди чужих

В 1941 году его родителей обвинили в буржуазном национализме и выслали всю семью из родного литовского городка Плунге. Отца отправили в Красноярский край, где в том же году расстреляли. Анатолиса с матерью и сестрой привезли в Коми, под Корткерос. Мать вскоре умерла в нижнечовском лагере под Сыктывкаром, куда попала за две горсти овса, взятых на конюшне. Сестру за малолетством забрали в интернат.

Население поселка было интернациональным: ссыльные литовцы, поляки, китайцы, финны, персы... Тут парень выучил китайский и стал потихонечку осваивать русский. 15-летнего Смилингиса поставили мастером по приемке леса. В поисках «нужной» древесины он начал путешествовать по Коми. Его сестре Рите удалось вернуться в Литву, там она сейчас и живет. Брат раз, а то и два в год ездит к ней в гости. Ему самому, кстати, правительство Литвы подарило квартиру, но владелец, до сих пор говорящий по-русски с заметным прибалтийским акцентом, похоже, останется в том краю, что когда-то стал его родиной не по доброй воле.

В Литве коми речь понимали отлично

Удивительное дело: ссыльный литовец знает о Коми крае и его обычаях в десятки, если не в сотни раз больше иного коренного жителя. В стихийном музее, что расположился в одном из помещений Дома пионеров, – традиционные изделия, выполненные руками школьников и его жены, тоже известного краеведа и мастерицы Людмилы Королевой. О каждой поделке Смилингис может рассказывать долго и увлекательно. На уникальную коллекцию прялок, собранную супругами, «зарится» даже Национальный музей РК! А еще в архиве семьи – крупнейшее в республике, а может и в мире, собрание пасов – родовых знаков, способных многое поведать о культуре, традициях, обычаях и верованиях народа.

Стоит ли говорить, что Анатолий Антонович хорошо знает коми язык. Рассказывает: «Когда мы с Королевой первый раз поехали в Литву, она заявила: русских у вас там не любят, поэтому буду говорить по-коми. И правда, за все время ни слова не сказала по-русски. Но самое интересное, что, куда бы она не пошла, ее везде понимали. Дома она общается со мной только на коми языке. Куда деваться, пришлось его освоить».

«Все равно никто не поверит»

Очнувшись от гипнотического действия рассказов, я вспомнила о цели своего визита: «Ну а как же сельская молодежь? Тянется к изучению родного края, интересуется историей? Может, косяками поступает после ваших занятий на истфак?». «У нас кружок элитный, много людей не берем, только если видим, что интерес есть, – говорит Смилингис, хитро улыбаясь. – А интерес – он откуда? Можно самый скучный факт подать так, что у любого ребенка глаза засверкают! Вот вам все, что я рассказываю, интересно? И детям тоже».

Воспитанники Смилингиса и Королевой – постоянные участники и призеры краеведческих олимпиад и конференций, множество уже взрослых людей в свое время прошло через этот туркружок и вспоминает его теперь добрым словом.

Еще у Анатолия Антоновича есть привычка добавлять после каждой истории фразу: «Анекдот, да?» – о сколь бы серьезных вещах не шла речь. Анекдот, конечно, не в современном, а устаревшем смысле – маленький интересный рассказ с неожиданной или забавной развязкой. Разве может не понравиться методика обучения, щедро приправленная анекдотами?!

Прошлым летом в Корткерос приезжала группа подростков из Литвы и Америки, захотевших своими глазами увидеть гулаговские места. Смилингис водил их по окрестностям, показывал, рассказывал. Одна девочка нашла в траве большую кость, явно человеческую. Долго держала в руках, а потом сказала: «Все равно дома нам никто не поверит»...

Александра ТРЕФИЛОВА

Аргументы и факты – Коми, 2007, 27 июня – 3 июля (№ 26)

О времени, о себе

Каждому и, наверное, не раз в своей жизни приходилось принимать участие в занимательной беседе, а спустя какое-то время после нее искренне сожалеть, а иногда даже и посокрушаться: незаписанные факты подзабылись, а детали – те и вовсе стерлись из памяти. А между тем любой непустопорожний разговор таит в себе кладезь наблюдений, остроумных слов и высказываний, ярких примеров и теплых воспоминаний. Стоит ли говорить, какими неожиданными и насыщенными получаются порой беседы между людьми заинтересованными, увлеченными, неравнодушными. Именно два таких человека сегодня перед вами и в новой рубрике «Диалоги». А третьим в компании с известным в республике краеведом из Корткероса Анатолием Антоновичем Смилингисом и сыктывкарским историком Николаем Алексеевичем Морозовым стал диктофон, благодаря которому и осталась запечатленной их недавняя беседа.

Н. Морозов: – В республике началась работа по изданию республиканского мартиролога «Покаяние». Есть и такая идея: сделать Книгу Памяти не только общую, по республике, но и по районам и городам. Скажем, по Усть-Куломскому, Корткеросскому, Усть-Вымскому районам, Инте, Воркуте. Было бы неплохо, если бы краеведы, ветераны труда, бывшие репрессированные взялись за составление таких книг. Вот у вас и материал есть, и личный опыт бывшего ссыльного тоже...

А. Смилингис: – Решением администрации нашего района комиссия, наподобие сыктывкарской, уже создана, и я ее член. Но чтобы сесть за книгу, надо бросить все остальные дела и заниматься только этим. Вот у меня на столе лежит книга сыктывкарца А. Шеренаса «Воркутинские лагеря смерти», изданная в прошлом году в Литве. Я оттуда попытался лишь фамилии репрессированных выписать. И уже за этим сколько труда, какой объем работы! А книга очень хорошая, настоящий справочник, много фактов, архивных документов и материалов.

Н. Морозов: – Тут много фамилий репрессированных и по Корткеросскому району...

А. Смилингис: – Да. Кстати, я смотрел также и фамилии тех, кто руководил лагерями. Вот Большаков – первый начальник Севжелдорлага...

Н. Морозов: – Этого человека в 1941-м расстреляли, также, как

и начальника Ухтпечлага Я.Мороза. Об этих людях тоже бы неплохая книга получилась...

А. Смилингис: – А сколько лет ушло на вашу книгу «ГУЛАГ в Коми крае»?

Н. Морозов: – Восемь. С 1989 по 1997-й. Когда я начал работать над этой темой, думал, что у нас в Коми АССР было пять-шесть крупных лагерей. А получилось 18 лагерных структур.

А. Смилингис: – Страшная цифра.

Н. Морозов: – Это лишь те лагеря, которые точно установлены по архивам и воспоминаниям бывших политзаключенных. Были еще зоны секретные, закрытые. Хочу спросить вас: сколько, по-вашему, стоила жизнь спецпоселенца на лесоповале?

А. Смилингис: – Каждый день на лесоучастке, где я жил и работал в 1942-43 годах, умирало по 7-8 человек. Помню, в Собино, в Рубикасоли в годы войны умирало даже больше. Расчет простой: умножаем пять умерших на 365 дней. Сколько получается?.. За год списочный состав обновлялся почти полностью. За год же заготавливалось 10 – 15 тысяч кубометров древесины. Делим это количество на число умерших, это около 2000 человек. Получается примерно 8 кубометров. Вот это и есть цена человеческой жизни.

Лес вывозили на себе, на лошадях, вагонетками. В Рубикасоли рельсы под вагонетки делали из жердей, деревянные. Так и работали. Я сам на таких вагонетках лес возил, строил лежневки. Потом уже появились тракторы, по-моему, канадские.

Н. Морозов: – Лошади сильно выручали. Памятник надо им поставить...

А. Смилингис: – Да, согласен. Помню, в годы войны привезли якутских лошадок, низкорослых таких, с длинной шерстью. Зимой они мох в лесу раскопают, поедят и дальше работают. В 1944 году привезли трофейных немецких лошадей. Ну и здоровые же были – сколько на волокушу не накидай, все равно тащат. Еще подкинешь – хоть бы что. Но месяца через два все передохли – гнус заел, мошкара, овса не было, чтобы кормить.

Н. Морозов: – Скажите, как попадают в ваши руки материалы, документы, все то, что называют в краеведении источниками?

А. Смилингис: – По-разному. Мне как-то случайно попали в руки материалы, описывающие колхозы 30-х годов. Их уже хотели было выбросить за ненадобностью. Я взял их, зацепился за местную топонимику и давай листать. Смотрю, стали появляться обозначения – ГУИТУ. А это же управление исправительно-трудовых учреждений. Зоны обозначены, очень подробные карты, все сделано профессионально. Вот и источник в руках.

Н. Морозов: – Хочу вот о чем поговорить: был ли в 1929 году сыктывкарский лагерь? Некоторые авторы, в частности А.И.Солженицын, утверждают, что в 1929 году он был, и там содержалось до 100 ты-

сяч заключенных. Но этого не может быть. Слишком большая цифра. Сотрудник Центрального госархива нашей республики Н. Панчишина отыскала данные о списочном составе лагеря Пинюг– Сыктывкар. А это от трех до 15 тысяч заключенных... Еще спецпереселенцы работали на дороге, но все равно 100 тысяч «зэков» не наберется.

А. Смилингис: – Мне тоже кажется, что такого громадного лагеря не было. Негде было такую массу людей разместить. Может быть, по всему Северу в 1929 году столько и набиралось. Иван Григорьевич Коюшев, бывший председатель Коми облисполкома – он был репрессирован как коми националист, отсидел на Колыме 25 лет, инициативу строительства железной дороги на Сыктывкар приписывал себе. Он же говорил, что насыпь уже была готова, но кто-то из руководства промышленностью, возможно, Орджоникидзе, не выделил рельсы.

Н. Морозов: – Насколько мне известно, рельсы покупали в Англии...

А. Смилингис: – Об этом не знаю, но в памяти остались еще интересные детали от рассказов Коюшева. В частности, как он со Сталиным встречался. Сталин из ссылки в Сольвычегодске заезжал в Усть-Сысольск, но не политикой заниматься, а по женской части. Он здесь с Коюшевым и познакомился. И вот Коюшев, будучи председателем облисполкома, повез в Москву на утверждение пятилетний план. Текст большой – 70 страниц. В канцелярии Сталина ему сказали: текст уменьшить наполовину, товарищ Сталин очень занят и столько читать не будет, Времени на беседу – 5 минут. Пришлось срочно все сокращать. А встреча с вождем затянулась на все два часа – было что вспомнить. И только в конце разговора вождь поинтересовался: «А ты зачем, Коюшев, ко мне зашел?» Тот и говорит: «Да вот пятилетний план привез показать». Сталин и смотреть не стал, все подписал.

Н. Морозов: – Возможно, все-таки было... А чем занимался Коюшев после реабилитации?

А. Смилингис: – Будучи на пенсии, он много ездил по районам. Искал своих земляков, пострадавших от репрессий. Ему от обкома партии давали машину, он часто и меня брал с собой, и тогда я от него услышал много интересного. Про Ухту много рассказывал, всех начальников помнил. Они часто встречались на заседаниях бюро обкома, раз в квартал те приезжали с отчетами...

Н. Морозов: – Хочу вернуться к книгам. Скажите, какие книги о репрессиях вышли в последнее время в Литве и какие из них есть в вашей библиотеке?

А. Смилингис: – В Литве темой репрессий и сопротивления сталинизму занимаются профессионально. Центр геноцида в Вильнюсе пользуется государственной поддержкой, имеет свои помещения, архивы, библиотеку. Регулярно проводит симпозиумы,

встречи, конференции, издает научные сборники. И участники тех событий, и журналисты пишут мемуары. Вот, к примеру, Римвидас Раценас, автор интересной книги «На Коми земле». Он же автор еще одной книги – «Отзвуки Решёт». Решёты – место массовой ссылки литовцев в Сибири. Книга эта документальная. Небольшое введение и список из 1868 фамилий: год и место рождения, судьба: умер в ссылке, расстрелян, вернулся на родину, фотографии, картосхемы.

Вот еще одна книга – «Трагедия литовской армии». Ее автор – Мартионис. Здесь же списки погибших в сталинских застенках военных, в том числе и генерала Иодишюса, умершего в Абези. Мартионис использовал литературу на литовском языке и изданную в США. Между прочим, эту книгу он писал 30 лет.

Н. Морозов: – Ссыльные литовцы, латыши, эстонцы, западные украинцы в 1945-1946 годах прибывали в Коми АССР целыми эшелонами. К сожалению, мы еще очень мало знаем об этой волне ссылки.

А. Смилингис: – В книгах «На земле вечной мерзлоты», «Могильные холмики на берегах Печоры» есть интересные воспоминания о жизни в ссылке в Троицко-Печорском районе как раз послевоенных ссыльных. По-моему, в Литве вышло гораздо больше литературы об этом, чем в Коми.

Н. Морозов: – Вы думаете, почему?

А. Смилингис: – Думаю, что там более живуч страх – как бы не повторились те времена. В Литве КГБ боятся больше, чем в России. Да и возможностей печататься больше. Есть организации, союзы, объединения бывших репрессированных, есть депутаты парламента от этих союзов, сильное общественное мнение. Плюс много периодики.

Н. Морозов: – На территории Корткеросского района были поляки – ссыльные и заключенные. Сыктывкарский «Мемориал» уже давно занимается их судьбой, есть и публикации по этой теме. Что вы знаете об этом?

А. Смилингис: – Когда мы познакомились с первым председателем сыктывкарского «Мемориала» Револьтом Ивановичем Пименовым, помню, его очень интересовал этот вопрос. Он был убежден, что расстрел польских офицеров был не только в Катыни – в Смоленской области, но и в других местах. В частности и здесь, в Коми. Что же касается Корткеросского района, только в одном Пезмоге в сентябре – декабре 1939 года были 4 польские локчимлаговские зоны. Было даже польское посольство или представительство в Корткеросе. В Корткеросе и в Пезмоге были открыты детские дома для польских детей. Потом две зоны закрыли. Остались две – в Пезмоге и Намск-3. Вопрос: куда делись остальные поляки?

Н. Морозов: – Может, ушли с армией Андерса по амнистии в августе 1941 года?

А. Смилингис: – Сомневаюсь, что все. У Пименова тоже было подозрение, что где-то в Коми производились расстрелы поляков, и он просил меня заняться этим. Я собирал воспоминания местных жителей, поляков, но ответа так пока и не нашел.

Н. Морозов: – Меня интересует и такой вопрос. Вы исходили многие сотни километров дорог, бывали в тундре, в Сибири, на Урале. Скажите, есть ли на территории Корткеросского района места, где человек чувствует себя неуютно, некомфортно?

А. Смилингис: – Я не очень-то верю в существование таких мест. Правда, по рассказам местных жителей, к запретным местам относится, например, поселок Подтыбок. По дороге Сыктывкар-Эжва тоже есть место, где машины часто попадают в аварии. По словам одного моего знакомого, на том месте как раз расположено кладбище заключенных. Аварии там и вправду не совсем обычные случаются: машины не сталкиваются друг с другом, а их вдруг заносит в сторону.

Н. Морозов: – Анатолий Антонович, не хочу спрашивать вас о выпавших на вашу долю испытаниях. Нелегко все это вспоминать. Лучше, может быть, вспомнить случай, вызвавший у вас удивление или даже смех. Несмотря ни на что, жизнь есть жизнь.

А. Смилингис: – Вы правы, Николай Алексеевич. В жизни все вперемешку – и мрачное, и веселое. Ну вот, скажем, такая история. Среди нас, высланных в 1941 году из Литвы, был литовский еврей, который работал вместе с нами в лесу. Но его предприимчивая душа жаждала, как говорится, большего. И вот он додумался из обрывков пеньковых канатов, которых немало валялось по берегам речки Локчим, плести на продажу лапти, еще кое-какие мелочи. Человек он был способный и сразу же рукоделием овладел. Но его поймали, потащили к коменданту. Чуть до суда дело не дошло. Как-то все же обошлось. Сыграло свою роль, скорее всего, то, что обуви в то время никакой не было.

У этого человека была сестра Сарра. Она жила в Польше, а потом переехала в Израиль. Много лет спустя она узнала, что брат по-прежнему живет в Усть-Локчиме. Пригласила его в гости. А он ей в ответ, что 40 лет проработал трактористом, а денег на поездку нет. Ну, она все за него заплатила, он и приехал. Сестра тут же позвонила другому брату в Южную Африку, и тот на другое же утро прилетел с края света. Вот таки встретились. Наш устьлокчимец посмотрел, как люди живут, приехал, собрался быстро и тоже уехал жить в Израиль.

Еще хочу сказать, что особенно плохо было у нас в войну с питанием. Ели что попало. Весной выходят в лесу сморчки, люди собирают их и умирают семьями. Много литовцев от этого умерло. Но что интересно – некоторым эти же грибы помогли выжить. Годы спустя я заинтересовался этим вопросом, стал читать литературу. И выяснил, что концентрация ядовитых веществ в этих грибах зависит от места,

почвы, многих других факторов. Так я лет 20 назад дошел до разгадки, но грибы даже после этого есть не начал.

Н. Морозов: – Анатолий Антонович, вы ведь не только темой репрессий, но историей Корткеросского района вплотную занимаетесь. Слышал, что недавно интересная находка к вам в руки попалась...

А. Смилингис: – В последние годы меня заинтересовала традиционная культура коми народа, символика, древние предания. Сейчас вышел на следы культуры древних коми еще дохристианского периода: в селе Вомын нашелся древний деревянный коми календарь.

Н. Морозов: – Сколько лет вашей находке?

А. Смилингис: – Если дед его владельца родился в 50-х годах прошлого века, а умер в 1928 году, значит, календарь сделан где-то в середине или конце XIX века. Очень интересная вещь. Точная копия того, что опубликовал ученый Савваитов в материалах первого съезда археологов России в 1861 году воспроизвел в своих публикациях наш этнолог Н. Конаков. Но наш календарь, хотя и очень похож на него, все же немного отличается. Самое интересное – на нем имеются охранные знаки. Есть такие знаки и на коми прялках.

Н. Морозов: – А что еще стало вам известно о том человеке, который сделал календарь?

А. Смилингис: – По рассказам его внука, интересная получается картина. Деда звали Емель, и были у него охотничьи избушки. А одна из них стояла в том самом месте, где в 1930 году возник поселок спецпереселенцев Емельстан. Вот так все и переплетается – ищешь одно, находишь другое, выходишь на третье...

Дым Отечества 1998-1999, 2007. – С. 447– 453.

Побег невозможен

Как сегодня живут люди в сталинском лагере

Со времени выхода указа, положившего начало Большому террору, прошло 75 лет. За это время в поселке Аджером, где в 1937 году было открыто одно из самых больших в Республике Коми отделений ГУЛАГа, спилили вышки, повесили занавески на месте решеток, обклеили розовыми обоями тюремный изолятор, наладили сбор грибов на лагерных кладбищах и включили историю лагеря в школьный курс краеведения. Обжили ГУЛАГ.

Лагерным поселок Аджером на юге Республики Коми в 50 км от Сыктывкара был около 20 лет. Первых ссыльных выгрузили здесь, на необитаемом берегу реки Вычегды, в октябре 1932-го. Жили в землянках – следы пяти до сих пор видны в лесу. Валили лес, строили бараки. К весне ссыльных было уже несколько тысяч.

Людей везли из Прибалтики, Польши, Финляндии. Летом 1937-го рядом с поселками ссыльных открыли Локчимский исправительно-трудовой лагерь. Жители соседних сел рассказывали, как мимо них в верховья реки Локчим шли бесконечные колонны зэков. Обратно не возвращались.

Столицей лагеря с администрацией, бухгалтерией, больницей, складами, домами лагерного начальства и даже собственным аэродромом стал поселок Пезмог (в 1976-м его переименовали в Аджером).

Сейчас Аджером – тихий поселок вдалеке от больших трасс. Число жителей – около тысячи человек – не меняется несколько десятков лет. Главные рабочие места – бюджетные: школа, интернат, администрация. Мужчины вербуются на заработки на Север, дети уезжают учиться в Сыктывкар.

Поселок вырос из лагеря в прямом смысле. Больше половины жителей – потомки заключенных, ссыльных и лагерной охраны. Бараки, лагерная больница, администрация и тюрьма теперь – квартиры, дачи и жилые дома. Сохранились даже топонимы: «агробаза» (здесь заключенные растили картошку и помидоры), «шанхай» (тут ютились в бараках ссыльные), Кремль (здесь жил лагерный начальник), «аэродром»...

На обочинах дорог в Аджероме до сих пор видны деревянные руины лагерных жилищ и кирпичные – брошенных свинарников 60-х годов. Через поселок прошли три главных хозяйственных проекта СССР: сталинский ГУЛАГ, хрущевское свиноводство, брежневская мелиорация. Два последних погорели, не выйдя за пределы своего времени. Проект «ГУЛАГ» оказался самым масштабным: архитектура и дух лагеря живут до сих пор.

Свой крест

Историю ГУЛАГа в Аджеромской школе проходят на уроках языка коми и в рамках курса краеведения. Ведет курс Зинаида Ивановна, которой «эту тему», как она говорит, навязали. Вместе с ней навязали и летнюю практику – 70 часов работ, за которые школьники получают по 1500 рублей из бюджета районной администрации и сыктывкарского фонда «Покаяние». Этим летом в рамках практики мальчики починяли забор и красили спортзал. А девочки ходили по домам, собирали воспоминания о ГУЛАГе.

– Что вы им на уроках говорите? – спрашиваем Зинаиду Ивановну.

– Ну что сидели тут без вины виноватые. А почему сидели – это вам на уроках истории в 9-м классе скажут.

– А Солженицына дети читали?

– На литературе, может, и читали, только зачем? – вскидывается Зинаида Ивановна. – Антоныч говорит, что про наш Локчимлаг у Солженицына – всего одна фраза.

Память о репрессиях в Аджероме вообще делегирована Антонычу. Директор Дома пионеров поселка Корткерос (соседнего с Аджеромом райцентра) Анатолис Антанас Смилингис, для местных – Антоныч – аджеромский Солженицын и Горбачев в одном лице. Родителей Смилингиса депортировали в Пезмог из Литвы в 1941-м, когда Анатолису было 14. Уже 60 лет он собирает информацию о лагерях, последние 20 – заставляет о них говорить.

Мы встречаемся с Антонычем в Доме пионеров. Он разворачивает бесконечные папки с фотографиями бараков Локчимлага, записями интервью бывших сидельцев, картами лагпунктов и кладбищ...

За 70 лет Смилингис пешком исходил всю Коми, видел остатки лагерей и спецпоселений, слушал рассказы лагерников, нанес на карту около 50 забытых лагерных поселков и больше 20 захоронений (в архивах ФСБ эти сведения закрыты до сих пор).

– Много ли кладбищ осталось? – спрашиваем мы.

– Конца не будет, – спокойно говорит он.

На месте безымянных могил Антоныч установил 16 крестов, первый из них – на кладбище Второго участка, поселка ссыльных, где жил сам. К администрации района не обращался: нашел в металлоломе две толстые трубы, сварил крестом...

– А табличку на кресте как сделали? – спрашиваю из вежливости, но Смилингис вдруг теряется.

– Понимаете... у нас тут ракеты с Плесецка падают. Ну и это... В общем, это из космоса металл.

Заниматься поиском кладбищ Антоныч не собирался. Просто лет 10 назад незнакомый москвич попросил его найти могилу отца, похороненного на лагерном кладбище около поселка Нидзь.

– Звоню знакомым из Нидзя, спрашиваю: кладбище у вас есть?

– вспоминает Смилингис. – Есть, говорят, только там песчаный карьер. Приехали, видим: карьер, яма, экскаваторы и на песке – человеческие кости.

Дальше Смилингис сам выкапывал из песка кости и черепа, ходил в местную администрацию, заклинал остановить работы. Останки захоронили, но через несколько месяцев выяснилось, что часть костей вместе с песком вывезли в поселок Усть-Локчим, где они все лето пролежали на улице перед клубом. Теперь Смилингис ищет кладбища сам.

– А нужны вам эти могилы? – провоцирую я. Антоныч молчит.

– Я пацаном на Втором участке работал, – медленно говорит он. – Привезли к нам ссыльных иранцев. Старики сгорбленные, худые. Начальник смены говорит: отведешь на делянку, покажешь, как валить лес. Веду их километр по снегу – еле-еле идут. Четыре человека, один топор, одна пила. Привел, спилил сухостой, развел костер, показал, что как... Сказал: вечером приду принимать. А вечером иду – и чувствую, что-то не так. Тревога у меня. Подхожу поближе: ни костра, ничего... А они как сидели – так и сидят. Ни полена в костер не подкинули. Долго мне потом снилось, как я, пацан, прихожу принимать – а они, мертвые, сидят.

Могилы своих родных Смилингис не знает: отца расстреляли в 41-м под Красноярском, мать через год умерла где-то в Коми.

Ямки и бугорки

Умирали в Локчимлаге много. Если верить архиву НКВД, в 1939 году здесь было 26 242 заключенных, в 1941-м – только 10 269, хотя все это время этапы продолжали приходить. Как посчитал Смилингис, 8 кубометров древесины стоили одну человеческую жизнь.

Захоронения были групповыми: круглые ямы посреди вырубленного лагерниками леса. Пока яма не заполнялась, ее прикрывали ветками, потом закапывали. Старики помнят, как их матери ходили в лес и украдкой присыпали торчащие ноги и руки землей.

Пока что Антоныч нашел 10 кладбищ Локчимлага. Начинаются они сразу за поселком, так что леса вокруг кажутся изрыты ямами. Лет 70 назад на месте ям были холмы, но земля осела, слежалась, могилы провалились.

Про ямы в лесах вокруг Аджерома знают все. Мнения расходятся только в двух пунктах. Пункт первый: расстреливали в лесах или только хоронили умерших (большинство уверено, что расстреливали). Пункт второй: можно ли собирать в ямах грибы и ягоды, или надо идти в дальний лес? Большинство собирает.

Смилингис долго водит нас по лесу, показывает старые землянки, места расстрелов, обходит старые мшаные ямы. Поднимаются узкие молодые сосны, шелестит нежный березовый подлесок, косо падает солнце на густой, жесткий ягель... Я вдруг понимаю, что лес рос вместе с кладбищем, первые ямы появились на свежих лесоповалах, со-

сны поднимались из земли одновременно с тем, как уходили в нее неупокоенные, неоплаканные тела.

Но – парадокс – здесь, где смерть должна быть растворена в жизни, сплетена с ней, как корни сосен с безымянными могилами меж них, – она оказалась выброшена из нее, забыта, поросла победительным мхом. Кладбища выключены из поселковой топографии, а смерть – выключена из жизни, из мысли, из памяти. Люди, приехавшие в Аджером в 60-х, еще помнят редкие кресты и оградки посреди леса – могилы ссыльных. Сейчас могила с крестом и оградой всего одна. Остальное – просто лес.

Лагерная больница

Сохранение исторической памяти в Корткеросском районе – заслуга не только Смилингиса, но и, как это ни удивительно, президента Путина. Особенно это удивительно Смилингису.

Дело в том, что еще во время первого срока президентства Владимир Путин собирался приехать в Коми. Администрация республики вспомнила, что где-то здесь в 1972 году президент проходил практику в студотряде, и решила, что ему захочется посмотреть эти места.

В одну ночь трассу от Корткероса мимо Аджерома заасфальтировали, обочины вычистили, а в канаве у дороги (чтобы кортежу не поворачивать) воткнули камень с табличкой: «Узникам лесных лагерей».

Большой розоватый камень Смилингис с женой незадолго до того нашли в лесу, перевезли в Аджером и решили установить на видном месте в поселке.

– Утром зовут меня: приходи, будем твой камень открывать, – вспоминает Смилингис. – Смотрим: а его прямо в колею у дороги воткнули. Будто снова людей в яму бросили.

А Путин так и не приехал. «Спасибо ему», – сдержанно говорит Смилингис, не поясняя, за что.

Сейчас лестница к камню уже подгнила, за ним виднеются следы костров, а вокруг высажены мелкие желтые цветы.

– Я долголетние посадила, чтобы каждое лето были, – говорит Валентина Вокуева. – На 30 октября я заранее котелок супа варю, чай завариваю, костер развожу. Ветераны приходят, дети репрессированных – всего человек 10. Сидим тут и поминаем. И маму мою поминаем, она стрелком была.

Дом Валентины и Василия Вокуевых – на окраине «шанхая», памятник – сразу за их огородом. Смилингис уверен, что раньше в доме Вокуевых была лагерная больница, но Валентина не согласна: «Зубной врач тут был. Где у нас спальня – там жил. А где телевизор – там уже зэков лечил». Лагерного врача, который жил в их доме, Валя видела лично: семья переехала в поселок в 50-х.

«Политические»

Каждому, с кем мы говорим в Аджероме – и жертвам репрессий, и детям их конвоиров, – мы задаем одинаковые, простые вопросы: за что люди сидели? Как попадали в лагерь? Кто в репрессиях виноват?

Ответы неразличимы.

«Политика такая была. Чтобы боялись. При Сталине все боялись».

«Политические они были. А за что сели – этого я не спрашивал. Как-то я безразличен был к этому. Учился, служил, работал».

«Лагерь организовали – вот зэков и отправляли».

«Зачем нам спрашивать, за что? Нас не трогают – ну и ладно».

«Это политика! Это всё политика. Мы не преступники, мы ничего не сделали. Это такой крест Господь нам дал».

Аджером до сих пор кажется придавленным страхом. Не тем, при котором опасаешься что-то делать, – тем, что стирает из сознания саму мысль о возможности действия.

За годы в Аджероме выработался особый, лживо-уклончивый язык. Лагерные кладбища на нем превратились в «захоронения», могилы – в «холмики» или «бугорки», слово «лагерь» стало простым топонимом, а про ГУЛАГ никогда не говорят «закрылся». Только – «закончился».

Кажется, за 70 лет в сознании людей произошло странное вытеснение: то, о чем нельзя говорить, словно перестало существовать. Но лагерное не уничтожено, не вытравлено из памяти, а лишь перешло на какие-то другие, глубинные уровни сознания и скрыто там, как дранка под свежей черепицей бывшей тюрьмы.

Сувенир

– Вы про проволоку колючую спрашивали? Поехали, покажу.

Сын стрелков Евгений Глебович Власов везет нас к родительскому дому. «Волга» подпрыгивает на песчаной дороге, и на обочине видны рассохшиеся, выбеленные солнцем, поросшие ягелем доски – бревенчатые мостовые лагерных времен.

Посреди дома 1937 года постройки – неожиданно аккуратные кровати с железными спинками и высокими подушками, обои в крупные розы, на холодной печи – самовар. Кажется, вот-вот выйдет мама-конвоир и папа-стрелок.

Раньше в соседнем доме жил отсидевший 25 лет зэк Опарин, в следующем – лагерный стрелок Бородулькин. Общались по-соседски, вместе выпивали по вечерам. Дальше – дом Коваленко: власовца, зэка, после – поселкового механика. В Аджероме его уважали, только с Днем победы не поздравляли.

У забора, за аккуратными грядами картошки, торчит большой рыжеватый куст – прикрытый травой моток проволоки.

Власов дергает его из земли, как огромный сорняк. Проволока упруго пружинит, и над грядками повисает металлический отзвук, будто дернули тетиву. Кажется, проволока проросла в почву, ушла спутанными корнями в землю, встроилась в природный круговорот веществ.

На прощание Власов отламывает нам ветвь куста – «на сувенир». Сверху проволока проржавела, истончилась, поросла желтоватым мхом. Но на сломе опасно и весело серебрится. Как новая.

P.S. Недавно корткеросский дачник нашел у себя на огороде голову Сталина. Выкопал, почистил и принес Смилингису – «чтоб не пропала». Голову поставили в Доме пионеров, в районной газете вышла заметка.

– Через месяц стучится пенсионер, – вспоминает Смилингис. – Рассказывает: когда он был маленький, голова стояла у входа в корткеросскую школу. Все, кто входили, должны были снять перед головой шапки и сказать: «Здравствуйте».

А потом разразился XX съезд. К деду нынешнего пенсионера, тогда – сторожу школы, пришел директор и приказал: Сталина снять, бюст разбить, обломки убрать.

Сторож был ссыльным, но вождя любил. Разбить бюст его рука не поднялась. Как рассказал внук Смилингису, дед разбудил его ночью, привел к школе, отмерил шагами расстояние от угла, вырыл яму, закопал Сталина и сказал: «Запомни. Я-то умру, а ты, когда придет время, – выроешь».

Теперь голова стоит в Доме пионеров среди прялок, самоваров и туесов. Глаз у вождя подбит, кусок щеки выпал, усы обтерлись...

– Здороваться и шапки снимать, представляешь? Даже мне трудно представить, что это было. – Смилингис поправляет голову, и у нее тихо, как в замедленной съемке, начинает разваливаться лицо.

– Нос падает! Держи Сталину нос!

Вечереет, за окнами слышен лай собак и гул комаров, от прялок пахнет сырым деревом, от головы – влажной землей. Чертыхаясь и ворча, бывший ссыльный прилаживает бывшему тирану нос. И вдруг кажется, что осталось их, свидетелей времени, только двое. И нет в целом свете никого, кроме них.

От составителей
(текст публикации представлен в сокращении)
Е.Рачева

Новая газета, 2012, 25 июля (№ 82)



«...Всегда занимаюсь тем, что интересно самому...»

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

В Корткеросском районе хотят реабилитировать древнего разбойника



Пирог Вычегды

Эырвичский Прометей



Важъяыс да ӧниявыс

Анатолий Антонович Смилингисӧс да Людмила Николаевна Королевасӧ Корткерӧс районын бура тӧдӧны. Уна во нин найӧ зільӧны пестыны коми йӧзлӧн сьӧлӧмын ас культура, искусство, миян пӧль-пӧчӧл обычайяс да традицияяс дорӧ муслун. А.А.Смилингис вель дыр директораліс райцентрӧс пионеръяслӧн да велӧдчысьяслӧн керкаын. Л.Н.Королева тані жӧ зільӧ педагог-методистӧн. Олӧмад тай овлӧ, мый ыпнитӧны ыджыд ловъя кык ӧткодяджык мӧвпаліысь морт да зільӧны асланыс кыпыдлунӧн ӧзтыны орччысьӧ. Меным ӧні чайтьӧ, мый тайӧ кык мортыслӧн пӧсь сьӧлӧмка чужан ну тулысьясӧ зэв нин шоча позьӧ адззыны. Сідз нин артмис, миян пӧстын унджыкыс ӧні мӧвпаліны пӧтӧсаджык да судзсянаджык олӧм йылысь. А Анатолий Антонович да Людмила Николаевна—мортлысь оласногӧ, сылысь пытшкӧсса ловсӧ бурмӧдӧм йылысь.

Сэсі мини номи ӧбъяліс стаи олӧмыс. Серпасавлӧмабыс уна сикас серпи. Найӧ висьталіны коми вылысь олзэнінг йылысь. Со тайӧ нывъя помыстомӧн сетлӧмабыс верӧс сайӧ. Йӧз сьӧлялӧ вочлывлӧма медсьӧд удзӧсӧ. Кага чужӧм бӧрад эбу нин петалӧма рытъясъны, сьывны подругаясысьӧ. А тайӧ ӧн чышӧмъяс висьталӧ, кыдзи ӧтмӧдзись коляндӧма вӧрсьӧй фронт вылӧ, томсаныс колӧма дзебаліс да отналіс сунтӧлӧма челядьлӧн кӧсйӧмыс.

«...Не бойтесь дальних дорог и незнакомых мест»
(турклуб «БЕЛКА»)

Как возник наш клуб юных путешественников?

(Из воспоминаний Анатолия Смилингиса)

Наш клуб был создан 22 мая 1961 году на базе туристско-краеведческого кружка. В течение предыдущих трех лет (1958-1960 гг.) работы нашего кружка, проявилось много ребят, желающих заниматься туризмом. Кроме того к 1961 году у нас уже был небольшой, но дружный коллектив опытных туристов-старшеклассников, а также накопилось немного опыта по краеведческой работе среди школьников.

Пропаганда туризма в школе, используя фотографии, стенды, отчеты о проведенных походах, туристские вчера, викторины, стенная печать – все это способствовало возникновению клуба юных путешественников.

(Из истории клуба юных туристов «Белка»)

Инициаторами создания своего клуба 30 лет назад были учащиеся Корткеросской средней школы: Худяев Вальтер, Смирнов Михаил, Удоратин Афанасий, Солодков Виктор, Юранев Василий, Изъюрова Валентина и другие туристы.

Члены туристского клуба «Белка» – это актив ребят и девчат, число которых колебается из года в год. От 15 до 20 человек, задача которого оказывать содействие проведению походов и изучению природы и истории родного края. Внутриклубная работа строится по интересам ребят. Для получения звания члена клуба, кандидат должен пройти четыре эталонных маршрута, от простого к сложному, расположенных в окрестностях с. Корткерос.

Члены клуба по своему желанию занимаются топографией, фотографией, историческим или географическим краеведением, спортивным туризмом, ботаникой, географией и спортивным ориентированием. Клуб по мере возможностей оказывает содействие и помощь школам района в вопросах подготовки инструкторов школь-

ного туризма, проведении туристских слетов, разработке маршрутов, организации соревнований по спортивному ориентированию. По инициативе клуба организуются краеведческие экспедиции и категорийные туристские походы, краеведческие конференции.

В работе клуба делается упор на конкретный результат, перспективу. Например, подготовить и совершить туристский поход на Северный Урал, создать музей, изучить растительность долины реки, собрать и оформить географическую коллекцию и т.д.

За эти годы клубом достигнуты следующие результаты:

– открыто местонахождение кедра на территории района, в последствии там создан ботанический заказник;

– силами туристов оборудован кедровый питомник на реке Кия-ю, кедровые саженцы достигли 8-10 метров;

– совершено ряд экспедиций по изучению редких растений, занесенных в Красную книгу Коми АССР, таких, как Марьин корень(пион), ятрышников, доелика пурпурного, кедра и т.д. Составлена карта границ произрастания их на территории района;

– проведены стационарные наблюдения по изучению влияния отбойной волны, образуемой теплоходами «Заря» на мальков рыб;

– в течение последний 8 лет проводится изучение малых рек района, выработаны определенные рекомендации по использованию их;

– составлены описания природы бассейна рек Локчим и Вишера;

– созданы два музея. Последний музей открыт в 1987 г. и ему присвоено звание районного;

Туристы клуба «Белка» участвовали в походах практически по всей территории Коми АССР: реки Вычегда, Локчим, Вишера, Вымь, Щугор, Илыч, Подчерем, Унья, Ижма, Печорская и Мезеньская Пижмы, Ямозеро, Сысола, Удора, и т.д.

Районы, охваченные пешим туризмом: Южный Тимман, г. Потчурк,



Екатерининский канал, Северный и Приполярный Урал (г.г. Собля, Народная, Колокольня), Юг и Запад Коми АССР;

– подготовлено и вышло из клуба «Белка» 5 мастеров по спортивному ориентированию, 4 – кандидата в мастера, 1 кандидат в мастера по туризму;

– как правило, ежегодно подготавливается от 20 до 35 значкистов «Турист СССР»;

– создано правление клуба туристов «Белка» из числа взрослых, бывших активных школьников. Все взрослые члены клуба туристов активно помогают учащимся и являются руководителями походов юных туристов

– начата работа по изучению исчезнувших населенных пунктов на территории района.

А. Смилингис

Маршрутами турклуба «Белка, 2009. – С. 24-26.

В поход

Сейчас, когда вскрылись реки, прилетели птицы и зазеленела трава, наступила пора туристских походов. В нашем селе можно встретить группы ребят, отправляющихся куда-то в лес. Это юные туристы Корткеросского Дома пионеров отправляются в свой очередной поход.

Много троп уже исходили они. Многое увидели, многое научились. Только за прошлое лето они успели совершить три крупных похода. В этих походах они не искали легких дорог.

– Чем труднее путь – тем интереснее,– говорили ребята, составляя очередной маршрут.

Много воспоминаний после походов. Когда ребята собираются в Доме пионеров и начинают разрабатывать маршрут нового похода, они всегда вспоминают и прошлое.

...Мы искали по заданию Автошосдора камень для строительства дорог. Шел учебный год, а на поиски приходилось уходить все дальше и дальше: поблизости камня не было.

Скоро одного дня не стало хватать, уходили по субботам прямо после уроков, возвращались поздним вечером в воскресенье. Уставали здорово. Однажды таким воскресным вечером по пути домой настигла нас гроза. Частые молнии слепили глаза, ноги проваливались в ямы с грязью. Каждый шаг давался с трудом.

Вдруг обнаружили, что один мальчик пропал. Все так устали, что и не сразу вспомнили, кого с нами нет. Пришлось вернуться, искать. На месте последнего привала спокойно спал Славик Кузнецов.

...В прошлом году в первый же день каникул наши туристы отпра-

вились в поход. Шли пешком долго. Стояла жара. Где-то далеко впереди река. По ней будем спускаться на плоту.

Вечером Вася Козлов показал волдырь на спине, который ему натер угол от буханки хлеба.

– Всю дорогу неохота было перекладывать рюкзак, думал, у хлеба угол сам отломится и тереть перестанет, – объяснял он нам.

Зато на следующее утро Вася очень долго и тщательно укладывал свой рюкзак. Волдырь на спине, видимо, давал о себе знать.

На плоту плыть было так холодно, что у маленького костра не хватало места. Согревали себя песнями и шутками.

Проходили дни. Мы учились быстро ставить палатки, оборудовать ночлег, шалаши, варить пищу. Разжигать костры, ориентироваться в тайге, брать верное направление.

Однажды мы прошли почти 100-километровый путь через Локчимско-Сысольский водораздел, сверяя направление только по компасу и карте. И вышли все-таки к поселку Нювчим! Там осмотрели старинный чугунолитейный завод, ознакомились его историей. А потом по Сысоле поплыли на плоту.

Побывали юные туристы и в Ухте. Очень понравился ребятам городской Дом пионеров, его музей, созданный руками ребят, а особенно живой уголок. Всем хотелось посмотреть, как медведь принимает душ. Познакомиться с орлом, который ест только сырое мясо, увидеть в одной клетке лисиц и северного песца.

А когда мы поехали знакомиться с нефтяными шахтами, то при спуске каждый переоделся в шахтерскую одежду и получил настоящий шахтерский фонарь. Большинство почувствовали себя настоящими шахтерами, даже Славик Демидов сразу «посерьезнел».В шахте увидели, как залегает нефть под землею, как ее добывают, а потом осмотрели нефтеперегонный завод.

Наш путь лежал к берегам Печоры. Знакомство с этой рекой начали с купанья. А потом мы долго спорили: в Вычегде или в Печоре вкуснее вода.

Река Илыч поразила нас красотой своих берегов, дикостью причудливых скал, синим маревом уходящей вдаль тайги. Удивляла прозрачность воды: на глубине 4-5 метров легко различались камни. Не сразу привыкли мы к шуму перекатов, под музыку которых ложились отдыхать.

Несмотря на то, что по Илычу весь путь мы прошли пешком, и каждый день сильно уставали, вечерами от избытка впечатлений долго не засыпали, разговаривали. Приключений хватало с первого дня похода.

Этот первый наш день на берегах Илыча выдался особенно трудным, шли по каменистым берегам, мешал груз дополнительно закупленных продуктов. Ужин варили, было уже темно и каждый ждал его

с нетерпением. Но... все варево пришлось выбросить – продукты оказались негодными. Так мы и легли спать голодными.

Зимой нам тоже не сиделось дома, туристы рвались в походы. Каникулы наступали. И на лыжах мы добрались до верховьев Пианью и Нидзь. Изучали фауну, видели кедры, которые очень редко встречаются в нашем районе. Ночевали четыре ночи на снегу в палатках, и каждое утро приходилось сушить на костре мокрые, замерзшие за ночь валенки. И все-таки все были счастливы.

Сейчас мы готовимся к новым походам. Туристы района собираются исследовать бассейн реки Маджи, ее притоки. Поход трудный, по пути нет ни одного населенного пункта, но зато интересный и полезный.

Более сильные и опытные ребята собираются побывать в Приполярном Урале, совершив поход до горы Сабли. Думается, что закалка и опыт, приобретенные в предыдущих походах, помогут успешно совершить это нелегкое путешествие.

Наша республика очень богата интересными местами.В каждом районе можно найти сотни разнообразных и увлекательных маршрутов походов. Какой бы путь не выбрали, заранее можно сказать, что, возвратившись из похода, вы еще долго будете вспоминать ночевки у костра, трудные переходы, редкие находки, встречи с замечательными людьми, рыбалки, смешные эпизоды – в общем, все то, чем так богато каждое далекое путешествие.

Мой искренний совет: если вы еще не решили, как провести лето – собирайтесь в туристический поход. Не бойтесь дальних дорог и незнакомых мест – они всегда интересны. Только не следует забывать, что к каждому походу надо тщательно подготовиться, заранее учесть все сложности маршрута, продумать какие полезные дела вы могли бы сделать по пути. Может быть, вам удастся собрать гербарий, выяснить интересные факты из истории района, записать произведения фольклора.

Итак, собирайтесь в поход, друзья!

А. Смилингис

Молодёжь Севера, 1959, 5 июня

По таежным тропам

Долго готовились юные путешественники с. Корткерос в свой очередной поход. Желающих было много, но право участвовать в этом походе получили самые активные и выносливые туристы

Наконец, сборы окончены. Слава Кузнецов, наш завхоз, с длиннейшим списком в руках уже не в первый раз проверил продукты, снаряжение. Командир похода Афанасий Удоратин отдал приказ трогаться в путь.

Первый этап – 150 километров от Корткероса до поселка Веж – преодолеваем на автобусе. Едем весь день. Дорога идет параллельно реке Локчим. В этих местах более 100 лет назад деды и прадеды из сел Мордино, Лопыдино вручную добывали железную руду для Нювчимских чугунолитейных заводов. Теперь в здешнем совхозе «Корткеросский», на новых лесозаготовительных участках Локчимского леспромхоза используется новейшая техника

В поселок Веж мы приехали только вечером, а утром уже покинули обжитые места. Отсюда собственно и начался наш поход. Взяли курс на село Усть– Кулом. На карте оно кажется так близко, не более 100 километров по прямой. Но каждый из нас знал, что по прямой линии в тайге не пройдешь.

Маленькой точкой около реки Прупт отмечен починок Еков. Это



единственный населенный пункт, который встретится нам в пути, но он-то больше всего интересует нас.

Итак, впереди ни тропинок, ни дорог. Идет мокрый снег. Через несколько часов попадаем в зону ветровала. Перед нами развороченная бурей тайга. Везде торчат коряги и обломанные стволы деревьев. Грустная картина. Мы много исходили, но такое кладбище природы увидели впервые.

Ночуем прямо в буреломе под поваленными деревьями. Всю ночь воет ветер. С утра выходим в путь. Ветровалы сменяются пожарищами, но настоящего леса все нет. Только под вечер преодолеваем возвышенность, поросшую осиной.

Нас всего 13 человек, двое взрослых, остальные одиннадцать – учащиеся 6-10 классов. Трое девочек. Держатся они геройски. В трудных походах бывали уже не раз.

Несколько дней проходит без приключений. Даже досадно. По вечерам сушимся, укладываемся в спальные мешки. Пьем особый, «снежный» чай.

А наста все нет. На третий день наш топограф Вальтер Худяев сломал лыжу. Пришлось заменить ее запасной. Через несколько часов он снова сломал – другую. Опять замена. Больше лыж в запасе нет А что будет, если такая беда постигнет и другого? К тому же начался дождь. Снег совсем не держит, лыжи проваливаются. Рюкзаки давят на мокрые плечи.

И случилась беда: Виктор Солодков тоже сломал лыжу. С ним остаются наш биолог и топограф. Им торопиться некуда. Они занялись изучением следов животных, что входит в программу нашего похода. А Виктор ремонтирует сломанную лыжу. Остальные двигаются дальше, нужно прокладывать дорогу.

В этот день все очень устали, вымокли. Ночевали в охотничьей избушке. Избушка маленькая, расчитана на два человека. И все-таки забрались туда все тринадцать. Утром встали черные от сажи (печь в избушке была без трубы) и долго друг друга не узнавали.

Только на пятый день вышли к починку Еков. Место красивое. Дома стоят на высокой горе. Позади осталось 100 километров таежного пути. Нашей радости нет конца. Все чувствуют себя бравыми молодцами Жители Екова приняли нас хорошо. Мы вытопили сразу две бани, отмыли сажу и дорожный пот. А вечером пришли к нам жители починка. Мы им рассказали о своем походе, о нашей школе, спели несколько песен, кажется, получился небольшой концерт. А старожилы рассказали нам об истории возникновения починка Еков.

Хозяин дома, где мы остановились, Семен Екольевич Ладыгин, сын основателя поселка Еков, – старый партизан. Он и поведал нам много интересного о борьбе их партизанского отряда с белогвардейцами.

От починка Еков до села Усть-Кулом немногим более 50 киломе-

тров. Это расстояние мы прошли за сутки. В 23 километрах от Екова попали в местечко с громким названием – Париж. Только в этом Париже всего один жилой дом.

В Усть-Куломе нас встретили школьники. Они рассказали нам о себе, о 100-летнем юбилее своей школы, который недавно отпраздновали. Мы тоже рассказали о своей школе, о наших делах, о походе. Потом пели и танцевали.

На другой день состоялись спортивные встречи по баскетболу, настольному теннису и шахматам. Усть-куломские баскетболисты победили наших ребят, зато в шахматах – победителями стали мы.

В Корткерос мы вернулись на попутной машине.

А. Смилингис

Молодёжь Севера, 1961,26 апреля

Путешествие по дну будущего моря

Вчера прозвенел первый школьный звонок. Коридоры Корткеросской одиннадцатилетней школы заполнили шумные, веселые ватаги ребят. Вот в центре одной из групп – Ким Ситкарев. Он рассказывает о туристском походе по дну будущего моря – Вычегодско-Камского водохранилища. Возгласы удивления, смех часто прерывает рассказчика.

О том, что же увидели юные туристы на дне будущего моря, и рассказывает в своем фоторепортаже руководитель туристского похода А. Смилингис.

Давно готовились корткеросские туристы из клуба юных путешественников «Белка» к походу по местам будущего Вычегодско– Камского канала и водохранилища. Манили туда грандиозные масштабы будущей стройки и, конечно же, таежная глухомань, где на сотни километров не встретишь жилья.

Наконец сборы были закончены, и в конце июля мы выехали в Усть-Куломский район.

Вещей для похода собралось порядочно: байдарки, палатки, резиновая лодка, одеяла и многое другое, что так необходимо любому туристу. Однако тяжелое снаряжение не помешало бодрому и боевому настроению ребят.

Любой поход требует, прежде всего, напряженного повседневного труда. Так было и у нас. До села Керчемья мы добирались сначала на теплоходе, а затем на попутном катере. Много труда было потрачено на переноску груза. Но основные трудности начались, когда мы выехали на байдарках по речке Северная Кельтма к деревне

Канава. Нам предстоял 150-километровый водный путь. Погода была пасмурная, дождливая. К тому же, плыли мы против течения, а в верховьях речки нашему продвижению еще мешала и водная растительность. У всех ребят от вёсел на руках появились мозоли. Но никто не унывал, все энергично работали, выполняя задание экспедиции № 8 «Гидропроекта». Нам необходимо было описать по специальной программе реку, произвести фото– и киносъемки. Работы было так много, что к концу дня ребята засыпали крепким сном. Тут уж ни комары, ни утренний холодок не могли их разбудить.

В пути нам часто встречались колхозники, стоговавшие сено, рыбаки и не-сколько отрядов различных экспедиций.

Сколько осталось радостных неизгладимых впечатлений от этих всегда теплых и дружеских встреч в глухой тайге!

Вот геофизическая экспедиция из Ухты, ведущая сейсмическую разведку на газ для Сыктывкара.Разведчики недр рассказали нам о своем нелегком, но интересном и увлекательном деле, поделились впечатлениями, дали дельные советы. И как-то сразу ребята почувствовали себя увереннее, сильнее.

Подружились мы и с экспедицией из Минска, определяющей запасы древесины на дне будущего моря. Начальник партии Евгений Тихонович Шпаков рассказал о будущем водохранилище, о том, какие работы здесь проводит экспедиция.

Но, пожалуй, самая радушная и интересная встреча была с колхозниками деревни Канава. Председатель колхоза «1 мая» Дмитрий Кондратьевич Мартюшев показал нам свое хозяйство, рассказал об успехах артели, поделился планами на будущее. Колхоз богатый, хозяйство ведется умно и расчетливо. Для переработки молока построен небольшой маслозавод. Колхозники по производству мяса и молока уже вышли на третий рубеж и сейчас сдают продукцию уже в счет 1963 года.

После двухдневного отдыха мы двинулись дальше по маршруту. Впереди был Севере-Екатерининский канал. Подступы к нему оказались очень трудными, но сам канал предстал перед нами, на удивление, прямой глубоководной магистралью. Естественно, мы еще раньше поинтересовались историей этого сооружения, а затем, вдобавок, порасспрашивали местных жителей. Длина канала 17 километров 805 метров, строили его крестьяне 36 лет. Кроме лопаты и тачки, здесь не было никаких орудий. Был самый настоящий каторжный труд. Для того, чтобы люди не разбегались, их заработки выдавались пятикопеечными медяками. Получив за несколько лет работы мешок медяков, крестьянин не в состоянии был вывезти деньги из этой глуши. Рассказывают, что один из строителей все же ухитрился вывезти на двадцати четырех телегах медные пятаки.

Новый же канал будет длиной в 100 километров и шириной 200 метров. И его построят советские люди за несколько лет!

Наш поход длился целый месяц. Мы прошли через лесные завалы

и болотные топи. Любовались золотистыми сосновыми борами, ловили рыбу, охотились. Каждый день приносил с собой что-либо новое, неизведанное. Бывали и курьезные случаи. Так, однажды двое ребят случайно во время сбора ягод задели осиное гнездо, после чего им пришлось сломя голову бежать около километра от разъяренных насекомых. Наконец, уже на железнодорожном вокзале города Соликамска снова случился «инцидент». Нам отказались продать билеты до Сыктывкара.

– Нет такой станции,– заявила кассир, потрясая толстым справочником.

Только через несколько часов все же была «найдена» наша станция, и нам продали билеты.

Ничего не поделаешь! Жизнь обгоняет справочники!

А.Смилингис

За коммунизм, 1962,2 сентября

Поход на Северный Урал

В дорогу

Нас 11. Отправляемся туда, куда редко ездят люди. Горы возвышаются среди бескрайней тайги. Там голубое небо, быстротечные реки, вечная мерзлота. Мечта туристов зовет нас туда! Нам, семнадцатилетним охота испытать свои силы.

Выехав из Корткероса, только на третий день на теплоходе мы доехали до села Аранец на реке Печоре. Спали на дебаркатере. Утром, с первыми лучами солнца, вышли на берег и удивились: на востоке над темно-зеленой тайгой возвышались горы.

С удивлением долго смотрели на эту красоту. Определили расстояние до них. Прямиком – 50 километров. Нам не терпится поскорей дойти, потрогать руками холодные камни гор, своими глазами оценить их красоту и величественность.

Хребет Сабля в солнечный день виден за 100 километров. Не удивительно, что он издавна притягивал к себе туристов. Первым исследователем, покорившим в 1843 году хребет Сабля был А.Шренк. В 1929 году А.Н.Алешков открыл на Урале первый ледник, которому было дано имя Гофмана. В последние годы хребет пользовался успехом у туристов. Ежегодно здесь бывают 30-40 групп со всего СССР. Вот и мы в селе Аранец встретились с ленинградскими и свердловскими туристами.

Сабля зовет

В дорогу отправились вечером. Еле заметная тропа, по которой мы шагаем, называется дорога Сибирякова. Его протоптали очень давно. По нему много столетий привозили из Сибири на Печору хлеб.

Скоро дошли до болот. Очень трудно в болотной жиже и по колено в грязной воде найти тропу.

В рюкзаках еда и снаряжение на 25 дней. Но от нас не отстают девушки Валя Казакова, Люся Кирушева, Тоня Калинина. У Тони 20 килограмм сахара, поэтому парни больше всех ей помогают. Боятся остаться без сладкого. Впереди шагает Анатолий Казаков. В мешке 25 килограмм муки.

Три дня по мрачным болотам. Тучи комаров. Впереди нас ждут все отчетливей виднеющиеся вершины гор.

Незаметно тропа начала подниматься вверх. На четвертый день наш лагерь мы поставили уже на подножиях горы. В ту ночь долго не смогли уснуть – вели разговоры о штурме вершин.

Оказалось, очень тяжело подниматься на Саблю. Пришлось идти целый день. Сначала шли по лесу, затем вышли на открытую местность. 30 градусов жары, а вокруг лежит лес. Володя Пушко, сбросив одежду, лег на снег загорать. За ним последовали и остальные.

Гора все круче и круче. Пытаемся карабкаться по камням. И вдруг, гора оборвалась – впереди обрыв. Мы на вершине!

Седой Северный Урал

Красиво! На востоке тайга соединяется с небом. Где-то зеленые болота. Вдалеке серебряной нитью блестит Печора.

Под ногами, в горных озерах, отражается голубое небо. Вершины гор утонули в седом тумане. Это нетронутая страна диких гор.



Ширина Уральского хребта – 150 километров. Дыхание сводит от такого огромного пространства. Все притихли, спешат запомнить увиденное.

Вот что написал в своем дневнике Вася Худяев: «Когда я почувствовал под ногами Урал, он навсегда захватил мое сердце. Противоборство темных скал и голубого неба забыть невозможно. Дайте мне крылья, хочется полететь и сделать что-нибудь хорошее для этой страны!»

На экскурсию сходи-

ли к ручью с водопадом. От течет с ледника Гофмана. Каскад водопадов падает со скалы. Их шум перекрывает наши голоса. Под ногами дрожит земля. Там мы встретились со свердловскими туристами и вместе наблюдали за этим чудом.

Пересекли перевал Аранецкий и дошли до реки Черной. Это горная река. Вася Худяев уже успел поймать хариусов. Здесь они крупные, можно поймать даже без наживки. В уху добавили и дикорастущий лук.

Вдоль Черной реки идти тяжело: ветки и корни переплелись, трава некошеная. Встречные скалы приходится обходить. На местах, где течение тише, груз мы загружаем в надувную лодку, которым управляет А.М.Казаков.

Дорога все тяжелей, начинает моросить. Река Черная приводит нас к большой реке.

Ширина Большого Патока достигает до 300 метров. Бурная, каменистая, с перекатами. Впадает она в Щугор, в большую и величественную реку. Берега здесь песчаные, а вода чистая и глубокая. Идем по бечевнику, как по мосту.

Коля Морозов заметил, что комаров не стало. Вдруг из воды показались стены ворот нижнего Щугора. На вершине скалы растут кедры. Внизу течет ограниченная берегами река. Такая чистая, что дно видно, а ведь глубина 12 метров.

Перешли «ворота», позади остались высокие горы. Пришлось опять идти через болото. К вечеру дошли до села Усть-Щугор на Печоре.

Пароходы здесь ходят через день. Поэтому у нас было время помыться в бане, познакомиться с местными жителями.

Много горя познали они. Посетили братскую могилу красных партизан, убитых белыми карателями. Местная жительница Анна Мефодьевна Митюшова рассказала, как белогвардейцы расстреляли ее мужа и сына. Ей самой удалось сбежать. Очень жаль, что за братской могилой никто не ухаживает.

Ночью на теплоходе мы прибыли в город Печора. Пешком мы прошли около 300 километров. Проходили через болота, лазили по горам. Но никто не испугался, каждому хотелось увидеть жемчужину Урала.

Домой мы везем коллекцию минералов, много фотографий, описания растений северного Урала. Незабываемые впечатления – вот это и есть жемчужина Урала.

А.Смилингис

Звезда, 1965, 31 августа

В горах Кавказа

В горах Кавказа, в районе Тебердинского государственного заповедника прошёл первый Всероссийский слёт сельских туристов. Он был организован Центральным Советом ДСО «Урожай».

От нашей республики участниками слёта стали корткеросские туристы. В команде большинство выпускники Корткеросской средней школы – юноши и девушки – чей туристский стаж составляет 3-4 года.

Если в Сыктывкаре падал снег, было холодно, то Краснодарский аэропорт встретил нас цветами. Дальше ехали на поезде и автобусе. Вот и берег реки Большой Зеленчук. Здесь и будет проходить слёт.

Нас кругом окружают горы. Солнце появляется в 10 часов утра и прячется за соседними горами в 6 часов вечера. Наша стоянка на высоте 1500 метров над уровнем моря. Здесь уже устроились туристы из Ставропольского края. В свободное время мы тренируемся, знакомимся с местностью. Всё здесь своеобразное. В лесу растут яблони, груши. Но они очень кислые. Днём жарко, ночью горы «дышат» холодом. После обеда горы покрываются снегом, но потом он тает.

Рядом дороги. По ним на горные пастбища перегоняют отары овец. Их гонят пастухи и большие злые собаки. Говорят, такая собака может задушить волка.



Каждый день прибывают команды, представители Центрального Совета, судейская бригада.

День открытия слёта. На торжественной линейке представители 22 областных команд. Флаг поднимают капитаны команды Москвы и Ставропольского края. В командах много перворазрядников, мастеров спорта, кандидатов в мастера.

В программу соревнований вошли – преодоление полосы препятствий в горных условиях, ориентировочный биатлон, ночное и дневное ориентирование в горах. Хорошо выступили наши девушки Валентина Каракчиева, Людмила Кирушева, Тамара Кайченко. Тяжёлую горную трассу они прошли быстрее и лучше всех. Юноши были на шестом месте. Наши успехи для многих были неожиданны. Некоторые удивлялись, что и в Коми АССР есть возможности развивать туризм.

Хорошо выступили наши юноши и девушки в других видах соревнований. В личном зачёте по спортивному ориентированию Юрий Оботуров занял второе место среди 64 участников. В. Демидов занял десятое место, Н. Вишератин – четырнадцатое место.

Быстро пролетели четыре дня соревнований. На заключительной линейке главный судья соревнований огласил результаты. На первое место вышла команда Ставропольского края, на второе – Коми АССР и третье – команда Волгоградской области.

Все поздравляли нас. В последний вечер ярко горел прощальный костёр, звучали туристские песни.

До свидания, Кавказ, высокие горы. Едем обратно домой весёлые, счастливые.

А. Смилингис

Звезда, 1966, 22 октября

Через Вороньи пороги

В центре Кольского полуострова есть поселок Ловозеро. Около 100 лет назад в ловозерском погосте поселились ижемские охотники. Им понадобилось 2 года, чтобы пройти расстояние в 2000 километров от Ижемских берегов до погоста.

Сейчас здесь проживают много коми людей. Расширилось и само Ловозеро, стало райцентром. Много магазинов, каменных домов, водопровод, заасфальтированные дороги.

В поселке совместно с коми населением проживают саами и русские. Здесь же самый большой в краю колхоз, занимающийся оленеводством.

В августе в Ловозеро проходил Всесоюзный сбор-семинар руководителей водных путешествий. Необходимость организовать такой

семинар возник из-за возрастания количества походов. Пришло время поднять проблему технической культуры походов, безопасности на воде. Это и было целью встречи на кольском полуострове.

В поселок Ловозеро прибыли около 40 человек. С Дальнего Востока, Башкирии, Перми, Белоруссии, Украины, Свердловска, Коми АССР и многих других областей.

Участники сбора в течении недели в поселковом клубе слушали специальные лекции. Их темы были очень интересными (для примера, «Техника и тактика водных походов», «Питание во время водных походов» и многие другие).

После курса лекций начались практические занятия. В 3-х километрах от поселка есть Ловозеро. Его длина 50 километров, ширина 15-18 километров. Участники семинара соревновались на байдарках, сначала в безветренную, а затем в ветреную погоду. Ходили против течения, переходили пороги реки Курга.

Но самое интересно ожидало впереди. Участникам слета было предложено проплыть на байдарках по самой опасной на полуострове реке Воронья. В Ловозеро впадают много рек, но начало берет всего лишь одна – Воронья, она впадает в Баренцево море. Река Воронья – большая. Каждую секунду выпускает в море 120 кубометров воды. По этой реке никто еще не ходил ни на байдарках, ни на лодках.

По Ловозеру нас тащили на буксире. Шел мелкий осенний дождь. Он сопровождал нас весь поход. Только вечером мы дошли до начала реки. Здесь гидравлический пост. Вокруг березки, широкая – около 200 метров – быстротечная река. Вот такое начало реки Воронья.

Нас разделили на группы. В каждую группу назначили опытного инструктора. Поплыли вниз по реке. Река становится каменистой и чем ближе к морю, тем больше камней становится. Но пока встречаются только «шилёры», так инструкторы называют одиноко лежащие камни и быстрины.

Первый порог, который нам встретился, называется «Большим». Река здесь сужается до 50 метров. Длина порога около 400 метров. Здесь большие волны, белая пена, и, конечно же, большие камни. Слушаем инструкцию, выбираем путь. Порог нас очень удивляет и пугает, в особенности, когда одна байдарка попала в водоворот и перевернулась. Дальше на каждом пороге кто-то переворачивался. Но мы привыкаем и к этому.

После «Большого» порога начинаются и другие, и каждый все больше и больше. Переправляясь через порог «Дьявольский» опрокинулись две байдарки, одна из которых сломалась. Чинить ее пришлось почти сутки. Порог «Медвежий» состоит из 12 ступеней. Самые опасные места обозначают флажками. Порог «Медвежий» преодолели за 2 дня. Затем 6-и километровый «Заборный» и 16-и километровый «Кровавый» пороги. Последний получил свое назва-

ние из-за близлежащих красных скал. После порогов «Туманный» пришлось преодолеть и водопад «Большой падун». Здесь и закончилось наше путешествие. Река Воронья между порогами имеет и озера. Эти места не доступны для рыбаков, и мы за час поймали много щук и хариусов весом в 5-16 килограмм.

В этом походе мы испытали советские и импортные байдарки. Самыми прочными оказались наши – «Салют» и «Луч-50».

Трудности в походе сплотили участников. Обменялись адресами и обещали писать друг другу. Семинар у нас закончился в поселке Верхняя Тулота. Здесь мы слушали последние лекции и сдали зачеты.

Это был уже второй такой семинар. Первый был 10 лет назад на Полярном Урале.

В эти же дни узнали, что следующий семинар будет на Полярном Урале, на территории Коми АССР в 1969 году.

А. Смилингис

Звезда, 1968, сентябрь

Молодые туристы из Корткероса – чемпионы РСФСР

На слёт молодых туристов РСФСР выезжала сборная команда Коми АССР, которая в большинстве состояла из членов клуба «Белка». Командиром был назначен председатель клуба «Белка», ученик 9 класса Корткеросской средней школы Коля Шевелёв. В команду вошли также туристы из Сыктывкара, Кослана, Важгорта и Троицко-Печорска.

Туристам необходимо было пройти указанный маршрут по Ленинградской области. Во время похода наши туристы посетили Ораниенбаумский пятачок на линии обороны Ленинграда, где встретились с туристами из Читинской, Свердловской, Иркутской областей, Якутской АССР.

Пять дней шли туристы по местам боёв. Здесь четыре года стояли советские солдаты в обороне, защищали Ленинград от врагов. Прошло 25 лет, но здесь всё ещё напоминает о войне: разрушенные землянки, дзоты, ржавая колючая проволока, гильзы... и молодой, вновь выросший лес. Говорят, к 1944 году в этих местах не осталось ни одного дерева.

По дороге встречается много памятников: танк на постаменте, на другом – орудие. На гранитном обелиске надпись «Здесь в 1941-1944 годах насмерть стояли защитники Ленинграда». Ниже – простреленная каска советского солдата и живые цветы.

Побывали в сёлах. Их отстроили заново, развиваются механизированные хозяйства.

Встречались сёла, которые были дотла сожжены фашистами. Жители или расстреляны, или угнаны в Германию. Об этом напоминают лишь обелиски.

Туристам было интересно посмотреть развалины Ломоносовской фабрики. Там великий учёный проводил опыты по созданию стеклянных витражей.

Во время похода мы купались в море, вели дневник, собирали экспонаты для своего музея, рисовали карту маршрута и очень подружились с туристами из Якутии.

А затем мы подошли к красивому озеру, где и прошло открытие XI слёта молодых туристов РСФСР. Более 2000 туристов поселились в разноцветных палатках. Сюда прибыли 75 команд из автономных республик и областей, команды – гости из 12 союзных республик и Болгарии.

Наша команда приняла участие в преодолении военизированной полосы препятствий и спортивном ориентировании. Николай Шевелёв, Александр Князев, Нина Забоева, Володя Казаков из Корткероса, Таня Юдина из Важгорта заняли первое место в преодолении военизированной полосы препятствий и стали чемпионами РСФСР. Это большое достижение нашей команды. Позади остались 75 команд, в том числе из Свердловской области, Москвы, Ленинграда, Горького и других городов.

В спортивном ориентировании наши туристы заняли 11 место. Капитан команды Николай Шевелёв занял третье призовое место. А соревновались 230 ориентировщиков. Успех к Коле не пришёл сам собой. Он два года становился победителем среди ориентировщиков Коми АССР.

На торжественной линейке, посвящённой закрытию слёта, команде Коми АССР вручили приз журнала «Физкультура и спорт» и, как самой спортивной команде, кубок слёта. Николай Шевелёв удостоился почётного права спустить флаг слёта.

После окончания слёта наши туристы побывали в Ленинграде, посетили Ленинские места и самые красивые места города революции.

В это же время в Ухте проходил слёт молодых туристов Коми АССР. Из Корткеросского клуба «Белка» на слёт выезжали 20 человек. Им нелегко дались соревнования. Ведь самые сильные участники были в Ленинградской области. Но невзирая на это, после трёх дней соревнований, они стали победителями. Команда была награждена бесплатными путёвками в Ленинград.

А. Смилингис

Звезда, 1970, 4 августа

Войди хозяином

Сохранить неповторимость природы Полярного Урала позволит правильная организация туристских походов

В таежных лесах нашего Севера имеются места,где пересекаются тропы туристов, пути экспедиций. На Приполярном Урале таким местом считается изба Мезенцева. Она стоит на мысу, там, где сливаются горные реки Косью и Вангыр. Постройки избы Мезенцева отмечены даже на картах тридцатых годов. Отсюда люди идут на Кожим, на Лемву и даже на Обь.

Летом прошлого года река Вангыр вывела нашу группу к избе Мезенцева. Постройки среди темных елей и светлых кустарников ивняка выглядели живописно. На маленьком вытоптанном дворике стоял огромный стол из вековых лиственничных плах рядом со столом – очаг оригинальной конструкции. Встретил нас сам хозяин, небольшого роста, плечистый, бородатый. Алексею Федоровичу 66 лет. На своем веку он повидал множество всяких экспедиций, туристских групп.

Алексей Федорович вынес нам из избы пачку потрепанных тетрадей с записями туристов. По предложению одной из групп и, конечно, не без содействия самого Мезенцева туристы, побывавшие на Урале, стали оставлять в тетради свои впечатления и пожелания. Это оказалось интереснее, чем делать зарубки на стенах охотничьих избушек. У Мезенцева к нашему приходу накопилось семь таких тетрадей.

Естественно, нам интересно было узнать первые впечатления побывавших на Приполярном Урале людей. Не без волнения мы читали эти Тетради. Приполярный Урал, как магнит, притягивает людей жаждущих испытать себя, проверить свой характер, увидеть неповторимую природу Севера. И люди идут. Идут из Одессы, Смоленска, Йошкар-Олы, Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Прибалтики и Украины, Кавказа и Сибири. Идут зимой и летом. Несколько тысяч людей держали в руках эти тетради.

Первые записи сделаны 18 июля 1961 года, их оставили студенты Московского пединститута имени В. И. Ленина, проплывавшие на плоту по реке Косью. За 1973 год свои записи оставили 364 человека, но, по словам Алексея Федоровича, не все туристы останавливаются у его избы. Он говорил, что с каждым годом туристов в тайге и горах становится больше. Лично ему, дескать, они не мешают, но его беспокоит то, что дичи в тайге, рыбы в здешних реках стало меньше. Бывая в тайге, в горах у своих избушек, построенных порой в самых глухих местах, он везде находит «следы» туристов, а раньше этого не бывало.

Рыбинспектор Сергей Дмитриевич Чибисов, с которым мы познакомились в этом походе, рассказывал:

– Всякие туристы бывают. Одни, действительно, хотят познать этот край. Других влечет только экзотика. А много и мечтающих о переполненных рыбой реках, о дичи на каждом шагу. Эти идут в тайгу с ружьями, с комплектами рыболовных принадлежностей. За июль и август было заведено 14 дел на туристов-браконьеров. Главное, почти все приезжающие, число которых резко увеличивается, не знают, что реки Приполярного Урала являются заповедными.

Слов нет. Приполярный Урал становится все более популярным районом туризма в стране. Байдарки, спальные мешки, хорошие палатки перестали быть дефицитом, их имеют многие. Вот и стали разнообразнее туристские маршруты...

Возросший интерес к этому району объясняется и рядом книг, вышедших за последние годы. Если 7-8 лет назад единственным пособием отправляющихся сюда была книга Г. А. Чернова «Туристские походы в Печорские Альпы», то сегодня путешествиям по нему посвятили свои книги Кеммерих, Масленников, Истомин, Рубель, Головко, Околешников, Заплатин, Елаховский и другие. Общий тираж этих книг превысил, сто тысяч экземпляров. В 1975 году книга Г. А. Чернова «Туристские походы в Печорские Альпы» выходит четвертым изданием! В прошлом году издана 30-тысячным тиражом карта туристских маршрутов по Северному и Приполярному Уралу. Переиздание этой карты запланировано и на 1975 год. В октябрьском номере журнала «Турист» за прошлый год напечатана туристская карта Уральского Севера, разовый тираж этого журнала превышает 200 тысяч экземпляров.

Значительный рост «посещаемости», несмотря на пожароопасное лето, когда этот район был закрыт, наблюдался и в прошлом году. На Сыне, по которой наша группа поднималась до волока на Вангыр, носящего название «Олений переход», мы встречали семьи, прибывшие за тысячи километров из больших городов, десятки групп.

Здесь мы познакомились с семьей из Москвы:мужем, женой и десятилетним мальчиком. Немолодой мужчина с гордостью показал мешочек сушеных грибов, супруга заставила отведать приготовленного ею варенья, все они наперебой хвалили красоты этих мест. Эта семья жила лагерем в одном месте десять дней. После ухода ее мы не обнаружили ни одной сломанной ветки, ни одного пенечка, кострище было аккуратно заложено дерном. Никаких следов, что тут 10 дней жили люди!

Но. к сожалению, идя вдоль Сыни, мы не раз видели следы стоянок с брошенными кусками полиэтилена, обрывками рыболовных снастей, черные пятна кострищ, пни высотой с человека, ржавеющие консервные банки в чистейшей воде реки. При встречах нас спраши-

вали, как нужно ловить семгу, и удивлялись, узнав, что всякую рыбу на Сыне ловить запрещается.

Туристы на Приполярный Урал отправляются от железнодорожных станций Гычя. Кожим, Косью, Инта, Печора. Отправными пунктами являются также деревни и села Аранец, Усть-Щугор, Подчерем (Троицко-Печорск) и т. д. Общее число туристов, посещающих Приполярный Урал, уже превысило 3.000 человек в год.

В одном только поссовете станции Косью, где ведется регистрация проходящих через эту станцию туристов, с 1 января по 14 августа 1974 года зарегистрировалось 245 человек. Известно, однако, что регистрируются далеко не все группы. Нужно ожидать, что в ближайшие годы число посещающих Приполярный Урал достигнет более десяти тысяч в год.

Большинство маршрутов, как правило, проходят вдоль рек Кожим, Косью, Щугор, Подчерем, Сыня. Этот увеличившийся поток туристов, несомненно, скажется на состоянии окружающей природы, особенно на воспроизводстве рыбы и промысловой фауны. Известно, как трудно сохранить экологическое равновесие в местах массового посещения людьми, тем более в районах, где процессы восстановления замедлены. Поэтому нужно уже сейчас предпринимать какие-то меры по упорядочению туризма.

Большая часть Приполярного Урала входит в территорию планируемого Государственного природного парка. Ученые Коми филиала Академии наук СССР в одной из тетрадей, хранящихся в избе Мезенцева, обратились ко всем туристам с просьбой высказать свои предложения и пожелания по обустройству будущего парка. Ученые беспокоятся за судьбу этих мест. Речь идет об уникальном уголке европейской части СССР, где природа пока сохранила свою первобытность.

Для туристов нужны приюты. Единственная изба Мезенцева с выделенной хозяином «бочкой для продуктов туристам» перегружена, и зимой самому хозяину спать негде. Оправдал себя приют на реке Косью, что находится выше от избы Мезенцева. Оправдала себя и небольшая база на станции Косью. Отличным местом для постройки небольшого дома является район устья р. Юнко Вож (р. Перевальный), что рядом с Манарагой. Здесь сходятся 80 процентов маршрутов туристов.

Надо усилить службу контроля. Все названные реки являются заповедными. На берегах реки Сыни, например, просто необходимо выделить специальные участки под бивуаки, кострища. Тем более это важно, если учитывать, что в нижнем течении реки строится железная дорога Сыня – Усинск. В районе Приполярного Урала много памятников природы. Неплохо бы в местах массового посещения установить щиты, рассказывающие о них, например, на участке «Верхние ворота» на реке Сыня.

Может быть, нужно установить количественную норму отды-

хающих, учитывая «пропускную способность», без вреда для той или иной реки (например, первоочередно для Сыни)и в будущем регламентировать туризм путем специальных путевок. Возможно также, что группы туристов следует допускать на некоторые реки (Сыня, Щугор, Кожим, Косью) только в сопровождении штатного инструктора-проводника и устанавливать сроки посещения каждой из рек.

Необходимо знать на этот счет мнение ученых, любителей природы, туристов, работников охотинспекций, охотников. Зовет Уральский Север людей, покоряет сердца прозрачными водами, синими далями, каменным постоянством веков. И нужно эту его неповторимость сохранить.

Корткерос – Печорский Урал – Корткерос.

А. Смилингис

Красное знамя, 1975, 19 февр.



Растёт новая смена

Клуб юных путешественников «Белка» работает при Корткеросском районном центре дополнительного образования детей. В мае 2016 года ему исполнится 55 лет. Образовавшись в 60-х годах прошлого столетия, клуб создал условия учащимся Корткероса для активного участия в познании родного края. А также проявить и показать себя в выдержке и выносливости в путешествиях по тайге, по горным перевалам Урала, участвовать туристских спортивных соревнованиях, путешествовать по Родине.

Сегодня дела клуба – история. Клуб «Белка» зачинатель школьного туризма, краеведения в районе, республике. Клубом положено начало развития спортивного ориентирования в Коми (первые республиканские соревнования по спортивному ориентированию состоялись в 1961 году в местечке Матекерос, на реке Локчим). Клуб открыл путь в большой спорт шести мастерам спорта из Корткероса и двум чемпионам СССР по спортивному ориентированию. В прошлом столетии ребята из клуба «Белка» с успехом представляли Корткерос, Республику Коми более двадцати Всероссийских и Всесоюзных соревнованиях по туризму, по спортивному ориентированию.

В путешествиях, активно познавая родной край, члены клуба в буквальном смысле слова облазили всю огромную территорию Коми. Побывали в местах, где до них не ступала нога человека. Обнаруженные ими в тайге кедры стали основой для первого ботанического заказника в Республике Коми. А посаженные ими кедры (где теперь расположены дачи) на реке Кияю уже стали плодоносить.

С начала первых походов, соревнований, сменилось шесть поколений школьников. Традиции, заложенные клубом, продолжаются и в новом тысячелетии. В 2012-14 годах юные туристы, молодежь Корткероса продолжили освоение Урала, совершили походы по Полярному Уралу, посетили сердце Приполярного Урала – гору Манарагу, проплыли по рекам Балбанью, Косью, Кажим, побывали на горе легенд – Сабля. Ежегодно команда клуба «Белка» становится победителем республиканских соревнований по спортивному туризму. В 2015 году воспитанники клуба стали призерами региональных соревнований «Школа безопасности» в г. Петрозаводск Республики Карелия. Осенью в с. Корткерос прошли республиканские соревнования по спортивному ориентированию «Осенний Рогейн-2015», где участники использовали новую спортивную карту, предназначенную для соревнований высокого и современного уровня.

Продолжая изучение родного края, в ноябре, при первом снеге ребята совершили поход на реку Кияю, древнее название которой – Киа. Прилегающие боры к реке: Кӧрт яг, Шор яг, озеро Кортовское (Кӧрт ты) хранят тайны прошлого. В исследовательский проект «Метеорит» клуба (по обоснованию и описанию достопримечательностей Корткероса) включены малоизвестные события: определение и исследование местечка Разбой гу (места «укрощения Стефаном Пермским разбойника Кӧрт Айки» в 1386 году), поиск следов бывшей заставы новгородцев, уточнение мест падения метеорита в начале 15 века. Сотни ям, в прилегающих селу борах, разного размера, времени происхождения и назначения, ждут исследователя.

Привлечение и использование туризма, как части экономического потенциала, дает возможность членам клуба «Белка» участвовать в разработках новых туристских маршрутов, быть проводниками познавательного туризма, активного отдыха, пропагандистами исторических и природных достопримечательностей, в познании малой родины: река Локчим, незамерзающая Лымва, легендарная Енью. Гора Потчурк, древние городища Кармыльк и Чудь кар. Природные заповедники Сусъёль и Ляпкыдъёль. Древние рудники Авдеевский и Прохор гора. Места деятельности ГУЛАГа. Памятники истории и Великой Отечественной войны.

По территории района проходили древние торговые водные и сухопутные пути на Каму, на Урал. Один из торговых путей, шедший на Урал от соли Сереговской – р. Енью – р. Пугдым – д. Пасвомын – р. Лымва – Верхняя Вычегда – р. Печора – и далее, использовался новгородскими сборщиками дани.

У путешественников клуба «Белка» имеется опыт, есть перспектива приложить свои умения опыт и знания, сделать наш район привлекательным для жителей села, района, республики, для туристов из регионов России.

А. Смилингис

Звезда, 2015, 27 ноября

«Дотошность не давала пройти мимо...»

(природные богатства и явления)

Знать древнюю историю освоения природных богатств

ЧТО ОЗНАЧАЕТ СЛОВО КОРТКЕРОС! «Корт» по-коми – железо, «керос» –возвышенность. Дословно это переводят «Железная гора» или «Железногорск». О происхождении названия существует легенда, впервые записанная поэтом М. Н. Лебедевым. В давние времена, возможно, в пору Великого Новгорода, в здешних местах поселился пришлый человек. Крутой,заросший вековыми лиственницами берег Вычегды приглянулся пришельцу. Был он темнолицый. Одежду носил железную. Это были доспехи средневекового воина. Железо слушалось и подчинялось ему. Он был неплохим кузнецом. Он поставил избу и обшил ее железом. Потом он из железа выковал цепь и ею перегородил реку Вычегду. Легенда гласит, что в те времена по Вычегде проходил торговый путь на Восток, а по реке ходили торговые суда. Железная цепь у горы преграждала путь судам, и им приходилось останавливаться. Тогда появился огромный, страшный, чернобородый, одетый в железо человек и зычным голосом требовал уплатить ему дань. Тех, кто выкуп ему не платил, великан топил в быстрых водах реки, а товары забирал себе. В те времена на берегах Вычегды уже жили люди и назвали пришельца Корт Айкой, т. е. «Железным дедом», «Железным свекром».

Со временем вокруг Корт Айки образовалась группа пришельцев, помогавших ему грабить торговые суда. Корт Айка начинает притеснять и местное население. Облагает деревни и починки данью, уводит в свои владения лучших девушек, а то и просто совершает грабительские набеги. У людей кончается терпение и, однажды, собравшись вместе, они нападают на него. В бою Корт Айка погибает. Место, где, якобы, стояла изба Корт Айки, люди стали называть Кортягом (железным лесом). Протоку Вычегды, по которой промышлял разбойник, начали называть Корт висом (железной протокой). Имеется и Кортты (железное озеро): место, где

состоялся бой и были перебиты разбойники, люди называют Разбой гу (ямами боя). А возвышенность, находящуюся рядом с железным лесом, назвали Корткерос.

Всзможно, легенда отражает одну из попыток русского правительства в XV в. начать в Коми крае разработку медных «серебряных руд, об этом упоминает и Н. М. Кармазин в своей «Истории государства Российского».

Гидроним Кортты (железное озеро) встречается уже в жалованной грамоте 1486 г. Позднее, в материалах переписи 1646 г. упоминается деревня «Кортовская на усть курьи». Большое скопление шлаков и слитков металлов в разных частях Угдымского поселения, обнаруженных при раскопках археологом К. С. Королевым, свидетельствуют о металлургическом производстве и металлообработке.

Ждут до сих пор своей разгадки ямы, явно искусственного происхождения, со следами отвалов в сосновых борах Кортяга, на краю болота по старой Додзьской дороге, получившие название Чудь гу (чудские могилы).

На реке Локчим издавна имеются свои рудники: «Алексеевский» в трех километрах южнее с. Лопыдино на левом склоне долины реки Лопью, рудник «Колесово» в трех километрах севернее с. Мордино, рудники «Прохор-гора», «Большая Керка», «Чимьяшорский», «Позты-керосский», «Коншинсюий» и другие. Все они находятся недалеко от населенных пунктов. От Позтыкероса до Лопыдино более пятидесяти километров напрямик. Это говорит, что мы имеем дело с большими полями легкоплавких железных руд, из которых люди умели выплавлять железо с помощью древесного угля тысячелетия тому назад.

На один из этих рудников «Колесово» нами была в 1983 г. организована: самодеятельная экспедиция корткеросского Дома пионеров и школьников. Место показал пенсионер, бывший председатель Мординского сальского совета К. С. Шевелев. Нам встретились хорошо заметные траншеи и ямы времен деятельности Нювчимского завода. Рядом с ними мы увидали другую траншею, плохо сохранившуюся, намного старше остальных разработок, но также промышленных масштабов.

Участник нашей экспедиции уральский геолог-поисковик А Воласняков. объяснил это просто: «Это чудские копи, у нас на Урале такие тоже встречаются». Во время экспедиции удалось обследовать довольно большую площадь. В полутора километрах северозападнее рудника «Колесово» встретились копи по своим масштабам превосходящие разработки рудника «Колесово». Рядом с ямами встречались заброшенные пустыри-лужайки, вероятно, места, где находились постройки или жилье рудокопов.

Даже из отрывочных сведений, собранных во время экспеди-

ции, заметно, что рудные проявления и места их добычи охватывают значительную территорию бассейнов рек Сысолы, Локчима, левобережья средней и нижней Вычегды.

Публикации К. С. Королева в газетах «Красное знамя» (1987,7 сент.) и «Звезда» (1983,11 окт., 1988,4 окт.) находят подтверждение и в древних коми названиях. Все металлы (золото, серебро, медь, железо) имеют у коми собственные названия. Кроме того, по сведениям «Горного журнала» (1898. № 11. С. 264—273) у коми была разработанная терминология добычи руд. «Се— руга» обозначает «пустая порода», «Орт» — «штрек» и т. п. В конце XIX в. газета «Вологодские губернские ведомости» отмечала, что признаки присутствия меди в колчеданах и серебра встречаются по берегам рек в верховьях Вычегды (1885, 12 апр.).

По публикациям газеты «Югыд туй» (1987, 26 нояб.) известно, что в 1926 – 1932 гг. один из первых ученых геологов И. Е. Худяев, исследуя Сысолу и Локчим, обнаружил многочисленные проявления железных руд и изучил их состав.

До Великой Отечественной войны в верховьях реки Локчим, на базе одного из месторождений работал завод охристых красок. Готовая продукция, как вспоминает жительница пос. Мордино Ф. И. Шевелева, сплавлялась на плотах по реке Локчим.

Необходимо возродить внимание к поискам и добыче полезных ископаемых на территории района. Этого же мнения придерживается чл.-корр, АН СССР, доктор геолого-минералогических наук Н. П. Юшкин: «Когда-то эти места были важными минерально-сырьевыми источниками русского государства. Урал еще не был доступен, а север давал устойчиво и железо, и соль, и серебро, и самоцветный камень. Освоение богатств Урала погубило северные горные промыслы, но теперь есть все основания для возрождения былой рудной славы южных районов республики». («Красное знамя». 1987, 5 мая).

Наверное, с этим согласятся не только геологи, но и историки.

А. Смилингис

Вестник культуры Коми ССР, 1991, № 4

Из прошлого горно-рудных промыслов на территории Корткеросского района

В XV-XVI вв. в бассейнах рек Сысолы и Вычегды уже существовал крестьянский железоделательный промысел [1]. Поэтому, когда на Нювчиме купцы Великого Устюга завели плавильню, железные руды были известны и частично выработаны [2]. Древние рудокопы вели проходку по всем правилам горного искусства и пользовались собственной терминологией. Например, серуга – по коми обозначает пустую породу, орт-штрек и т.д. [3]. Древние рудокопы верили в земляные духи – Мукуль. Доказательства бытия подземных духов они видели в разного рода окаменелостях, находимых в рудниках.

Все металлы – золото, серебро, медь, железо, на языке коми имеют свои собственные названия, притом исконно древние. Гидроним Кэртты (железное озеро) встречается с 1486 г. Позднее в материалах переписи 1646 г. упоминается древняя Кортовская [4] – нынешний Корткерос. Совпадение в названиях Карт (железо) не случайное. В окрестных борах сохранились сотни ям с хорошо заметными следами отвалов.

Это говорит о том, что история добычи полезных ископаемых на территории Корткеросского района уходит в глубь веков. На реке Угдым открыт метал-лургический комплекс, датируемый VII-VIII вв. н.э. со сравнительно высоким уровнем железоделательного производства. Подобные металлургические комплексы археологами открыты в Северной Руси у коми-пермяков на Прикамье [5]. На руднике Колесово, что у села Мордино, сохранились следы горных разработок Нювчимского чугунолитейного завода. Рядом видны траншеи древних горных выработок. Железорудные проявления, места их добычи охватывают территорию междуречья Сысола-Локчим. Только в бассейне р. Локчим, расстояние по прямой между рудниками Авдеевским (с. Лопыдино), Прохор-горой, Кетью, Коншинским, Позтыкеросским на реке Лемью имеет протяжение более 80 километров. Рудоносный бассейн простирается за пределы района. По современным геологическим данным общая рудоносная площадь железорудного бассейна около 1500 км^2 [6]. Руды бассейна представлены двумя типами: сферосидеритовыми, которые преобладают и болотными. Содержание железа в первых 28-35 %, в болотных 35-45 %. Оба типа руд залегают гнездами неглубоко от поверхности земли (2-3 сажени) [8]. Насчитывается более 80 разведанных рудников, разбросанных на 30 верст вокруг Нювчимского завода. Разрабатываются из них ближайшие три [9].

Более ста лет известно месторождение охры в верховьях р. Локчим. В прошлом добытая охра местным населением сплавлялась на плотах до г. Архангельска. Локчимская краска использовалась и для местных нужд. После пожара 1911 г., когда сгорело село Корткерос, для восстановительных работ было добыто около трех пудов местной краски [8].

Попытки промышленной добычи минеральных красок на Локчиме предпринимались Локчимлагом в 1939 г. Намечалось строительство завода и было завезено около трех тысяч бочек тары. После ликвидации Локчимлага Коркеросский райисполком добычу охры возложил на местпром. В 1943 г. году началось строительство завода, одновременно заготавливалось сырье. До конца года планировалось добыть 65 тонн грунта с содержанием охры 70-75 % [8].

Исследования образцов Локчимского месторождения, проведенные в 1966 г. в Институте геологии КНЦ УрО РАН В.В.Хлыбовым показали, что они могут быть рекомендованы для соответствующих испытаний с целью использования их в качестве красящего пигмента для производства охры классов В и А.Население при необходимости использовало краску для своих нужд. В деревнях верхнего Локчима можно увидеть полы, окрашенные местной охрой.

В 1926-1932 гг. геологические исследования в междуречье Сысола-Локчим проводили первый коми геолог И.Е.Худяев. Кроме железных руд он обнаружил фосфориты, мергель, серный колчедан, горючие битуминозные сланцы [9].

В периодической печати и у местного населения накопилось большое количество сведений о полезных ископаемых района. В статье «Минеральные богатства Вологодской губернии», газета «Вологодские губернские ведомости» №14 от 12.04.1885 г. писала... «медь не разрабатывается вовсе, но признаки ее присутствия в колчеданах многих рек. Нам даже удалось увидеть ашперит (кристаллическая медная руда зеленого цвета), найденный будто бы в верховьях Вишеры, впадающей 90 верстах выше Усть-Сысольска в Вычегду. Признаки серебра были отысканы еще горным инженером Трапезниковым на Вишере и Вычегде лет пятнадцать назад. У зырян, жителей той стороны, есть много серебрянных вещей местного происхождения».

Косвенное подтверждение находим в легенде, записанной на Вишере: «О немце» из С. Петербурга нанявшем Богородских мужиков копать руду в районе левого притока Вишеры – Ляпкидель. Через некоторое время «немец» приказал все зарыть, выдал мужикам по рублю денег и велел молчать: «Иначе вашу тайгу вырубят, построят заводы и всех вас загонят туда работать, а мне придется сгнить в этой дыре». Похоже об этом пишет Бессонов [9]. Он же упоминает и о пиритах [10]. Пириты на Вишере встречаются во многих местах: устье р. Еню, порог Бияиз кось, порог Ляпкыделькось и др.

О находках самородков золота на Вишере сообщала газета

«Зырянская жизнь» [10]. Золото известно на притоках Нившеры: Потью, Очью, в так называемой Очпарме. Журнал «Вокруг света» №2 в 1958 году писал о находке алмаза на Вычегодской Вишере. Имеются сведения о находках каменного угля на Локчиме [10], на Вишере [11]. В свое время образцы каменного угля местные жители доставали со дна озера у села Подъельск. На Лопью (приток Нившеры) сохранились следы разработок известняка монахами Ульяновского монастыря. На Локчиме у деревни Лопыдино белую глину используют для побелки печек.

Таких примеров множество. Необходимо возродить интерес к истории поисков и добычи полезных ископаемых через геологические походы молодежи. Многие геологи своей профессиональный путь начали именно с них. У нас мало популярной геологической литературы.

Первый шаг по этому направлению сделали геологи Института геологии Коми НЦ УрО РАН: Е.П.Калинин, В.А.Илларионов, В.В.Лихачев, Б.А.Пименов, Ю.В.Жуков, И.Н.Бурцев. В небольшом труде Теология и минеральные ресурсы Корткеросского района Республики Коми» 1996 г. приведены последние данные по геологии и минерально-сырьевым ресурсам, систематизированы сведения по месторождениям металлических и неметаллических полезных ископаемых и подземных вод. Дан обзор геологического строения района. Показаны перспективы нефтеносности, золотоносности, возможности открытия алмазов.

Академик Н.П.Юшкин считает, что теперь есть все возможности и основания для возрождения былой славы южных районов Республики Коми.

Вопрос добычи и использования полезных ископаемых юга Коми, в том числе и Корткеросского района, становится актуальным в связи с началом строительства транспортных путей на Урал и Белое море.

ЛИТЕРАТУРА

– Рекемчук А. // Новый мир. – № 1.– С. 77.

– Захаров В. Железно-рудные месторождения Нючпасского завода и способы их разведки // Горный журнал. – 1989 – № 5.

– Плосков И. // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 1996, – № 4, – С. 74.

– Документы по истории Коми края // Писцевая и переписные книги Яренского уезда 17 в. – Сыктывкар, 1985 – С. 190.

– Королев К. Загадки Угдыма // Родники пармы.– Сыктывкар, 1996. – С. 18.

– Мацук А., Юшкин Н. Древние горнорудные промыслы юга Коми АССР – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1986.

– Хименков В. Железные руды в бассейне р. Сысолы, Усть-Сысольского уезда // Рудный вестник.– 1916, – Т. 1,– №2.

– Панюков А. Добывали по Лэкчиму и Лемью охру. Корткерос // Звезда 06.02.1997.

– Калинин Е. Озырлуныс эм и лунвылын // Югыд туй 26.11.1987.
– Бессонов. Путешествие на реку Ухту и к ее нефтяным источникам – СПб, 1908 – С. 50, 44
– О находке самородков золота на Вишере // Зырянская жизнь, – Усть-Сысольск, 20.07 и 4.12.1918– № 3, № 40.

А. Смилингис
Геология и минеральные ресурсы Европейского Севера Востока России. – Сыктывкар, 1999. – Т. 4. – С. 279.

Каменный уголь на Локчиме

О каменном угле на реке Локчим еще в 1908 году писал Бессон в своей книге «Поездка по Вологодской губернии к нефтяным её источникам на реку Ухту» (Санкт-Петербург, 1908 г.).

На 58-й странице этой книги пишется: «...Пока мы стояли в Усть-Сысольске, лесной ревизор Ф. А. Лабурцев принес на пароход образцы каменного угля, по-видимому очень хорошего качества, и дал сведения о его местонахождении; этот уголь выходит на крутом подмытом берегу притока Вычегды с левого берега реки Локчима, в верстах 100 от Усть-Сысольска к ЮВ и верстах 30 от деревни Луападино (Лопыдино. Прим. автора) на Локчиме. Пласт угля имеет толщину около аршина и залегает не очень глубоко от поверхности земли, но далеко ли он идет, один ли он или есть другие пласты глубже его, идет ли этот пласт параллельно поверхности или уходит вглубь, ничего этого не исследовано, и никому не известно».

В свое время, путешествуя по Локчиму, мы искали упоминаемый Бессоном крутой подмытый берег. Похоже, он находится в 6.5 километрах ниже бывшего населенного пункта Теплогорка. Здесь Локчим как бы входит в «трубу» и течет между высоких крутых берегов. Левый берег очень крутой, высокий – до 40 метров и выше, обрывистый. У самой воды в галечнике встречаются обломки известняка, пиритов..., но образцов каменного угля нам не удавалось встретить.

В эти же годы Трубачев, работавший тогда директором Подъельской восьмилетней школы, мне рассказывал: «Озеро рядом с селом в прошлом было очень глубоким. Никто из купающихся, ныряя, не мог достать дна. После Первой мировой войны в Подъельске проживал молодой военнопленный немец, он хорошо плавал и нырял. Однажды он нырнул в самом глубоком месте озера, достал дно, и в подтверждение этому со дна поднял камень, который оказался каменным углем».

В сентябре 2000 года наш экспедиционный отряд школьни-

ков, следуя по старой дороге из Емельстана на Веж (бывшие спецпоселки сосланных кулаков), остановился передохнуть там, где дорога вплотную подходит к Локчиму. С. Н. Коюшев вместе с ребятами спустился с горы, высота которой здесь около 20 метров, к речке. У самой воды на промоине крутого берега Станислав Николаевич увидел камни. На собранных нами образцах хорошо заметны кольца годичных слоев. Заметны и вкрапленные зерна пирита. Брошенный в костер образец горит, испуская характерный запах серы.

Несколько образцов, один из которых – обломок с золотистой «розой» пирита, участником нашей экспедиции журналистом В. И. Демидовым были переданы директору Института геологии Коми НЦ УРО РАН академику Н. П. Юшкину.

Это третья находка образцов каменных углей в Корткеросском районе.

ЛИТЕРАТУРА

Демидов В. И. Дереву 200 миллионов лет // Красное Знамя, 2001, 24 янв.

СмилингисА А. Находка//Звезда, 2000, 16 сент.

А.Смилингис

Южные районы Республики Коми: геология, минеральные ресурсы, проблемы освоения.– Сыктывкар, 2002. – С. 259-260.

Заказник «СУСЪЁЛЬ ЛОКЧИМСКИЙ»

Находится в Корткеросском районе, на правом берегу долины реки Локчим, между его притоками Нидзь и Пианько. На заказнике господствуют ельники черничнозеленомошных и елово-сосновых кустарниково-сфагновых насаждений. Примесь кедра составляет до 30%. Максимальная высота – до 26 метров, максимальный диаметр – 80 см. Плодоносит. Количество кедрового прироста местами достигает 400-1200 шт. на один гектар. Высота подроста колеблется от 0,25 м до 3,2 м. Возраст 3-60 лет.

Массив лесов, входящих в заказник, ценен также как эталон девственного (коренного) типа лесов «ровняди» на Европейском Севере.

Участок представляет самое юго-западное островное место обитание «дикого» кедра в Европейской части страны.

Площадь заказника 2013 га. Заказник образован согласно Постановлению Совета Министров Коми АССР № 127 от 27 марта 1964 г.

Республика Коми является одним из немногих регионов Европейского континента, где Сосна сибирская (кедр) произрастает в границах естественного ареала. Ученые считают, что кедр на территории республики является реликтом доледникового периода. Предполага-

ют, что бассейны Вычегды и Средней Печоры являлись областью выживания для кедра в периоды оледенений и морских трангресий. На территории Республики Коми прежде кедр имел более широкое распространение. Однако в результате деятельности человека, пожаров в ряде районов он исчез. Современные границы распространения кедра в республике не являются уже климатическими, и они, сложившиеся под влиянием исторического и антропогенного факторов, проходят на западе вдоль реки Печоры. Например, из отчетов комиссии по исследованию Печорского края известно, что сборы кедровых орехов в Коми крае в отдельные годы достигали до 1500 пудов (24 тонны), часть орехов вывозилась через Архангельск в Норвегию.

Сегодня заказник «Сусъёль Локчимский» является островом разорванного естественного ареала кедра, существовавшего примерно 300 лет тому назад. Ученые в заказнике не обнаружили следов пожаров за последние 300 лет. Тайга здесь первобытная, как она была 300-500 лет тому назад. Благодаря этому здесь имеется возможность изучать происходящие в природе процессы и прогнозировать их на будущее.

Кедр легко переносит морозы до 35 градусов. Это порода резко-континентального климата. Особенно медленно кедр растет в первые десять лет. С 15-20-летнего возраста энергия кедра увеличивается. Наибольший прирост по высоте и объему наблюдается в промежутке от 50-100 лет. Кедр не прекращает роста и в 250-летнем возрасте. Это одна из самых долговечных пород на территории России. В древостое кедр начинает плодоносить с 50-летнего, а выращенным на свободе – с 25-летнего возраста. Плодоношение продолжается до 250-300 лет. Цветет кедр в июне – в начале июля. Созревание орехов происходит через 15-16 месяцев после опыления.

Кедровые орехи обладают высокими вкусовыми качествами, очень питательны, содержат большое количество легкоусваиваемых жиров, белков, крахмала, и, конечно, витаминов. Настойку ядер кедровых орехов на легком вине применяют как «общеочищающее» средство. Настойку на спирту применяют при лечении суставного ревматизма, подагре, артритах. Несомненную ценность представляют имеющиеся в ядрах кедровых орехов витамины В, М, Ф, кедровые орехи с успехом применяются в лечении атеросклероза. Употребление орехов кедра имеют профилактическое значение в предупреждении и лечении сердечно-сосудистых заболеваний.

Древесина кедра имеет красную текстуру, легко подается резанию и полировке. Устойчива против гниения. Считается, что запах кедровой смолы, древесины благоприятно отражается на здоровье людей. В сундуках из кедровых досок не заводится моль.

Коми издавна знали полезные свойства кедра, ценили его. Поэтому во многих населенных пунктах района: в Нившере, Троицке, Керосе, Нёбдине, Бояркеросе, Лопыдине и др. можно увидеть их. Молод-

няк посадок в последние годы появился и в селе Корткерос. В ряде мест лесхозами района проводились плановые посадки и посевы кедра.

А. Смилингис

Особо охраняемые природные территории Корткеросского района (заказники, памятники природы) Республики Коми. – Корткерос, 1996. – Вып. 2. – С. 6-7.

Памятник природы

В одном из походов в 1992 году краеведы Сторожевского дома пионеров и школьников вместе со своим руководителем Л.Н. Королевой вышли на место, где росло много лиственных деревьев. Рядом, на берегу озера Ягувты стояла изба ныне покойного рыбака, участника Великой Отечественной войны Анатолия Сергеевича Латкина. Его в эти места еще мальчишкой привел отец, участник первой мировой войны, кавалер трех Георгиевских крестов С.О. Латкин.

Место оказалось настолько необыкновенным, что в том же году по инициативе председателя Корткеросского районного комитета по охране природы С.Н. Коюшева, постановлением Корткеросской районной администрации от 20 октября 1992 года 286 «... в целях сохранения островного ареала лиственницы Сукачева, на площади 70 гектаров образован памятник природы «Ниа Сён».

Ниа в переводе на русский язык означает – лиственница. Сён, согласно Краткому этимологическому словарю коми языка, – слово общепермское и обозначает ложбину, лощину, залив в долине реки.

Памятник природы находится на левом берегу реки Вычегда, в четырех километрах от села Сторожевск, напротив и примерно за 600 метров до впадения в Вычегду крупного ее притока – Вишеры.

В наше время в заказнике более 300 лиственничных деревьев, возраст которых составляет 200-300 лет. Множество обросших мхом громадных пней. Некоторые пни лиственниц достигают в диаметре метр и более. На втором ярусе – хвойные елово-сосновые насаждения... Это позволяет предполагать, что когда-то здесь была единая лиственничная роща, остатки которой сохранились до наших дней.

Аналогичные лиственничные рощи были и в других местах. Например, житель села Нёбдино, бывший председатель сельского Совета Н.Д. Вавилов вспоминает рощу из лиственниц в родном селе, которая была вырублена в годы Великой Отечественной войны.

В начале прошлого столетия сплошной лиственничный лес рос по

берегам речки Кияю в районе нынешнего моста. Деревья вырубили и вывезли на санях в город Усть-Сысольск, далее – на баржах по воде до города Архангельска.

Остатки рощи из лиственниц видны на берегу реки Вымь напротив села Серегово. Чистая лиственничная роща сохранилась на левом берегу реки Ижма в конце деревни Мошъюга.

На территории гаражей СПК «Корткерос-1» (бывший совхоз «Корткеросский») находятся остатки церкви во имя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, построенной в 1795 году из бревен вековых лиственниц.

Известно, что язычники коми поклонялись камню, дереву, идолам, имели свои священные места, где горел огонь, стояли деревянные боги, к которым приносили дары и жертвы. Они, как правило, находились в рощах, которые считались святыми.

Возможно, что одной из таких святынь и была территория нынешнего заказника «Ниа Сён», находящегося между устьем Вишеры и Шойнатынским археологическим комплексом, где в течение четверти века проводились раскопки под руководством археолога К.С. Королева. Здесь найдены остатки стоянок эпохи мезолита, поселения эпохи неолита, бронзы, раннего железа, раннего и позднего средневековья, открыт и исследован первый на Европейском Северо-Востоке могильник раннего железа Джуджыдъяг, единственные в долине Вычегды могильники ванвиздинскойкультуры Шойнаты-I (VII-VIII вв.н.э.), и первые в восточной части Вычегодского края могильники перми вычегодской – предков коми-зырян (XI-XII вв). Получается, что в течение почти 7000 лет в этих местах почти беспрерывно проживали люди.

Знаменитое изображение календаря на металлическом диске, относящееся к концу 1-ого тысячелетия, также было найдено напротив устья Вишеры, на территории памятника природы «Ниа-Сён».

Вышесказанное обязывает нас очень бережно относиться к данной местности. В будущем здесь вполне возможны и другие уникальные открытия.

А. Смилингис

Звезда, 2002, 7 декабря

Возродим былое богатство

На территории Корткеросского района более 20 малых рек: Очью, Лолью, Ентью, Моръю, Вуктыль, Чедью, Маджа, Нидзь, Соль, Лымва, Певк, Угдым, Небъю и другие. Если сложить их в длину, то получится более 1500 километров. Каждая из них неповторима, имеет свое лицо, свою историю.

Река Лымва отличается прозрачностью вод и зимой не замерзает, Соль – полугорным характером своего течения. Соль получила свое название от ключей с соленой водой где-то в ее верховьях. Угдым известен своими ямами. На притоке Пианько-Сусель произрастают кедры. На Очью когда-то находили золото, а на притоке Вишеры Зулэбъю, как официально сообщалось в газете «Зырянская жизнь», нашли три самородка золота. Нидзь упоминается в древних летописях как боровая речка. Вдоль Небъю проходил древний торговый путь ижемских оленеводов на Вычегду…

Издавна на берегах малых рек селились люди. На них в давние времена было безопаснее, чем на большой Вычегде, по которой следовали вооруженные ватаги. Малые реки тогда были единственными путями сообщения. Людей они привлекали рыбными богатствами и своими промысловыми угодьями. На берегах возникли поселения. Люди обрабатывали землю, держали скот, искали и добывали полезные ископаемые.



В прошлом веке интенсивно заготавливали древесину. Сплав леса повлиял на состояние рыбных запасов малых рек. До сих пор говорят, что вместе со сплавом ушла и рыба. Леса вдоль таких рек к середине прошлого столетия оказались вырубленными. Ушла дичь. Исчезли токовища. Резко понизился уровень грунтовых вод. Бурными стали весенние половодья. К шестидесятым годам большинство населенных пунктов, возникших в начале прошлого века, исчезли. Были заброшены тысячи гектаров сенокосов, пашен, тяжелым трудом отвоеванные у тайги тогдашними жителями. Например, только в одном поселке Шудог, стоявшем ка реке Небъю, до Великой Отечественной войны содержалось более 500 голов крупного рогатого скота. В бывшем спецпоселке Емельстан к началу войны местные земли, благодаря председателю колхоза Шабарину, оказались освоенным так, что люди, в отличие от остальных поселков, в годы войны голода не испытывали. Сегодня эти земли опять зарастают лесом. К концу прошлого столетия исчезли более 20 населенных пунктов, стоявших на малых реках.

Последней в этом списке стоит деревня Лымва на одноименной реке. Красота окрестных мест, где стояла деревня, сегодня поражает каждого пришедшего сюда. В республике, кроме Урала, мало осталось таких уголков.

В новом столетии значимость малых рек несомненно будет возрастать. Во-первых, они – источники чистой воды. Во-вторых, это отличная база для хозяйственного освоения. Из полутора тысяч километров малых рек района половина их пойменной части, как минимум, сегодня пригодна для вовлечения в хозяйственный оборот.

Два и более десятилетий отделяют реки от того времени, когда по ним сплавляли лес. Теперь туда стала возвращаться рыба. Местами появились бобры. Больше стало водоплавающей дичи. Возросло поголовье лосей...

Сегодня пахотные земли бывших спецпоселков Сапыч, Емельстан, Веж, Шудог, Горка ждут хозяина. В бывшем спецпоселке Расъю до Великой Отечественной войны проживало более двух тысяч жителей, и земля кормила их.

На малых реках Маджа, Кияю, Веж, Нам, Собью, Небъю и других сохранились следы бывших мельничных плотин. Сегодня вряд ли оправдано строительство там мельниц, но восстановление бывших мельничных прудов для рыбовоспроизводства, рыбоводческого хозяйства оправдалось бы.

Например, на реке Кияю, недалеко от Корткероса, сохранились валы насыпи от мельничной плотины. Где-то лежит и проектная документация, составленная около двадцати лет тому назад. Была задумка будущий водоем использовать для разведения рыбы.

Хотелось бы, чтоб на малые реки обратили внимание деловые

люди. Сегодня же многие из них вкладывают деньги в торговлю, лесозаготовку. Освоение малых рек района подняло бы на более высокую ступень культуры пользование природными ресурсами района, создало новые рабочие места, способствовало улучшению экономики района.

А. Смилингис

Всероссийскому обществу охраны природы – 80 лет: сборник – Сыктывкар, 2005. – С. 102-103.

Каменистая Кияю

На территории Корткеросского района десятки малых рек. У всех своя история, своё лицо.

Река Кияю (Кия), левый приток Вычегды, берёт начало от слияния двух речек, вытекающих из восточной и западной окраин болота Киянюр. Длина реки – 48 км. В 30 километрах от истока Кияю пересекает село Корткерос. От села до впадения в Вычегду (напротив д. Куръядор) остаётся 18 км.

В переписи 1646 года упоминается деревня Кия на реке Кие, в ней «... семейка Фёдоровых, дети Казаковы...». «А на реке Вычегде у усть курьи – деревня Кортовская». Расстояние между деревнями немногим больше километра. По воде же – более 30-ти. Со временем деревни обживались, дав начало селу Корткерос.

Жители Корткероса издавна обживали «удобные места на реке. Выжигали пасеки, корчевали луга. В первой половине XIX века в восьми километрах выше села работала мельница, принадлежащая Потаповым. Ниже, на возвышенности долины, стояла вторая мельница Изъюровых. Сохранились дорога Мельнича туй, остатки дамбы мельничного пруда, остатки дороги Матвей туй со следами мощения, ведущей за бывший починок Кия лесозаготовительной компании «Русголанлес» (12 км). Заготовку древесины вели жители сёл Корткерос и Додзь. После 1930 года получил статус спецпосёлка и в нём проживали крестьяне, высланные из Краснодарского края и Сталинградской области. С 1937 года посёлок стал называться Второй участок лесного лагеря Локчимлага НКВД. Были построены автолежнёвые дороги, деревянные узкоколейки. По Кияю сплавляли древесину.

После закрытия лагеря, вплоть до 1964 года, Второй участок назывался посёлком лесозаготовителей. Леса вокруг Кияю были вырублены. Но деятельность людей не остановилось. На месте бывшего лагерного хозяйства возникли дачи жителей Корткероса. Рядом в 1961 году учащиеся Корткеросской средней школы под руководством лесничего Ф. Коданёва заложили кедровый заказник, существующий и поныне. Другой дачный участок жителей села возник ниже бывшей мельницы. По инициативе районного комитета по охране природы была проложена экологическая тропа, охватывающая природные

комплексы долины и прибрежной поймы реки. Традицией стали ежегодные соревнования – ралли на надувных лодках по Кияю от бывшего посёлка Второй участок до Корткероса.

Ниже Корткероса Кияю протекает вдоль знаменитого соснового бора Кӧртъяг, через Верхнее и Нижнее озеро Кияты. Эти места полюбили грибники, любители рыбалки, отдыха. Летом здесь многолюдно. Корткерос – единственный районный центр Республики Коми, который может гордиться, что рядом с селом сохранился такой прекрасный бор – беломошник. У него интересное прошлое, много тайн, загадок.

До начала XX века здесь стояли вековые лиственичные рощи. Они были вырублены с началом нового столетия. Брёвна на санях увозили в город Усть-Сысольск, где их погружали на баржи для отправки в дальние страны.

Во дворе СПК «Корткерос-1» стоит гараж из лиственичных брёвен разобранной в тридцатые годы Корткеросской церкви. Она была построена в 1795 году во имя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Брёвна для церкви заготовили в Кӧртъяге. Сегодня здесь лиственница не произрастает. Но если побродить по беломошникам бора, среди сотен сохранившихся углежогских ям можно обнаружить и обгоревший остаток лиственничного пня.

Среди загадок Кияю – клады в Кӧртъяге, на притоке Кияю – Данькераншоре. Пишу, что до революции в селе имелась своя профессия – кладоискатель.

На территории Кӧртъяга, в его окрестностях, вдоль левого притока Кияю – Ыджыдъёль разбросаны стоянки древних людей (Чудь-гу). На одной, у озера Кияты, в 1999 году учащимися обнаружены кремневые наконечники стрел, кремневые резцы. Их возраст достигает трёх тысяч лет. Чудские ямы, отдельно стоящие курганы этих мест позволяют утверждать, что люди здесь жили задолго до летописных времён.

Косвенное подтверждение этому название реки Кияю. Топонимист А. И. Туркин, объясняя происхождение слова Кия (до 1918 года река имела название Кия) пишет: «... в нём сохранилось древнекоми слово ки со значением «камень», киа – «каменистый» и ю – «река». Кияю – «каменистая река». Слово ки очень древнее и имеет параллели во всех финно-угорских языках. Известные учёные В.И.Лыткин, С.С.Гуляев дополняют понятие слова «изки» – «мельничный камень», то есть жернов. Кстати, в нижнем течении Кияю, по рассказам людей, дно реки местами состоит из сплошного камня. На топографической карте 1933 года (масштаб 1:10000) рядом с устье Кияю есть местечко, которое называется Изнӧрыс, что означает «каменистая возвышенность, холм». Возможно, на Кияю в давние времена добывали камень для жерновов (изки), давшего название реке.

А. Смилингис

Звезда, 2004, 30 ноября

Река Лымва

Лымва, река пятого разряда, впадает в Нившеру слева, напротив села Нившера. Длина Лымвы достигает 120 километров. Лымва берет начало из так называемого «Большого ключа». По рассказам бывалых людей, «Большой ключ» находится на увлажненном месте, имеет диаметр около 5 метров, из которого выливается наружу сильно бурлящая вода. Рядом имеются еще ключи, вода которых небольшими ручейками стекает в Лымву. Самый крупный приток Лымвы – река Седью впадает слева, ее верхнем течении. Лымва в основном питается за счет подводных ключей, которых много в верхнем течении. Из-за ключей вода в реке холодная и летом не прогревается более 12°. Этим можно объяснить, что начиная от местечка Сидор, что 98 км от устья и почти до самой деревни Лымва (единственный населенный пункт на реке), зимой Лымва не замерзает. Скорость течения 0.3-0.6 м/сек. Лымва – типично таежная река с плавными плесами и небольшими перекатами. Дно реки в основном песчаное.

В годы, когда по реке шел сплав древесины, при планировании нижних складов в реку бульдозерами было сброшено значительное количество песка, которыми были заполнены речные ямы. В настоящее время идет процесс самоочищения реки и в верхнем течении ямы очистились от песка. Этот процесс длительный, так как длина сброшенного песчаного шелфа тянется по реке более 50 километров.



В Верхнем течении местами встречаются небольшие участки самородных лугов. Сенокосные луга находятся на нижнем течении реки. Выше деревни Лымвы луга более-менее равномерно тянутся на 8-10 километров. В окрестностях деревни Лымвы с ее уникальным ландшафтом речной долины расположены луга с богатым разнотравьем.

Естественно, что сравнительно теплые ключи, частичная заболоченность речной поймы, незамерзающий сток воды зимой, образуют местный микроклимат, по-видимому благоприятствующий произрастанию редких растений.

В пойме реки Лымвы обнаружен ряд редких растений, занесенных в Красную книгу РФ.

Ятрышник Фукса (местечко Сидор), местами сплошные заросли этого растения достигают 300 кв. м.

Пион тонколистый или Марьин корень (по-коми Марья Вуж, Сипертас, Марья моль) встречается небольшими группами в пяти километрах ниже деревни Лымва, на протяжении 12 километров. Сплошных зарослей не образует. В шести километрах выше деревни встречается небольшими зарослями на протяжении двух километров по обоим берегам реки.

Дремлик пурпурный. Единственное местонахождение этого редкого для Корткеросского района растения, из семейства орхидных, обнаружено на южном склоне обнажения мергелей правого берега реки, в 300 метрах ниже деревни Лымва. На площади 60 кв. метров растут более 90 экземпляров редкого растения.

Кукушник комариный. Встречается нечасто, почти на всем протяжении верхнего и среднего течения реки.

Учитывая, что в Лымву заходит на нерест семга, что в пойме реки произрастают виды редких растений, уникальный ландшафт долины в районе деревни Лымва, Корткеросский районный исполнительный комитет своим решением № 17 от 24 января 1979 года объявил реку Лымва – рекой заповедной.

А. Смилингис

Особо охраняемые природные территории Корткеросского района (заказники, памятники природы) Республики Коми. – Корткерос, 1996. – Вып. 2. – С. 15 – 17.

Вишера: из прошлого в будущее: экспедиции

Вишера – это не просто река длиной 247 километров. Это удивительно интересный и пока еще целостный мир, это своеобразная хозяйственная и культурная среда, это, наконец, – экосистема, которая испытывают мощное давление проблем земных и космических...

Она, как и все наши реки, по-своему красива. И о ней пока еще говорят: стоит однажды выпить из Вишеры пригоршни воды – и она будет звать тебя издалека, и ты не однажды вернешься к ней. Мы в этом смысле – не исключение. Впервые побывав здесь в 1969-м, осмыслив итоги поездки, вернулись сюда в 1998 году и планируем продолжить комплексные исследования осенью этого года.

Из всего круга вопросов, которые нас интересовали, я останавливаюсь на двух, остро взаимосвязанных.

Поставил охотник избушку...

До истоков Вишеры – рукой подать от Северной железной дороги. Протекая поначалу вдоль Синдорского озера, она собирает воды, вбирает в себя манившую нас Енъю – Божью реку и в среднем течении, вплоть до устья Пугдыма обретает типично полуторный характер. Местами она вскрывает горные породы Южного Тимана, что не может не интересовать геологов и краеведов, байдарочников – любителей острых ощущений. На этом участке мы насчитали 19 порогов, самый большой и непростой в прохождении – Еджыд изъякост, который в вольном переводе можно назвать белопенным... Речная пойма здесь разработана слабо, нет стариц и мало лугов.

Первые населенные пункты на Вишере основали коми, не принявшие христианство. Летопись сообщает, что здесь жил противник Стефана Пермского – Пам-сотник со своими людьми[1].

Продвигаясь по Вишере под напором христианизации, первопоселенцы не находили подходящих для занятий сельским хозяйством угодий и вынуждены были отдавать предпочтение охоте и рыболовству. Как правило, в устьях притоков, на береговых возвышенностях они ставили промысловые избушки, починки. Затем осели у устья Нившеры, положив начало селу Богородску, а на излучине Вишеры – Большелугу.

Население росло, пахотной земли не хватало. А надо было кормиться. Кто вынужден был уходить в отхожие промыслы, а кто добы-

[1] *История Республики Коми, Сыктывкар, 1996, с.*

вать себе пищу в тайге. Границы промысловых угодий и охотничьи традиции складывались и закреплялись издавна.

В этом убеждают становища на Вишере – Джуджыд йир, Бияиз, Ляпкыдъёль, Пугдым... К примеру, на Ляпкыдъёле на прибрежном лугу вырос березняк – в нем когда-то стояла изба... Метрах в ста от него находится починок из избы, бани, амбара. Он был построен лет 30-40 назад. Немногим выше по склону видны еще развалины у посаженного кем-то кедра... В сторонке – останки еще одного, обросшего зеленым мхом, сруба... То есть – четыре поколения охотничьих изб на одном месте!..

Вспоминается, что в конце прошлого века, во время экспедиции Вологодского губернатора А. Н. Хвостова, на левом притоке Вишеры Везью были описаны охотничьи избы. Автор воспоминаний Бессонов писал: «...тут мы впервые увидели зырянскую керку с ее амбарами и гумнами. Керка собственно значит дом, изба, но к названию «керка» прибавляется название урочища, где она стоит, или имя ее хозяина...»[2].

Бытующие в этом краю легенды об охотнике Йыр Капе, о меди и серебре на Ляпкыдъёле, о колдуне Тюве, жившем на Пугдыме, свидетельствуют о длительности процесса освоения угодий. Этнографические исследования показали, что промысловые угодья были семейно-наследственными, переходили от поколения к поколению. Считается, что это исключительное право зыряне получили в царствование Алексея Михайловича [3].

Этнограф В. П. Белицер считает, что «...семейно-наследственное владение охотничьими угодьями представляло собой своеобразное явление в культуре народов коми. Оно не характерно для их соседей – русских, манси, удмуртов и других...»[4].

Материалы наших экспедиций свидетельствуют об устойчивости этих традиций. В большинстве своем охотничьи угодья здесь родовые и по сей день переходят по наследству. По Вишере и ее притокам мы обследовали около двадцати изб. В среднем на каждые шесть километров пути приходится одно становище.

Сегодняшняя вишерская промысловая изба – вöр – или кыйсян керка – немногим отличается от своих предшественниц. Она проста по конструкции, имеет все удобства для длительного проживания как зимой, так и летом. Многие избы имеют сени (посводз), которые находятся с основным срубом под одной крышей. Все избы сегодня то-

---

[2] *Бессонов. Поездка по Вологодской губернии к нефтяным богатствам ее на реку Ухту, Санкт-Петербург, 1908, с. 48.*

[3] *Бурилова Н. А. Быт и правы крестьян-охотников в романе В. Юхнина «Алая лента». Традиционная культура и быт народа коми, Сыктывкар, 1978, с. 34.*

[4] *Мезенская экспедиция, выпуск 1, Москва, 1929, с. 375.*

пятся по-белому, освещаются керосиновыми лампами или свечами, реже – от аккумуляторов.

Зимой добираются сюда на «Буранах», летом – на моторных лодках с подвесными моторами. Угодья, унаследованные от прадедов и дедов, сохраняют семейную принадлежность. По сложившемуся на Вишере охотничьему этикету промышлять «в чужом огороде» не принято. Пока соблюдается такой обычай, здесь не нужны охотиспекторы, поскольку каждый промысловик заинтересован в сохранении дичи и зверья на будущее. Регулируют эти отношения сами охотники.

Уместно вспомнить материалы Мезенской экспедиции 1929 года. В них отмечалось, что изданные в 1922 году Наркомземом правила производства охоты полностью игнорировались местным населением. «Сложившиеся веками основы исписанных норм охотничьего права на добывание дичи вытекали и вытекают из бытовых условий: право на дичь неразрывно связано с правом на определенную территорию»[5]. На Вишере это исконное право не смогли ликвидировать ни колхозы, ни промхозы... Действует оно и по сей день.

Между тем индустриализация не обошла Вишерский край. Со стороны Северной железной дороги в ее бассейн проложены лесовозные дороги: одна – от поселка Тракт. Она пересекает Лемью, Енъю и оканчивается неподалеку от Богородска. Другая – со станции Синдор – пересекает верховья реки Нившеры. Два ее ответвления упираются в саму Нившеру, а третье оканчивается невдалеке от одноименного села. Кроме узкоколейных существует Чернореченская автомобильная бетонированная дорога. К сожалению, а может, и к счастью – с какой стороны посмотреть – большой деревянный мост на этой трассе сгорел и вывел ее из хозяйственного оборота. С юга к Вишере свое время тоже была протянута узкоколейка из поселка Приозерный с ответвлениями к Енъю и Бурелю. Ведь в среднем течении Вишеры существовали лесозаготовительные участки Мартестан и Биаиз, а также – лагпункты Локчимлага в нижнем течении. А леса, как говорят, вырубались еще до Великой Отечественной войны.

Как лишний раз подтвердила и наша экспедиция, в результате интенсивных сплошных вырубок водоохранные зоны самой Вишеры, ее больших и малых притоков оказались уничтоженными. К примеру, в окрестностях избы Сократ на берегах Енъю тайга сплошь вырублена на многие километры.

И значит, база зверового промысла в этих местах существенно подорвана. А ведь на протяжении многих столетий именно охота была ощутимым подспорьем, основой благополучия местных коми. Знаменитые Небдинские ярмарки во многом обязаны Вишерской пушнине.

---

[5] *Белицер В. Н. Очерки этнографии народов коми, Москва, 1958, с. 75-76.*

И не только они. Известно, что в зиму 1864—1865 годов Кирилл Павлов, Сидор Федоров и Леонтий Давыдов закупили на Вишере 7.200 белок, 2000 зайцев, 10 норок, «полтретья сорока горностаев»...[6]

В 1929—1949 годы в Сторожевском районе среднегодовая заготовка белки составляла 36.435 зверьков. Для сравнения: в те же годы в соседнем Корткеросском районе заготавливалось в среднем 9.567 белок.[7]

Массированные вырубки – еще не вся беда. Увы, в бассейне средней Вишеры размещается ракетный полигон «Железнодорожный», куда много лет подряд сбрасываются отработанные части ракет, запускаемых с космодрома «Плисецкий». По иронии судьбы на территории полигона находятся десятки охотничьих избушек и ...комплексный природоохранный заказник «Вишерский». Об этом – особая речь.

Дымилась, падая, ракета...

Надо полагать, за три десятка лет сотни вишерцев и гостей района наблюдали за падением частей ракет-носителей, запускаемых' с космодрома «Плисецк». Полигон, куда они падают, находится в среднем течении Вишеры и в районе поселка лесозаготовителей Лемью, носит условное название «Железнодорожный».

По официальным данным полигон используется с 1971 года, а по сведениям местных жителей, ведущих в этом районе промысел, – первые обломки ракет здесь появились на три года раньше. По уточненным нами данным, территория, на которую «с неба падают бабашки», охватывает притоки Вишеры – Лемью и Енью... На Юге – верхнее течение Небью, на Востоке – низовья рек Зулэб, Ковью... Здесь она близко подходит к населенным пунктам Богородск и Зулэб.

По нашим подсчетам, ее площадь составляет примерно 40 на 60 километров.

По данным Главкома ракетных войск стратегического назначения В. Яковлева, «Железнодорожный» используется для приема створок головных обтекателей ракетных носителей «Союз». В 1995 году, во время путешествия на байдарках по Енью, мы установили, что падают не только обтекатели, как заявлено Главкомом, но и топливные баки, отдельные ступени, части аварийных сбросов... Мы фиксировали промышленную маркировку находок космического происхождения и обнаружили, что часть обтекателей принадлежит ракетам другого типа – «Молния». Сплавляясь по Енью, прямо в русле реки мы встре-

---

[6] *Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – в начале XX в.*

«Наука», Москва, 1983, с. 16.

[7] *Производительные силы Коми АССР, т. 1, 2, АН СССР, 1953, с. 26.*

чали немало разнообразных обломков, но только не обтекателей.

Упавшие ракетные топливные баки, детали аварийных сбросов военные ищут на вертолетах – далеко не всегда удачно – и, найдя, уничтожают. По рассказам рабочих Пезмегского лесопункта, военные более месяца искали упавшую ракету в окрестностях узкоколейной дороги да так и не нашли ее.

На территории полигона находится около 20 охотничьих починков с подсобными постройками (бани, амбары и т. д.). Район промысла занимает около 1000 квадратных километров. Опрос свидетельствует, что каждый охотник знает в своих угодьях о местонахождении 8-12 ступеней ракет. То есть в среднем на каждые пять квадратных километров приходится один небезопасный для населения сброс. В общей сложности на территории района наберется не менее 480 частей ракет-носителей.

Почему небезопасный?.. Да потому что гептил – одна из разновидностей ракетного топлива – очень ядовит. Попадая на кожу даже в самых малых количествах, вдыхаясь в виде паров, он способен вызвать у человека целый букет разнообразных заболеваний. Все углеводные ракетные топлива обладают канцерогенными свойствами, к тому же они содержат добавки в виде бериллия, магния и других металлов, вызывающих рак, провоцирующих уродства в развитии живых организмов...

Первые ступени ракет падают в Удорском районе. При отделении третьей ступени ракеты-носителя «Союз» в природу попадает в среднем от 185 до 300 кг топлива да плюс 190 кг окислителя, который тоже небезопасен. Для ракеты «Молния» нормами предусматривается распыление на тайгу 480-800 кг несгоревшего топлива при отделении четвертой и не менее полтонны – при отделении пятой ступени ракеты. Никто не подсчитывал, сколько же этого смертоносного вещества распылено над обитаемой Вишерской тайгой за три десятка лет функционирования полигона. Никто не в состоянии назвать реальные масштабы вредоносных последствий, пагубного влияния космической свалки на природу, на животный и растительный мир, на людей, живущих, промышляющих в этих местах, из поколения в поколение передающих родовые угодья от старших к младшим.

Большинство из них не знает, что части ракет-носителей, загрязненных топливом, не подлежат использованию в качестве вторичных ресурсов. Таково заключение Московского научно-исследовательского центра по проблемам экологической безопасности. Пока не существует экономически приемлемой технологии их детоксикации и утилизации. Между тем, с первых запусков, с первых падений космический металл проникает в быт местного населения. Народные умельцы доставляют его домой, не подозревая об угрозе здоровью семьи, превращают в легкие и прочные лодки, надворные сооружения, крыши домов и гаражей, лопаты для очистки снега...

Не секрет, что ближайшие части ракет лежат в 10-12 километрах от сел и деревень Вишерского края. В тех самых местах, где сельское население и приезжие горожане собирают и продают на трассе и в самом Сыктывкаре грибы, ягоды, промышляют дичь, которая питается этими ягодами... И никто даже не задумывается над тем, какой вред таким образом наносится здоровью ничего не подозревающих людей.

Есть положение, которое никто не отменял и которое никем не выполняется. На время запуска в районе падения отделяющихся частей прекращается хозяйственная деятельность, эвакуируются люди, оповещается местное население. Может, так оно и было в первые годы освоения космического пространства, но только не сейчас. Даже местные власти, которые порой владеют сведениями о времени запуска ракет, хранят молчание, не спешат хотя бы пальцем о палец ударить, чтобы предостеречь людей... Непредсказуемой, но реальной опасности подвержены в своих угодьях охотники-промысловики, лесозаготовители, многочисленные туристы, в том числе – школьники...

В последние годы на эту опасность обратил внимание Корткеросский районный комитет по охране природы. С его помощью организованы две экспедиции, которые подтвердили реально существующую угрозу природе и людям Вишеры. А что дальше?!.. Нельзя же на этом останавливаться, надо что-то делать: предостерегать взрослых и детей, информировать их, будить общественное мнение, исследовать, насколько велик этот вред и как его свести к минимуму...

К таким мыслям приходишь, поддавшись очарованию Вишерского края, посетив его укромные уголки, опустив в чистые – а может быть заряженные-зараженные?! – воды Божьей и других рек.

А. Смилингис

Родничок: экологический сборник. – Корткерос, 1999. – Вып. 5. – С. 44-49.

Что я видел? НЛО?!.

В июле 2001 года у речной старицы, что за починном Ягсай Подъельского сельсовета, в местечке Чудыгу, вел раскопки Вычегодский археологический отряд Коми научного центра УрО РАН. В раскопках принимали участие, и учащиеся Сгорожевсной школы вместе с методистом Коргкеросского Дома пионеров и школьников Л.Н. Королевой.

Лагерь археологов размещался у самого берега озера Полой, палатки школьников – в 30 метрах в стороне, внутри молодого соснового бора. Здесь нещадно палило солнце, донимали комары. Рядом,

в лагере археологов, несмотря на жару, постоянно дул прохладный ветер. Ширина озера Полой здесь не превышает 10– 15 метров, но каким-то образом ветер, соприкасаясь с водами длинного озера, днем усиливался так, что археологам пришлось вырубить одинокие сосны, чтобы их не повалило на работающих. Странно, но рядом в лагере школьников стояла тишина, полное безветрие.

Ночью 22 июля некоторым в лагере не спалось. Где-то рядом гремела гроза. Резко похолодало, и людям пришлось всю имеющуюся теплую одежду надеть на себя. К утру ветер достиг штормовой силы. А утром, когда все собрались вместе, так как часть рабочих экспедиции ночевала в Ягсае, оказалось, что на электронных часах ночевавших в Ягсае, в 1,5 км от лагеря археологов, разница во времени составляет более двух часов. В разговоре выяснилось, что некоторые ночью чувствовали какой-то странный неуют, беспокойство. Как-то сам собой возник разговор об аномальных зонах, летающих тарелках. Вспомнили, что видели странные деревья, где-то недалеко от озера Полой...

Если посмотреть на карту, видно, что озеро Полой, разместившееся между населенными пунктами Вомын-Подъельск-Подтыбок и ее притоками Ренеб-Новкъю, является конечным звеном гигантской излучины старой Вычегды. Известно, такие излучины тяготеют к изломам и трещинам земной коры. Процессы трещинообразования в земной коре сопровождаются истечением из недр газов, с которыми выходят потоки электронов и прочих заряженных электрически частиц. Многие разломы и трещины характеризуются магнитными, гравитационными и иными аномалиями. Такие места принято называть аномальными зонами.

Один из участников экспедиции вспомнил, что он когда-то читал в газете «Республика» от 26 июля 1996 года о приключениях журналистов в геоактивной зоне, расположенной между селом Вомын и поселком Подтыбок Корткеросского района. У них также ночью на берегу озера останавливались электронные часы, отказало зажигание автомашины.

Замечено, что аномальные явления в природе подчинены ритму времени, и периодически по каким-то причинам усиливаются, учащаются, наблюдаются и запоминаются людьми. Лет 10-12 назад автор статьи (А.С.) возвращался из поселка Подгыбок в Корткерос. Стояла весна, светило солнце. Вечерело. Теплоход «Заря» шёл полным ходом. Разлив, берегов не видно. Вдруг, где-то в районе деревни Новик налетел сильнейший порыв ветра, поднявший огромные волны. «Зарю» закачало, вот-вот перевернется. Все испугались. Еще миг, и мотор теплохода заглох. Ветер как внезапно возник, так внезапно и стих. Возникшие волны по инерции стали заносить теплоход на луга, но течение реки все-таки вынесло судно на фарватер. В полной тишине, около часа, несмотря на старания экипажа

«Зари», не могли завести двигатель, мы плыли по течению. Только при подходе к устью озера Лабором двигатель теплохода неожиданно завелся. Люди успокоились, кто-то из пассажиров вспомнил, что в этих местах не так давно исчез водометный катер с людьми, который и по сей день не обнаружен.

Интересно сообщение А. Савина из села Сторожевск в газете «Звезда» от 29 мая 1991 года. Вечером 7 мая он на моторной лодке ехал к лесной избушке на реке Небью, как вдруг мотор «Вихрь» неожиданно заглох. Пока лодка плыла вниз по течению, Савин видел два светящихся шара. Мотор завелся только после исчезновения этих шаров.

Нужно отметить, что после сообщений и публикаций о «Бермудском треугольнике», искать аномальные зоны стали и у нас. В феврале на Северном Урале в районе истоков р. Печора при загадочных обстоятельствах погибла группа туристов. Причины до сих пор не выяснены. Газета «Молодежь Севера» от 25 декабря 1991 года связывает гибель туристов на Урале с появлением НЛО. В 1990 году сенсацией становится «Н-ский треугольник» в соседней Пермской области. Туда выезжает группа добровольных исследователей из Коми, и в июле того же года газета «Молодежь Севера» публикует серию материалов об этой экспедиции.

В те годы чаще появляются публикации и в местных газетах: «Молодежь Севера» от 16 мая1990 года помещает фотографию и рассказы жителей с. Сторожевск о появлении 7 мая около 23 часов неопознанного летающего объекта. В мае 1991 года А. Савин в газете «Звезда» публикует свои наблюдения с приложением рисунков увиденных предметов. А. Изьюров, В. Забоев, В. Абрамов и В. Пакшин 3 октября 1989 года около 16 часов 45 минут видели НЛО над Корткеросом. Газета «Звезда» от 21 ноября 1990 года, 8 октября 1996 года и др. помещает рассказы видевших НЛО.

Возвратимся в Вомыно-Подтыбокской геомагнитной аномальной зоне. По словам жителей, в этом районе люди не раз наблюдали светящиеся объекты в лесу. Например, жительница с. Подъельск Л.Я. Королева дет 8-9 назад вечером в районе Новикской переправы увидев светящийся шар так испугалась, что даже не помнит, как очутилась в селе.

«Республика» от 26 июля 1996 года: «...чудеса с машиной, транзистором и электронными часами – это уже материальные свидетельства того, что в этом месте скорее всего присутствует геоактивная зона с мощным геомагнитным излучением. Возможно, тут и «рождаются летающие блюдца инопланетян...»

«Наука Урала» от 11 октября 1990 года: «Вопрос о влиянии аномальных зон на людей весьма проблематичен. Вполне здоровые люди могут находиться в них длительное время без видимого ущерба для здоровья, так как их организм постоянно адаптируется. Хотя

в целом проблемы такой адаптации чрезвычайно мало изучены».

Есть и другое мнение, что в подобных зонах лучше не жить, не строить дорог, не прокладывать авиатрасс.

Автор этой статьи просит всех, кому удавалось наблюдать непонятные, странные явления в этом районе, написать или сообщить в Корткеросский Дом пионеров и школьников.

А.Смилингис

Звезда, 2001, 29 сентября

Есть ли снежный человек?

В конце прошлого столетия в республиканских газетах сообщалось о снежном человеке.Проблемой снежного человека занимались и занимаются во многих странах. В конце 80-ых годов прошлого столетия с помощью биологической статистики, математической теории, свидетельских показаний, применяемой в криминалистике, были обработаны многочисленные данные о снежном человеке.

Все показания о снежном человеке удивительно схожи. Разные люди говорят об одном и том же. Снежный человек – человекообразное существо, якобы встречающееся в различных высокогорных или лесных районах Земли. Считают, что это млекопитающее приматов, сохранившееся со времен предков человека. Судя по свидетельствам,снежные люди отличаются от нас более плотным телосложением,заостренной формой черепа, более длинными руками, малой длиной шеи, массивной нижней челюстью, относительно короткими бедрами. Имеют волосяной покров по всему телу черного,рыжего цвета. Лица темного цвета. На голове волосы длиннее, чем на теле. Усы и борода очень редкие и короткие.

В свое время о снежном человеке на территории Коми писала газета «Комсомольская правда» (28 мая 1988 года). Телевидение Сыктывкара в передаче «Молодежная программа» показало беседу с рабочим Печорского леспромхоза (Приуральск) Александром Кузнецовым. Он вместе с матерью по пути на сенокос около поля с овсом увидели лежащего спиной к ним человека. Мать что-то спросила, но он не ответил. Этот человек был обросший коричневой шерстью, на слова матери не реагировал. Когда шли обратно, человека не было. На месте, где он лежал,остался помятый овес. В том же году газета «Молодежь Севера» (от 11 мая) писала о встрече с снежным человеком в 12 км юго-восточнее города Емва, в сентябре 1987 года на болоте квартала 149 Княжпогостского лесничества, Железнодорожного леспромхоза.

О снежном человеке упоминается в книге «Коми легенды и предания» (автор Ю.Г. Рочев. 2006.с.200) «Это старик Тынзелов, хант, рассказывал. Говорит, что ехал он в Восяхово на лошади.Зимой. А с ним

– две собаки. Чуть-чуть не доехали до Нильчима. А ведь у лошадей чутье очень хорошее, они хорошо чуют. И вдруг на полпути лошадь как вкопанная стала. «Что это, – думает старик, – почему лошадь на полдороге стала, ведь никогда не останавливалась?». Смотрю, говорит, а чуть-чуть впереди переходит дорогу нагой мохнатый человек.И с руками, и с ногами, а только сам-то двухметрового роста.

Лошадь вся дрожит. А собаки изо всей силы лают. А он и не смотрит на собак, как вот бывает, когда собаки лают на лося,тот и внимания не обращает,идет себе своей дорогой, вот также и он...». Записано в 1979 году.

В ижемскои фольклоре снежного человека окрестили Яг-мортом. Другое название – пасьтӧм гӧна морт («нагой мохнатый человек»). Во всех случаях – существо похожее на человека, только обросшее шерстью, приспособленное к условиям жизни в тайге. В Усть-Куломском районе снежного человека зовут ГынаМорт (Лениан Игнатов из Ягкоджа утверждает, что снежный человек в поселениях Верхней Вычегды, Диасерье, Волдино,Бадъельске, зовут Гына Морт).

Присутствие снежного человека отмечено в окрестностях Сыктывкара. Один из столичных охотников в сезон ходит за добычей в лес неподалеку от бывшей деревни Соколовка, что в двадцати километрах к югу от Сыктывкара. В глубине пармы у мужика срублена небольшая избушка. Здесь он ночует. Обычно в этом месте все спо-



койно.Попадаются только медвежьи следы, да и самого хозяина леса пару раз доводилось встречать. Но минувшей весной охотник столкнулся в лесу с чем-то почти необъяснимым. Ночью, когда он спал в избушке, его разбудил странный звук за стенкой.Словно кто-то ходил рядом с домиком и что-то бормотал. Хотя мужчина был, как говорится, не робкого десятка, его охватил необъяснимый страх. «Медведь или человек, – подумал он, – но если человек, то почему не стучится в дверь?».

Дверь, к счастью, была закрыта изнутри на засов. Мужчина попытался преодолеть страх и выглянуть в небольшое окошко. На улице было темно и почти ничего не видно. В чащобе что-то пошевелилось, и перепуганный охотник услышал, как кто-то подходит к дверям его избушки. Окно выходило на противоположную сторону, поэтому разглядеть «незваного гостя» было невозможно. Когда «гость» поскреб дверь, охотник уже не стал сдерживаться и крикнул: «Стой! Стрелять буду!». Это первое, что пришло в голову. За дверью притаились, а спустя несколько минут ночной «гость» потихоньку стал удаляться от избушки. Охотник так и просидел всю ночь без сна с заряженным ружьем в руках. Утром, когда поднялось солнце, он осторожно вышел из избушки. Перед дверью никого не было, но на мху и траве были видны следы очень больших ног. По следам можно было определить,что ночью вокруг избушки кто то ходил кругами. На одном из следов охотник разглядел даже пять пальцев явно большой стопы.После этого ему доводилось ночевать в избушке, но никто в двери не ломился и вокруг и около не шастал... (газета «Красное знамя» от 23.07.2009 года, автор Валерий Громов).

О снежном человеке на территории Корткеросского района мы услышали 28 марта 1989 года в деревне Четдино при сборе материалов о добыче красок на реке Локчим у местного жителя Александра Андреевича Ситкарева 1923 года рождения.Нам он рассказал следующее: «Да были. Вроде как человеки. Зимой под ёлкой лежат. Зимуют там. Люди рассказывали. Если идешь по лесу и тронешь что-нибудь у них, то берегись,летом они тебе покажут. Говорят, засеешь, и если они не любят тебя, всю поляну потравят. Их называли Пӧлузь. Снеговиком их звали. Они были ростом как человек, тело покрыто бурой какой-то шерстью. На медведя ничуть не похожи. Ходили, как и человек, на двух ногах. На людей не нападали, скотину не трогали. Когда ружья появились – их стали убивать. Потом ушли куда-то. Об этом мне бабушка говорила. Бабушку звали Анна Галактионовна Бутикова. Рассказала об этом в 1934 году, когда я учился в четвертом классе».

Подобные сведения о снежном человеке имеются на всей территории России.

А.Смилингис

Звезда, 2014, 12 февраля

Летопись природоохранных дел в Корткеросском районе

Семидесятые годы прошлого столетия знамениты тем, что на территории Республики Коми планировалось создание мощных плотин на Вычегде и Печоре с целью переброски вод северных рек для поддержания падающего уровня Каспийского моря. Недоработка проекта, ущерб от вновь образованных водоемов природе края не могли не волновать ученых, общественность. Проблема переброски стока северных рек на юг объединила ученых, простых любителей природы, население, дало мощный толчок росту первичных организаций Общества охраны природы в Коми.

Известный ученый-эколог А.П. Братцев в 1961 году на Научно-производственной конференции по охране природы в городе Сыктывкар, где обсуждалась проблема переброски вод северных рек, выступил о роли общественности: «Обществу охраны природы оказано высокое доверие – руководить всей общественной работой в области охраны природы. Но для того, чтобы общество могло это руководство осуществлять, необходимо превратить его в подлинно массовую организацию. Без этого немыслима никакая работа. Сейчас наше общество еще немногочисленно. В его рядах насчитывается около тысячи человек. Районные организации имеются в 3 районах. В 3 городах – Сыктывкаре, Ухте и Воркуте – созданы городские советы».

В Корткеросском районе первые сведения о привлечении общественности к охране природы относятся к концу пятидесятых годов прошлого столетия. 21 февраля 1959 года в селе Корткерос состоялось собрание актива охотников и любителей природы.

С докладом выступил В. Рогов. Он сообщил, что в 1958 году имелось 11 общественных инструкторов по охране природы. Ими выявлено 16 браконьеров. Работали три группы по уничтожению хищных птиц – в основном ворон. Для любителей охотников выделены угодья на 46 квартале Корткеросского лесхоза. В школах проведен «День птиц». Каждый класс изготовил по скворечнику и установил на деревьях села. Старшеклассники и молодежь работали по озеленению села.

К 1963 году оформилось районное отделение ВООП. Деятельность первичных организаций заключалась в пропаганде основ охраны природы, озеленению населенных пунктов, сохранению лесных запасов, борьбе с браконьерством.

В 1968 году в Корткеросском районе было 18 первичных организаций ВООП. Проведено 15 природоохранных рейдов, выявлено 12 браконьеров. Активистами природоохранных дел тогда были: С.М. Изъюров, Н.А. Вишератин, Н.А. Морозов, В.С. Карпов, И. Пивень и другие.

8 февраля 1970 года в докладе председателя районного отделения ВООП отмечается увеличение численности первичных организаций и его членов.

Подготовлено 18 инспекторов по охране природы, которые регулярно проводят рейды по выявлению браконьеров. Председателем рейдовой комиссии был тогдашний редактор районной газеты «Звезда» И.В. Макаров. По воспоминаниям старожилов, в 1930 году в Корткеросе росли 26 кедровых деревьев.

Глухариный ток в Корткеросе возле кирпичного завода перестал существовать в 1947 году. Люди помнят, что в недалеком прошлом в окрестностях села было 28 глухариных токов. Уток на Вычегде не стреляли, а ловили на рыболовные крючки. На речных озерах водились гуси.

В 1961 году учащимися Корткеросской СШ под руководством лесничего Ф.Ф. Коданева на реке Кияю заложен кедровый питомник. Каждое десятилетие здесь ведутся наблюдения за состоянием деревьев. В 1978 году на «Кедровой поляне» росло 698 саженцев. Средняя высота – 78 см. В 1995 году отдельные деревья достигли 8 метров высотой. Наблюдения экологов, проведенные в 2007-2008 годах под руководством Т.А. Борискиной, установили появление плодоносящих деревьев. Отмечено продолжающееся выкапывание или повреждение людьми отдельных деревьев, находящихся вблизи дач.

Сусъёльский кедровый заказник, обнаруженный туристами краеведами на реке Пианько(приток р. Локчим) и утвержденный в 1964 году, стал первым заказником, созданным для охраны островного местонахождения кедра на территории Коми АССР.

Учащиеся школ приняли участие в работе зеленых и голубых патрулей. Ими с помощью комсомольцев заложен сельский парк (напротив библиотеки имени М.Н. Лебедева). Отряды «Голубых патрулей» ежегодно весной совершали походы по спасению рыбы от замора.

При Корткеросской, Сторожевской, Мординской, Приозёрной, Подтыбокской школах создаются школьные лесничества. Корткеросский исполком райсовета по ходатайству первичной организации ОП Корткеросской средней школы решением от 25 декабря 1972 года утвердил зеленую зону отдыха села Корткерос площадью 2290 гектаров, закрепив ее за Корткеросским школьным лесничеством. Школьное лесничество Подтыбокской средней школы становится победителем Всероссийского смотра школьных лесничеств и награждается трактором для механизации работ на лесных посадках.

В 1967-1971 годах под руководством В.М. Ладанова на территории Пезмогского лесничества проведен лесохозяйственный эксперимент по прививке кедра на сосну обыкновенную. В 1996 году отдельные привитые деревья кедра начали плодоносить. Общая площадь трех пробных плантаций – 5 га.

С 1971 года на верхнем течении реки Вишера падают части ра-

кет, запускаемых с Плисецкого космодрома. Образован полигон «Железнодорожный». С 1972 года на территории района начаты крупномасштабные мелиоративные работы по осушению заболоченных лесных массивов (первые мелиоративные работы в районе пос. Пезмог были проведены до Великой Отечественной войны под руководством Г.И. Гагиева).

В 1976-1977 годах по инициативе Архангельского лесного института в окрестностях села Корткерос заложен Всесоюзный питомник географических культур сосны, ели, лиственницы. Общая площадь культур составляет 32 гектара. Здесь представлены хвойные породы всех лесных регионов бывшего СССР.

Активное участие в практических делах природоохранных дел принимают учащиеся первичных организаций ВООП школ района. В 1979-1980 годах ими посажено более 10 тысяч саженцев деревьев, изготовлено 410 скворечников. Школы активно участвовали в операции «Зеленая аптека» и собрали 600 кг лекарственных трав. Учащиеся Позтыкеросской и Корткеросской школ в том году собрали и сдали вместо плана 2,5 тонн – 5,1 тонн шишек деревьев хвойных пород.

С 1980-х годов экологическое воспитание распространяется в детских садах района. При Корткеросской,Усть-Локчимской школах, детсадах района оборудованы птичьи столовые, уголки живой природы.

К 1981 году во всех восьмилетних и средних школах района были первичные организации ВООП, более 300 учащихся Приозёрной, Сторожевской, УстьЛокчимской, Визябожской, Позтыкеросссской школ активно работали в отрядах «Голубых патрулей». Отряд из 16 учащихся Мординской школы под руководством учителя биологии Л.А. Максимовой завёл журнал нарушений, выявленных ребятами на территории нижнего склада леспромхоза.

В сентябре 1982 года с 15 сентября по 15 октября, состоялся месячник по охране рыб. Впервые определены семужно-нерестовые реки: Соль, Вуктыль, Певк, верхнее течение р. Локчим, Лопью, Очью, Лымва, Одъю. На этих реках в течение месячника запрещен заход на моторных лодках.

Зимой 1980 года отряды «Голубых патрулей» школ взяли шефство над заморными озерами: Кушъюрты, Каляты, Пезмогты, Подты.

В 1984 году хорошо поработали 9 отрядов «Голубых патрулей». Члены Корткеросского отряда «Голубого патруля» за результаты наблюдений гибели мальков рыб ударной волной водометных судов «Заря» награждены грамотами и значками «Коми-рыбовода».

К 1985 году во всех школах района действуют первичные организации ВООП с общим числом более 2000 членов. Лучшие: Богородская, Корткеросская, Визябожская, Керосская.

Составлен проект и смета сооружения плотины Кияю, на месте пруда старой мельницы, для развития местного рыбоводства.

В 1987 году на территории Корткеросского района числились: 2

кедровых заказника, 32 болотных заказника, 2 заповедные реки (Локчим, Лымва), 2 ихтиологических заказника (Нидзьское и Важкурьинское озера), 2 охотничьих заказника (Маджский и Позтыкеросский).

Впервые отмечено вытаптывание ягодников на болоте Кияюнюр вследствие ежегодного массового сбора клюквы.

В 1992 году по инициативе председателя райкомитета по охране природы С. Н. Коюшева руководителем секции спортивного ориентирования Дома пионеров В.В. Елфимовым спроектирована и построена в окрестностях Корткероса 16 километровая познавательно-тренировочная экологическая тропа со смотровыми площадками, местами для костра, навесами-грибками для отдыха. Более десяти лет тропа была любимым местом массового выхода на природу жителей Корткероса.

17 марта 1992 года в районе Негакеросской турбазы образован памятник природы «Сосновый бор» площадью 250 га, на базе которого впоследствии была оборудована учебная экологическая тропа.

20 октября 1992 года в целях сохранения островного ареала лиственницы Сухачева, обнаруженной туристами Сторожевска (руководитель Л.Н. Королёва), образован памятник природы Ниасен, площадью 70 га.

В 1995 году выходит первый выпуск экологического справочника по Корткеросскому району.

Для экологического образования используются летние оздоровительные лагеря. Первый экологический лагерь организован в 1997 году И. В. Вишератиным в местечке Негакерос.

Много лет проработала начальником лагеря Т. А. Борискина. При ней лагерь получил всеобщее признание и продолжает работу в новом тысячелетии. Ежегодно в нем получают удостоверения «Организатора природоохранной работы в школе» десятки учащихся школ района.

За полвека природоохранной работы делами энтузиастов, актива, членов общества оставлен след как в природе, так и пропаганде связей человека с природой, охране и познании её. Упор делался на подрастающее поколение.

В связи изменившимися экономическими отношениями резко упали размеры лесозаготовок.

Прекращен сплав древесины на реках района. Это самый большой подарок человека местной природе. Экология вошла в образовательные программы.

Возникли новые проблемы. В связи с улучшением дорожной сети увеличилась пожароопасность лесных массивов. В местные поля вторгся пришелец – борщевик. Непомерно возросли объемы неконтролируемого бытового мусора. Главная беда – государство перестало финансировать природоохранные дела общественности.

А. Смилингис

Звезда, 2009, 15 декабря

«Краевед – значит ведающий краем»

(краеведческие поиски и находки)

Краеведение как средство активного познания родного края в муниципальном образовании «Корткеросский район»

Познание родного края в Корткеросском районе начиналось с туристических походов. Коллективная людская память сохранила многие факты прошлого: местные предания и события, обычаи и традиции, обряды. Она была для начинающих краеведов источником, где участник процесса становился первооткрывателем.

Послевоенное поколение не удовлетворяли наскучившие школьные уроки, шефство в колхозе, бесконечные субботники, воскресники. Поход-экспедиция лета 1959 г. по обследованию р. Маджа оказался необычной прогулкой. Собирали на перекатах образцы пород. На прибережных лугах выкапывали образцы растений. Встречались с местными жителями. Участники похода обнаружили там же место-рождение охристых красок. Материалы похода получили оценку Героя Социалистического труда, профессора А.А. Чернова: «Пионеры собрали около 150 образцов горных пород и окаменелостей, которые представляют большой научный интерес» [1]. Участники похода обнаружили произрастание кедра (Сосны сибирской) на притоке р. Локчим – Пианько. Туда ездила сотрудник Коми филиала АН СССР Н.И. Непомилуева, а сообщение было признано открытием. В Коми появился первый ботанический заказник [2]. Река Локчим заинтересовала обитающими там змеями.

В процессе познания происходило погружение в краеведение. Появились свои темы исследований: «Громадные щуки на реке Вычегда», «Медведь людоед на Локчиме», «Самородки золота на р. Зулоб». Собирали материалы о колдуне Тюве, знахарях, кузнеце Корт Айке, положившем начало с. Корткерос, древних путях на р. Вымь и д. Пасвомын. Деревня стоит на р. Нившера, куда выходит древняя тропа из р. Вымь – Ваня пас [3]. Под впечатлением пройденных Тиманских рек (Мезенская Пижма – Ям озеро – Печорская Пижма) нашли похожие реки в районе: Вычегодскую Вишеру, Енъю, уникальную, не замерзающую зимой, вытекающую из «Большого клю-

ча», р. Лымва. Недалеко от нее обнаружили самую высокую точку на юге Коми – гору Потчурк. В 1971 г. корткеросские туристы представили коллекцию полезных ископаемых района на I Всеуральском слете юных геологов в г. Ижевске и стали победителями.

Это были годы, когда сами планировали походы, разрабатывали маршруты. Краеведение через туризм получило распространение в школах района.

Первая районная краеведческая конференция в Корткеросе состоялась 14 января 1974 г. В ней участвовали 29 учащихся из десяти школ района, а также ответственный секретарь Коми отделения ВООПИК Т.И. Гуляева, сотрудник Коми филиала АН СССР П.А. Куратов, методист Коми Республиканской станции юных туристов Л.С. Шурганова. Из 13 докладов лучшими признаны сообщения Н. Стахиевой и Л. Елисеевой (история Позтыкеросского колхоза «Смел котыр»), Л. Коюшевой (об участии жителей Корткероса в Великой Отечественной войне), Н. Кутькиной (история Корткеросской школы). Участники конференции ознакомились с экспонатами музея при Корткеросском доме пионеров [4].

По материалам музея при Корткеросском доме пионеров районная газета «Звезда» опубликовала сведения о малоизвестной тогда коми писательнице, общественном деятеле А.А Сухановой [5]. Памяти А.А. Сухановой посвящены две районные читательские конференции. Учрежден ежегодный приз им. Сухановой лучшему педагогу района.

Первый коллективный краеведческий поиск по выявлению и уточнению фамилий погибших в Великой Отечественной войне начат под руководством И.В. Макарова в 1973 г. Выявлены имена 387 погибших воинов. В годовщину 30-летия Победы открыт памятник «Скорбящая мать» (скульптор Ю.Г. Борисов).

Небольшой коллектив краеведов продолжал работу по сбору памятников духовной и материальной культуры. 7 ноября 1987 г. в годовщину Октябрьской революции в Корткеросе открыт районный музей труда и быта [6]. 9 января 1989 г. музей получил статус государственного, директором которого стал педагог А.А.Панюков.

Координацией поисковой работы в краеведении занималось Корткеросское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Как видно из протокола заседания Президиума отделения общества, 9 июля 1987 г. в связи с подготовкой к празднованию 100-летия со дня рождения писателя В.А.Савина обсуждали вопросы организации экспедиции по поиску его могилы, чтобы перезахоронить на родине в с. Нёбдино.

В 1990 г. в Корткеросе появилось отделение Общества изучения Коми края. Инициатором создания и первым председателем стал С.Н. Коюшев. Третья районная конференция по краеведению 19 апреля 1990 г. проведена под эгидой Общества изучения Коми края. В конференции участвовали 30 краеведов. Лучшими признаны доклады:А.

Чувьюрова «Важкурская церковь»,Н.К. Ахрименко «История Пезмогского ремесленного училища № 2», М.Е. Худоева «Об отношении к перестройке и истории в эпоху Горбачева».

Из отчета Корткеросского отделения Общества изучения Коми края, можно узнать, что в 1997 г. в районе работали государственный, литературно-художественный им. В.А.Савина и семь школьных музеев (с.Большелуг, Сторожевск, Вомын, Нёбдино, Подьельск, пос. Мордино и Подгыбок), а также музей краеведения при Сторожевском доме пионеров и школьников. Педагогом Маджской школы собраны материалы о 135 погибших воинах Великой Отечественной войны. Краеведы собрали сведения о 56 исчезнувших населенных пунктах района.

В 1970-1990 гг. в районе сформировался свой коллектив краеведов. Среди активистов поэт Е.В. Потапов, журналисты И.Н. Ларуков и Г.И. Макаров, педагог Н.К. Ахрименко, ветераны войны Г.В. Ногтева, Л.Н. Королева, А.А. Панюков, Т.Н. Панюкова, И.М Панюков, В.Д. Попов, А.И. Попова, А.С. Кулаков, Г.И. Панюкова, А.Н. Сивкова, А.А. Каракчиев, А.В. Кирушев, С.Н. Коюшев,В.Н. Королев, С.Л. Куликов, М.Е. Худоев, В.С. Карпов и др.

Краеведами в эти годы проведено анкетирование участников войны, проживающих в районе. Сохранились 320 анкет, каждая содержала 20 вопросов, в т.ч.: «Где вас застала война?», «Ваш боевой путь», «Памятное событие войны», «Ваши награды» и др. В ответах отражен боевой путь, воинские соединения, боевые награды, эпизоды сражений в годы войны.

К концу 1980-х гг. краеведение все шире стали использовать в идейно-политическом воспитании. Движение обрастало инструкциями и партийными указаниями, пропагандируется воспитание на примере воинского и трудового подвига советского народа. На слете краеведов «Моя Родина – СССР» 16 февраля 1986 г. в Корткеросе представлены следующие темы: «Годовщина Великой Октябрьской революции в селе Подьельск», «Первая колхозная борозда», «Наши женщины первые трактористы», «Герои Социалистического труда» и т.д. Во внешкольной работе появляются: «Всесоюзная экспедиция пионеров и школьников», «Всесоюзный поход молодежи по местам боевой и трудовой славы»; экспедиции «Дорогами Ленинской мечты», «Из искры возгорится пламя» и т.д. В краеведческо-поисковой деятельности преобладает «руководящая идея». Тематика исследований централизуется. Не желательными становятся доклады, не соответствующие указаниям партии.

9 ноября 2001 г. решением коллегии Министерства образования и высшей школы Республики Коми утверждена Республиканская программа образования детей и учащейся молодежи средствами туристско-краеведческой деятельности «Отечество – Земля Коми», перешедшая в туристско-краеведческое движение. Переход от по-

литизированных походов к образовательной программе «Отечество – Земля Коми» в начале нового столетия позволил перейти на качественно новый уровень краеведения в районе.

Цель программы: создание системы дополнительного образования на основе изучения родного края с использованием туристско-краеведческой деятельности, способствующей воспитанию нравственно здоровых, физически сильных молодых людей, любящих свою Родину и ответственных за её будущее. Программа утверждена приказом Министерства образования и высшей школы Республики Коми № 88 от 30 января 2002 г.

Большинство элементов структуры программы, удачно вписались в местную схему краеведения и туризма в районе, которая, вместо старых направлений «История» и «Персоналия», сформировалась из четырех тематических блоков: «Культурное наследие», «Историческое наследие», «История политических репрессий», «Природное наследие».

Расширение тематики способствовало повышению интереса к краеведению. Исследованиями теперь охвачена вся территория муниципального района «Корткеросский». Краеведы пос.Подтыбок изучают природу окрестностей поселка и озера Подты. Ряд исследований, были представлены на Всероссийском уровне в Моск-ве. Краеведы с. Нившера по крупицам собирали и изучили местные обряды, бьгг, историю традиционных ремесел, коми кухню, традиционные формы ухода за домашним скотом. Краеведы с. Сторожевск изучают местные традиции крестьянских праздников, восстанавливают и реконструируют эти обычаи в новом свете. Подъельские школьники собирают материалы по истории родного села, его традиции, людях, участниках войны в Афганистане. Краеведы создали музей села.

Краеведы сел Большелуг и Богородск занимаются составлением родословий местных жителей, пишут биографии знаменитых людей – односельчан, записывают воспоминания пострадавших от сталинских репрессий, собирают легенды о чудском городище Кармыльк, о колдуне Тювэ.

Корткеросские краеведы изучают природу окрестностей села, редкие растения в бассейне р. Вычегда и её притока р. Кия, наблюдают за кедровыми посадками, ведут исследование влияния загрязненного воздуха на растительность. По программе «Энциклопедия Российской деревни» собирают материалы о деревне Троицк Корткеросского района (местная архитектура, родовые пасы, символика прялок). Авторы докладов по материалам программы под руководством Л.Н. Королевой являются лауреатами России.

Краеведы с. Мордино, пос. Аджером изучают историю населенных пунктов Локчимского края, пишут историю спецпоселков и лесного лагеря НКВД СССР Локчимлаг.

Направления краеведческой работы стали более разнообразными. В селах и поселках Нёбдино, Приозерный, Подьельск, Подтыбок актуальной становится тема «Природное наследие».

С 2001 г. в связи выходом Республиканской программы по увековечиванию жертв политических репрессий поисковые работы краеведами Корткероса, Сторожевска, Мордино, Нившеры, Богородска, Аджерома ведутся по изучению деятельности в Пезмоге комбината ГУИТУ «Северный», лесного лагеря НКВД СССР «Локчимлаг», труд в спецпоселках. Краеведы собирают воспоминания репрессированных граждан, изучают и описывают кладбища, сохранившиеся следы деятельности лагерей. На лагерных и спецпоселковых кладбищах установлено 14 памятных крестов. Сооружены два памятных знака в поселках Аджером и Усть-Локчим. Памятный камень 11 августа 2006 г. установлен в с. Нёбдино. Сюда участники поисковой экспедиции привезли землю с лагерного кладбища Томской области, где покоится прах поэта В.А. Савина.

В 1995 г. по инициативе С. Н. Коюшева вышел первый выпуск экологического справочника по району. В 2003 г. в седьмом выпуске эколого-краеведческого сборника «Родничок» опубликовано 86 статей о природном наследии района. Более десяти лет, регулярно в районной газете «Звезда» выходит эколого-краеведческое приложение «Ловъя ва» (Живая вода).

Всего за 38 лет с 1974 г. в Корткеросском районе проведено 13 районных краеведческих конференций «Отечество – Земля Коми». На них представлено 460 научных сообщений, докладов, исследований от 910 краеведов, школьников и их наставников. Материалы 12-ой районной краеведческой конференции выпущены отдельным сборником. В 2011 г. на очередной 13-ой районной краеведческой конференции участвовали 33 учащихся из одиннадцати образовательных учреждений района.

В Республиканских конференциях по краеведению участвовали 35 победителей районных конференций, опубликовано 38 исследовательских работ краеведов района.

В 2002-2006 гг. краеведы района представляли Республику Коми на Всероссийских конференциях движения «Отечество», в т.ч. лауреаты Н.Коданева, Потапова Оксана, С.Борискин.

Состоялась первая районная крае-ведческая конференция для детей младшего возраста «Я исследователь, я открываю мир», в которой участвовали 29 человек из восьми образовательных учреждений района.

Интерес к истории, природе, культуре района не гаснет. Сегодня краеведением активно занимаются: Г.И.Попов, Г.В.Ногтева, З.Г.Жижева (Нившера); Т.А.Борискина, Е.М.Карпова, Г.Р.Изъюрова, В.Н.Шестаков (с.Корткерос), Г.И.Панюкова (с.Сторожевск), В.А.Падалко, Е.И.Моторина (с.Подъельск), А.И.Попова (с.Мордино),

Н.Ю.Микушева (с.Нёбдино). Т.А.Баваева (пос.Подгыбок), Э.А.Старцева (с.Большелуг) и др.

В сборнике «Моя война...»: (Сыктывкар, 2010. Кн. 2) опубликованы воспоминания 17-ти участников локальных войн, жителей Корткеросского района (1979-2010). Составитель – краевед и журналист В.Д. Попов.

В 2011 г. коллектив Центральной библиотеки им. М.Н. Лебедева выпустил электронный диск «По земле Корткеросской», который включает информацию об истории района; легендах и преданиях; основных исторических событиях; истории и происхож-дении географических названий населенных пунктов; об экономике; культуре; памятниках и памятных местах. Диск знакомит с известными, талантливыми людьми. Обширный фотоматериал позволяет получить наглядное представление о прошлом и настоящем района. Автор и составитель Г.Р.Изъюрова.

С помощью краеведческих исследований к 2010 г. в районе зарегис-трировано шесть исторических памятников, три историко-памятных места, четыре исторических здания, 16 обелисков, 64 археологических, 16 архитектурных, один геологический и 9 памятников природы.

Полувековая хроника изучения района отразила процесс трансформации краеведения в самостоятельное движение. Пример: туристско-краеведческое движение «Отечество – Земля Коми», получившее признание в районе.

* * *

1. Чернов А.А. Школьники изучают родной край // Красное знамя. 1959. 20 ноября.

2. Постановление Совета Министров Коми АССР от 27 марта 1964 г. № 127.

3. Бессонов Б.В. Поездка по Вологодской губернии к нефтяным ее богатствам на реку Ухту. С.-Пб., 1908. С. 50.

4. Тарабукин А.А. В селе Корткерос. Музей при Доме пионеров открыт в 1963 г. // Звезда. 1973. 29 сент.; 1974. 22 янв.

5. Большое женское сердце села Корткерос // Звезда. 1975. 22 марта (на коми яз.).

А. Смилингис

Известия Общества изучения Коми края: сборник статей № 14. – Сыктывкар, 2014. – 156-160.

Чтоб любить историю, ее надо знать

Из доклада на районной отчётно-выборной конференции ВООПИиК

Неоднозначные процессы идут в краеведческой работе. О них делится своими размышлениями краевед, директор Корткеросского дома пионеров Анатолий Антонович Смилингис.

В большинстве своем мы плохо знаем свою историю, историю сел, деревень, поселков, мест, где мы родились. Род наш порой исчезает вместе с нашей памятью на третьем поколении. Вещи наших дедов, прадедов мы не задумываясь выбрасываем, перебираясь в новое жилище. Не от этого ли мы, встретив в селе осиротевший памятник, проходим мимо не останавливаясь, не задумываясь. Почему у нас в районе так много заброшенных кладбищ? Что мы знаем о десятках зарастающих тайгою поселках и деревеньках? В них в свое время жили, работали и умирали люди. Сегодня необходимо признать наличие дефицита в знании истории родных мест. Поэтому, наверное, памятники в нашем районе в большинстве своем не уютны и не ухожены.

Выявлением, обустройством, уходом, изучением памятников занимаются организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, активисты этого общества.

Сегодня на территории Корткеросского района взято на учет 76 памятников истории и культуры, в числе их:

– гражданской войны – 1;

– Великой Отечественной войны – 14;

– мемориальных – 15;

– в том числе воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане – 2;

– архитектуры – 13;

– археологических – 23.

За отчетный период в районе выявлено и сооружено 12 новых памятников истории и культуры. В их числе:

памятник Герою Советского Союза А.А.Шевелеву в поселке Мордино,

мемориальный знак на месте дома, в котором родился В.А.Савин,

деревянная часовня конца XVIII века в селе Нёбдино.

Отремонтировано за счет средств бюджета и учреждений здание бывшей школы, которое переоборудовано под музей села.

Членами и активистами общества выявлены новые памятники:

деревянная часовня в деревне Четдино,

отдельные места бывших сталинских лагерей и спецпоселков,

территория первой в районе сельскохозяйственной коммуны – в местечке Теплогорка на реке Лэкчим.

Летом этого года сотрудники Коми научного центра Уральского отделения Академии наук СССР начали работу по паспортизации памятников района. Ими оформлены материалы и составлены научные паспорта на 47 памятников, которые будут использованы для планируемого издания Свода памятников истории и культуры Коми АССР.

На территории Корткеросскогр района 22 археологических памятника. Среди них особое место занимает комплекс стоянок раннего средневековья Шойнаты, недалеко от села Сторожевск, и на реке Угдым, принадлежащие предкам коми народа.

По представлению президиума районного отделения ВООПИиК Корткеросским районным Советом народных депутатов вынесено решение № 201 от 16 июня 1989 года, в котором определены 33 памятника истории и культуры, первоочередно подлежащие реконструкции и благоустройству, закреплены ответственные предприятия и учреждения за выполнением этих работ. Одновременно по району объявлен смотр-конкурс памятников и обелисков, посвященный 50-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Эти материалы имеются в сельских Советах. Необходимо принять участие в смотре всем первичным организациям общества.

Проводится долгосрочная плановая политика по восстановлению памятников района. Поступила проектно-сметная документация на реконструкцию и благоустройство мемориала «Скорбящая мать» в селе Корткерос и на капитальный ремонт Важкурской церкви. В связи с возрождением села Позтыкерес появилась возможность ремонта и Позтыкересской церкви. Нам необходимо определиться по использованию этой церкви в будущем.

Разговоры о ремонте Важкурской, одной из красивейших церквей Коми, продолжаются многие годы. Уже сос-тавлена третья смета. Беда в том, что после ремонта село Важкуръя будет не в состоянии ее содержать. Пример тому здание бывшей Нёбдинской школы, где теперь музей села. На ремонт здания израсходовано более 35 тысяч рублей. Но денег на его содержание и на оплату штатного работника, местный сельсовет оказался не в состоянии найти. Можно добавить, что экскурсии в музее проводятся на энтузиазме ветерана войны и труда Н. Д. Вавилова. Спрашивается: какова роль первичной организации ВООПИиК в этом деле при Нёбдинском сельском Совете? Что нам делать с церковью в Важкуръе? Может, передать ее верующим?

На первое января 1989 года в районе имелось 54 первичных организаций Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры с общим числом 3770 членов. По отчетам получается.что все они шефствуют или ухаживают за каким-либо памятником или обелиском и т. д. Но если посмотреть на состояние наших памятников в районе, то это звучит неубедительно. Возьмем для примера памятник пи-

сателю М. Н. Лебедеву в Корткеросе, над которым шефствует Корткеросская средняя школа, или мемориал «Скорбящая мать» в Корткеросе, шефы которого – Корткеросская сплавконтора. Шефы находятся рядом с мемориалом. Подошедшему человеку, ничего здесь не говорит о каком-то уходе, обустройстве. Засохшая трава, неухоженность. Зимой близко не подойти. Мы почему-то все реже вспоминаем, что с этого места 48 лет тому назад уходили на войну лучшие люди села. Ушли и не вернулись.

Обелиск В. И. Ленину стоит во дворе Подъельского санатория. История обелиска окружена легендами. Но в каком он состоянии? Каждый день мимо обелиска проходят люди, проходят, не замечают, недалеко от этого места находится неухоженная могила коми поэта И. Чисталева (Жан Морцс).

Стоит сегодня проехать по населенным пунктам района, и никакие отчеты, рапорты о шефстве над обелисками, о патриотической работе не оправдают занесенную снегом память нашу.

В поселке Подтыбок находится могила погибшего в Афганистане солдата Николая Вьюгина. Подтыбокский сельсовет ограничился выделением денег на обустройство могилы семье погибшего. Один из отрядов пионерской дружины Подтыбокской средней школы, не посоветовавшись с родителями, присвоил себе имя погибшего солдата, но ухаживать за могилой не стал. Главное, и те и другие не сумели или не захотели охватить вниманием и постоянной заботой родителей погибшего. Этого не скажешь о членах первичной организации общества при Мординском сельском Совете. В Мордино находится могила погибшего в Афганистане Ивана Шевелева. За могилой шефствуют служащие сельского Совета. Ими же сооружен обелиск, постоянной заботой и вниманием окружена мать погибшего солдата.

Архивные документы являются наиболее ранимыми памятниками духовной культуры. Их трудно сохранить для будущего. Они боятся солнца, клея, сырости, огня, кнопок, неаккуратных рук и даже отсутствия к ним внимания. Обидно листать альбом, в котором подлинные фотографии, документы намертво приклеены силикатным клеем, рассматривать стенд, на котором подлинники грубо приколоты металлическими кнопками и от дневного света начинают выцветать. Такое я видел в мемориальном музее С. И. Королева в Подтыбокской средней школе. Случается, что собранные с таким трудом документы исчезают, теряются. Так, потерялись фотографии, рассказывающие о делах первых комсомольцев района. Исчезла бережно хранимая рукописная книга времен Петра Первого с хроникой села Пезмег. «Уплыла» летопись Нившерской церкви. В свое время сгорела летопись Лопыдинской церкви. Сегодня уже не найти многих семейных архивов.

В каждом селе, в каждом доме принято хранить фотографии членов семьи. Со временем здесь скапливаются фотографии нескольких поколений, своего рода летопись рода. Как правило, молодые потомки,

переселяясь в новый дом, оставляют эти фотографии. В лучшем случае забирают с собой 1– 2 фото, тем самым разрушая генеалогическую память рода. Естест-венно, историю можно постигать и изучать, сидя в архивах. Но кто же возьмется собирать и сохранить исчезающие семейные архивы на рубеже наступающего нового тысячелетия?

Вещи-памятники окружают нас в быту, на работе. Ко многим из них мы привыкаем и считаем их обыкновенными. Но все они характерны только для определенной эпохи Многие из них связаны с определенными событиями, конкретными личностями. Сегодня многих свидетелей борьбы за власть Советов нет в живых. Память о них хранят их вещи. Хранят пожелтевшие фотографии, личные документы память о революционном матросе С.И.Королеве. Их можно увидеть в музее Подтыбокской средней школы. Память о войне хранят письма-воспоминания, личные вещи Героя Советского Союза А.А.Шевелева в школьном музее с.Мордино. К сожалению, большинство таких вещей – памятников эпохи, отслуживших свое, выбрасывается на свалку. Нужна помощь граждан.

Несомненно, это делается. Но работают только отдельные активисты. Хочется отметить руководителя кружков Сторожевского Дома пионеров Королеву Людмилу Николаевну, которая в походах собрала большой и интересный материал о культовых постройках (церквях) на территории Корткеросского района. Собранные Людмилой Николаевной материалы имеют большое практическое значение, они наглядно фиксируют сегодняшнее состояние и отношение общественности к прошлому района. Она вместе со своими школьниками зарисовала и сфотографировала архитектуру церквей не только нашего района, но и республики.

При Нёбдинской восьмилетней школе ряд лет работает клуб «Поиск-2», которым руководит учитель математики Евстолия Егоровна Савина. В ходе поиска составлена родословная поэта В.А.Савина, найдена его неизвестная фотография, собран большой документальный материал о родных и близких поэта.

Библиотекарь Богородской библиотеки Тамара Ефимовна Калистратова (теперь она на пенсии) собрала прекрасную коллекцию предметов быта односельчан. Здесь старинная домотканная одежда, расписные прялки, домашняя утварь. Спасибо ей. Спасибо за дело сохранения памяти о людях, изготовивших эти вещи.

Много лет собирает материалы по истории родного села учитель Маджской восьмилетней школы Галина Николаевна Потапова. Благодаря ее поиску можно узнать о первых маджских красных партизанах. Об их партизанском знамени. О дальнейшей судьбе этих людей.

История Корткероса богата культурными традициями. В селе жили и работали Каллистрат Жаков (известный ученый), учителя А.Суханова, О.Родева. Здесь в 1919 году состоялась премьера первой коми оперетки М.Н.Лебедева «Мича ныв». 50 лет прожил Лебедев в Корткеро-

се. Здесь он похоронен. К 100-летию со дня рождения поэта на его могиле сооружен памятник.

Продолжением традиций явились торжества в честь 100-летия со дня рождения основоположника коми социалистической литературы В.А.Савина.

В селе Нёбдино, где родился поэт, установлен памятный знак. В отремонтированном здании старой школы открыт музей поэта. Сбор экспонатов для музея вместе со школьниками проводил активист общества Н. Д. Вавилов. В дни празднования юбилея Нёбдинской восьмилетней школе присвоено имя поэта и писателя Виктора Алексеевича Савина.

Торжественно отметили свои столетия Вомынская восьмилетняя, Сторожевская и Мординская средние школы. При всех школах-юбилярах созданы музеи. Мординской средней школе присвоено имя Героя Советского Союза Антона Антоновича Шевелева. Во дворе школы установлен бюст героя. Особенно отличились в подготовке и проведении школьных праздников активисты общества: А.А.Каракчиев, бывший директор Вомынской восьмилетней школы, супруги Коюшевы, Раиса Дмитриевна и Станислав Николаевич, недавно работавшие в поселке Мордино.

На территории района вдоль берегов Вычегды, Вишеры, Лэкчима, в многочисленных деревнях и селах расположены деревянные постройки, избы, бани, амбары, представляющие собой комплекс деревянного зодчества (архитектуры) Севера. Больше в мире подобного нет. Такой тип построек становился столетиями и в формировании его принимали многие народности. Сегодня настала необходимость выявления и взятия на учет наиболее характерных построек с последующей охраной их.

Необходимо продумать, как будет использоваться в будущем здание районного узла связи в Корткеросе. Здание связано с событиями становления Советской власти в селе. В нем состоялось организационное собрание сельской ячейки РКП(б). После перехода узла связи во вновь построенное здание в старом можно было бы разместить районный музей. В нынешнем музее для расширения экспозиции, хранения фондов мест нет.

Исполком райсовета, президиум районного отделения ВООПИиК, отдел культуры района несколько раз обращались в областной совет ВООПИиК с просьбой о выделении средств для ремонта здания под музей, для сооружения памятного знака в связи со 100-летием В. А. Савина. Денег район не получил. Таким образом, средства на сооружения памятного знака и ремонта музея были привлечены от предприятий, организаций и за счет бюджета. Также были в районе найдены средства на сооружение памятника Герою Советского Союза А.А.Шевелеву в пос.Мордино, на празднование 50-летия района, на памятные медали, значки, буклеты и т. д. За счет средств предприятий, учреждений и исполкомов на местах только за два последних года на ремонт и стро-

ительство новых памятников израсходовано более 120 тысяч рублей. По этой причине коллективные взносы от предприятий и учреждений не собирались. Трудящиеся района не будут отказываться от взносов, если они будут до единого рубля знать, на какие цели эти деньги будут израсходованы. Хорошо было бы, если районный совет общества мог это сделать заранее, до начала сборов членских взносов.

Необходимо признать сегодня, что многие члены совета, президиума работали недостаточно, они не смогли улучшить работу с памятниками. Причины здесь могут быть следующие: слабые познания отдельными лицами истории родного края, незаинтересованность в деле, занятость на основной работе. Главным недостатком в работе являеся слабая пропаганда исторического наследия нашего района, незнание истории сел, поселков, деревень, незнание истории предприятий, незнание жизни и дел выдающихся людей района, незнание истории своего народа. Новому составу совета пропаганде исторического наследия необходимо придавать приоритетное значение.

Новому составу районного совета Общества охраны памятников истории и культуры необходимо провести коренную перестройку форм и методов работы на основе принципов самоуправления, гласности, учетов мнения населения, поддержки инициативы первичных организаций, активистов. Необходимо добиться систематического ухода за каждым памятником, их использования в целях познания истории родных мест, воспитания патриотических чувств у молодежи. Новому совету необходимо добиться издания, через газету или другим способом, своего информационного бюллетеня, в котором регулярно извещать население района о работе общества.

Не все члены президиума должным образом относились к своей работе, к своим обязанностям. А.С.Кулаков присутствовал только на двух заседаниях президиума. В.И.Казаков из-за загруженности на работе не мог уделять время для работы в президиуме. Часто из-за неявки членов случались срывы заседаний. Недостаточно члены президиума контактировали с первичными организациями общества. За отчетный период из 9 членов президиума выбыли: Г.В.Федоров, В.А.Романов, Г.Р.Унгефуг, М.В.Тебеньков. Необходимо в новый состав избрать активистов, менее загруженных на своей работе.

Новому составу президиума необходимо перестроить свою работу, чтобы общество получило признание у всех слоев населения района. Для этого необходимы постоянные контакты с первичными организациями, доведение всех проводимых дел до каждого жителя района, опросы мнения населения по тем или другим мероприятиям, оказание помощи и содействия познанию истории населенных пунктов, предприятий и учреждений района, целенаправленная работа вокруг всех памятников истории и культуры района.

А. Смилингис

Звезда, 1989, 21 декабря

А ты знаешь свой родовой знак?

Старожилы верховья Вычегды и бассейна Вишеры до сих пор помнят о своих родовых пасах.У каждого хозяина были свои знаки, которые рассказывали о нем самом.

О родовых пасах писали ученые, историки. Скажем, Н.Д.Конаков писал так: «после ночевок в охотничьих избах в верховьях Вычегды, охотники оставляли на столах кусочки бересты со своими пасами. Делалось это для того, чтобы хозяин знал, кто отдыхал в его избушке».

Этнограф Л.С.Грибова, которая много лет изучала прикладное искусство коми, считает, что родовые пасы использовали как обереги. Скажем, на посуде пасы предотвращали еду от порчи и т.д.

Большинство ученых пишут о коми пасах, как об ушедшей традиции. Известно, что коми использовали их уже очень давно, со времен язычества. Может быть с пасами связана каким-то образом и первая коми азбука, созданная Стефаном Пермским в 14 веке.

Прошли века. Сегодня население верховьев Вычегды и бассейна Вишеры пользуются пасами крайне редко. Но даже иногда можно встретить предметы с пасами или услышать рассказы о них от сельчан. Педагог дополнительного образования Корткеросского Дома пионеров Л.Н.Королева, которая работает над изучением и возрождением коми традиций, со своими учениками побывала в экспедициях в селах района и описала более 130 пасов.Некоторые из них представляем вниманию читателей. Все пасы сделаны хозяевами – информаторами. Тем, кто хочет больше узнать историю своего села или рода, возможно, будет интересно. А если кто помнит родовые пасы, или дома имеются предметы с пасами, просьба сообщить об этом в редакцию газеты.

Нужно отметить, что раньше пасы использовались не только для обоз-начения родовой принадлежности, но и делались отметки в деревянном календаре(святцы) праздников, начала полевых работ и т.д.

А вот что писал о пасах на деревьях П.И. Савваитов: «Во время охоты в дремучем лесу зырянин брал с собой компвс, но чтобы не заблудиться и отметить свои охотничьи угодья он топориком делал на деревьях отметки».

Очень мало изучены родовые и семейные пасы, но одно ясно: пройдя сквозь века, русификации (после Ст.Пермского в Коми все книги были на русском языке, службы в церкви также шли на русском) пасы не исчезли. Их знали и использовали охотники, крестьяне, мастеровые.

С целью изучения пасов в январе этого года выезжали в село Вомын. Многие жители этого села знают и помнят о них. Это обнадеживает, что пасы станут неотъемлемой частью народной культуры коми. Наши предки пользовались ими веками и без бумаги и пера передали через них информацию будущим поколениям.

А. Смилингис

Звезда, 1998, 17 марта

ТШАМЬЯ – ЛАБАЗ – АМБАР

Амбары на столбах, как и охотничьи избушки с лабазами (лабазами принято называть тшамья), составляют с собой круг интересных, оригинальных, самобытных и неизученных произведений народного деревянного зодчества.

Амбар представляет собой сруб без окон, поставленный на столбы. Для защиты припасов от грызунов. Амбары ставили на четыре столба с грибовидной подрезкой, а чаще в виде простых столбиков [2].

Тшамья – лабаз (кладовая при охотничьих избушках на высоких стойках); происхождение названия неясно [3]. В прошлом тшамья служило культовым сооружением на культовых местах. Святой Стефан Пермский искал идолов пермяцких в «привежках», т.е. в постройках при «вежах». Такими постройками могли быть у пермян, как и у современных вогулов, легкие чомы или чомји.

Представляющие священные амбарчики (тшамья) на одной-шести опорах, сделанных из колотых плах [4]. Более раннее время (во второй половине I тысячелетия нашей эры) у таежных племен Западной Сибири существовали особые культовые сооружения, соотносимые с амбарчиками – сумьях. Амбарчики наиболее характерная деталь мансийских святилищ. Амбарчики для хранения изображений «духов» известны у южных соседей угров – Барабинских татар.

Культовые амбарчики на одной опоре называли Ур, ура, на трёх и более опорах – сумьях (пубы-сумьях). На нижней Конде известно название урэп-сумьях (амбар духа покровителя). В Вагильске такой же амбарчик называли попи-сумьях. Сынские ханты называли амбарчик на одной опоре, где хранились изображения людей, умерших неестественной смертью, ура-хот [5].

Родоплеменные священные амбарчики – сесанг, стоящие в «святых местах» и связанные друг с другом кровным родством [6], в которых деревянные фигурки, завернутые в одежду, напоминают изображение умерших, хранились в небольших амбарчиках (ура) возле кладбища [7]. Алексей Иванов [8] пишет об амбарчике того времени (тшамья): «Небольшой огороженный двор был утыкан черными идолами. Кривая игла месяца висела над кровлей маленькой чамьи, громоздившейся посреди двора на двух высоких столбах... сооружение из брусьев и спиц, перемотанное сыромятными ремнями».

Географ, писатель Бессонов посетивший в конце XIX в. реку Више-

ра (Корткеросский район), так описывает тшамью (чулан): «Он ставится на очень высоких столбах, выше роста человечес-кого, подтесанных вверху так же, как и ножки амбара; чулан – очень низенький, плоский, тоже с крышей на один скат; в полу одна или две доски выдвигаются в сторону, а между четырьмя его ногами ставится коротенький столб. Вы выдвигаете доски из полу, становитесь на этот столб и тогда ваша голова и плечи попадают в чулан, и вы можете взять что нужно. Чуланы обыкновенно не запираются и попавший в «керку» может воспользоваться его содержимым, достанет там и котелок, и чашки, и спички, но так как вещи эти здесь для промышленника имеют совершенно не то значение, как в какой-нибудь деревне, а действительно иногда от них и самая жизнь его зависит, то эти условия сами собой выработали и особое отношение к ним, так что о случаях пропажи вещей из этих чуланов здесь не слышно» [9].

Этнолог Н.Д.Конаков отмечает, что «...охотничья «тшамья», вероятно, была чисто промысловым изобретением. Под этим названием на Сысоле, Вычегде и Печоре была известна кладовая для припасов и дичи несколько меньших размеров (1,2-1,5 х 1,2-1,5 м), на четырех или на одной высоких опорах. «Тшамья» представляла собой сруб из тонких еловых, очищенных от коры бревен, в пять-шесть венцов.

Крылась она в один скат колотыми досками в два слоя, потолок не делался. Сверху доски крыши укреплялись двумя положенными поперек жердями, концы которых были связаны вицами с выступающими концами слег. Внутри имелось два-три яруса полок. Дверь отсутствовала, а ее роль выполняла выдвижная доска в полу. В качестве опор-столбов часто использовали пни от деревьев, специально срубленные для этой цели на высоте от 1,5 до 2,5 м, ошкуренные, а иногда обтесанные для придания грибовидной формы.

Специальной лестницы обычно не изготавливали, а ставили между опорами короткий столбик, встав на который и отодвинув доску-дверь внизу, можно было по плечи попасть внутрь» [10].

На Вишере охотничьи тшамьи удалены от охотничьих изб и находятся в глубине леса («от чужого глаза»). Тшамьи сох-ранили свою первоначальную древнюю форму. Если в охотничьих избах хранятся посуда, инструмент, папиросы, спички, сухари, чага (березовый гриб для заварки чая), одежда, шкуры; перед лесными избами располагаются кострища, чуть дальше – место амбара. В тшамье вишерские охотники хранят орудия промысла и другие более «ценные вещи». Здесь каждый охотник располагал своими, из рода в род переходящими промысловыми угодьями, куда под страхом расправы не мог вторгаться никто другой, даже односельчанин. В своих угодьях охотник имел одну-две, а то и несколько избушек для отдыха (вӧр керка) и построенные на столбах амбарчшси (шамя) для хранения припасов и добычи [11].

Судьба лабазов (на Вишере – тшамьи) сложилась иначе. Их не приспосаб-ливали к новым нуждам, не перестраивали, не ремонти-

ровали, а рядом строили новые. Поэтому они сохранили древнейшие первоначальные архитектурные формы.

В Вишерских селениях Корткеросского района в качестве элемента народного зодчества большой интерес представляет амбар (жытник). Амбар – предок древнего жилища – чом [12]. Это небольшой сруб площадью 3х3 или 3х4 метра, высота его всего 8-10 венцов. Как правило, амбар покрывается двухскатной крышей на фронтоне. Доски крыши сверху прижимают охлупнем. Односкатные крыши теперь редки, но в прошлом, особенно на охотничьих амбарах (тшамья), кровля была в основном односкатная.

С развитием земледелия чом был приспособлен под амбар (жытник) для хранения зерна, муки и других продуктов.

Поэтому строители стремились установить их так, чтобы обезопасить от грызунов. Охотники в лесу нередко укрепляли их на высоком, до 4-х метров, толстом столбе и сами проникали в них по приставной лестнице, изготовленной из бревна, на котором делались зарубки в качестве ступенек. В деревнях на такую высоту амбары не поднимались, так как трудно до них добираться, но подпорки высотой от 0,5 м до одного метра были обязательны. Устройство этих опор довольно разнообразно. Наиболее характерными и распространенными из них являются грибовидные. Опорный столбик подтесывается конусом так, что напоминает собой гриб или перевернутую кверху дном ступу. Реже встречаются опоры, имеющие двусторонние затесы, и совсем редко – просто круглые. В западных районах встречается еще один способ: на землю кладется один венец сруба, а на него на каждый угол устанавливаются вертикально полуметровые бруски. А уже на них укрепляются горбыли плоской стороной вниз, на которых и стоит сруб амбара.

Крыша амбара всегда имеет большой навес над входом. Перед дверцей – площадка для удобства проникновения в помещение. Очень своеобразна лесенка перед амбаром. Она состоит из нескольких (3-5), врытых в землю ступеньками понижающихся чурбаков. Реже встречается лесенка из бревна с зарубками. Стоят в деревнях амбары или против домов на противоположной стороне улицы или проезда, или же выносятся группами в сторону от жилья, что, говорят, безопаснее на случай пожаров [13]. Амбары, как и чомьи не ремонтируют, не перестраивают к новым нуждам, поэтому те, которые уцелели, сохранили свои подлинные формы гораздо лучше, чем избушки. Если не считать некоторых малосущественных утрат (отдельные тесины кровли, шелома или дверцы), то можно признать, что они дошли до наших дней вообще без изменений [14].

Можно предполагать, что амбар на столбах – возможно, дошедшая до нашего времени форма древнего дома, когда люди свои жилища вынуждены были строить на болоте или на воде.

А вот мимо лабаза (тшамьи) равнодушным уже не пройдешь, даже если представить себе, что он стоит где-нибудь на скучном пусты-

ре. Это сооружение настолько оригинально и необычайно и по-своему красиво, настолько далеко от чуждых влияний, подражательной суетности и претенциозности, настолько его формы чисты, пропорциональны и грамотны и, наконец, настолько ярко олицетворяет самобытную лесную культуру наших предков, что рядом с ним стоишь как завороженный. И не в них ли заложена великая тайна созидания прекрасного? Та, которая скрыта в сокровищах народного зодчества и еще не стала достоянием нашего современника [15].

В деревянном зодчестве Севера есть немало высокохудожественных произведений, не тронутых поздними влияниями, на которые можно смотреть без конца, и чем дольше в них вглядываешься, тем больше находишь совершенства, тем полнее раскрывается безупречность этих прекрасных творений народа.

В этот высокий ряд с полным правом можно поставить и охотничий лабаз (тшамья) это простейшее сооружение, которое по своей природе призвано не красоваться перед людьми, а прятаться от них. Тем не менее, оно сделано так, что от него глаз не отвести! Есть над чем задуматься и чему поучиться [16].

Литература и источники

2. Рощевская Л.П. Архитектура и строительство в Коми крае в конце XIX -начале XX веков. Очерки истории. Сыктывкар, 2005. стр.21.

3. Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь. Сыктывкар, 1999. стр.289.

4. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начало XX в. Новосибирск, 1986. стр.186.

5. Там же. стр.80, 81,122.

6. Там же. стр.35.

7. Там же. стр.55.

8. Иванов А. Сердце Пармы. М, 2003. стр.134.

9. Безсонов. Поездка по Вологодской губернии к нефтяным ее богатствам на реку Ухту. СПб., 1908. стр.48.

10. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – в начале XX в. М., 1983. стр.43,44.

11. Исторко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 5. стр.72.

12. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка Сыктывкар, 1999. стр.309.

13. Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище Коми АССР. Сыктывкар, 1971. стр.69-70.

14. Ополовников А.В. Указ. соч. стр.241.

15. Там же. стр.239-241.

16. Там же. стр.289.

Л.Н.Королева, А.А.Смилингис

Известия Общества изучения Коми края, Сыктывкар, 2007, №1(10).– С.9 – 12.

Легенда «Кӧрт Айка» на фоне событий прошлого в истории Перми-Вычегодской

Пермь-Вычегодскую, территорию нынешнего Корткеросского района, за два столетия до Стефана Пермского открыли новгородские землепроходцы.Собирая дань по Вычегде, Печоре новгородские дружины добирались до Урала, Сибири.

Новгородцев интересовала пушнина «мягкое золото», которую поставляли в заморские земли. Для снабжения дружин в далеком и долгом пути имелись заставы. Не исключено, что одна из таких застав находилась в окрестностях Корткероса (Рядом с селом протекает ручей Дань керан шор. Ручей сбора дани). По берегам которого, в прошлом находили древние монеты. [1]

Предприимчивые новгородцы, обнаружив здесь легкоплавкие болотные руды, попутно наладили добычу железа [1]. Вероятно, этим занимался мастер-иностранец, прозванный местными коми – Корт Айкой (Железным свёкром) [2]. Сохранились сотни углежогских, чудских ям в окрестных борах Кортяга (Железного леса), Шор яга, урочища Теребей. Великоустюжские купцы, пригнавшие сотни крепостных более 250 лет тому назад на Сысолу построив три чугунолитейных завода, плавку металла начали не на пустом месте [3]. Они знали места древних разработок руд.

Озеро Кортовское с протекающей через него рекой Ки было удобным местом для гавани, плавки железа, ковки гвоздей, ремонта и строительства новгородцами кочей, места, где располагалась доисторическая деревня Кортовская (Гвоздевая).

В это время, после победы на Куликовском поле крепнет Великое княжество Московское. Князь Дмитрий Донской, расширяя владения, направляет на Вычегду Стефана Пермского с людьми. В 1380 году Стефан обосновался в Устье Выма. Здесь он построил укрепленный городок, ставший центром христианизации Перми-Вычегодской. Воинские люди Московского княжества наряду с новгородцами начали сборы податей на новых московских землях. Возникли конфлик-

---

1. Информатор Вишератин Николай Андреянович, до Великой Отечественной войны, ниже нынешнего моста через реку Вычегду нашел старинную кольчугу.

2. М.Н. Лебедев в своих произведениях не указывает национальность Корт Айки. (А. С.)

3. Смилингис А.А. Из истории горно-рудных промыслов на территории Корткеросского района/ Геология и минеральные ресурсы Европейского Северо-Востока России. – Сыктывкар, 1999. Т. 4, С. 279.

ты с Новгородом, считающим земли Перми Вычегодской своей вотчиной [4].

Военное противостояние Москвы и Новгорода продолжалось долго. Московские люди благодаря активной поддержке церкви оказались более выгодном положении. Новгородские владения, заставы Перми Вычегодского края были обречены.

К сожалению, дошедшие до нас письменные фрагменты, оставив после себя отрывки из разрозненных памятников, сегодня не способны восполнить пробел в знаниях того времени. В местной памяти, несмотря ни на что, все же находят место событиям периода не всегда мирной христианизации коми язычников, бурной эпохе 14 столетия. В людской памяти до летописной истории сохранился образ Стефана Пермского – укротителя, разбойника и грабителя Корт Айки (по коми Кӧрт Айка) давшего начало селению Корткерос.

В местном варианте легенды, бой на котором Стефаном Пермским был уничтожен «разбойник» Корт Айка состоялся у Корткероса в местечке Разбой гу (Ямы побоища). Историк Михайлов А. И. укрощение Стефаном Пермским разбойника Корт Айки относит к 1386 году. (Вологодские губернские ведомости 1857 г. No7 «Сказание о трудах Святого Стефана»).

Сегодня на месте Разбой гу – распаханные поля, отдельные, заросшие ивняком ямы бывшего кирпичного производства. Здесь издавна находимы клады. Автор в 1950 году видел у местного лудильщика самоваров глиняный горшок с медными монетами, найденный в местечке Разбой гу.

Об отсутствии исторической [5] (летописной) памяти у коми-зырян писал с чувством глубокого сожаления Иван Куратов: «В пустыне зырянской истории, как оазис, являются только события последней четверти 14 столетия, времена Стефана Великопермского и принятия зырянами христианства... Указанные события были весьма важны в свое время; они нашли своих летописцев. Жизнь Стефана описал Епифан. Один из премудрых своего времени России мужей» [6].

Епифан Премудрый в своем описании деятельности Стефана Пермского, сопротивление язычников передает через диалог Святителя с колдуном и жрецом Пам сотником [7].

Часть исторической памяти об этом времени отложилась в местных преданиях о само погребенной чуди (людей не принявших христианства) и своих героях. В районе известны, чудские городища: Чудь кар, Чудь мыльк, Чудь гу.

---

4. История Республики Коми / 7-11 классы. Учебник для общеобразовательных учебных заведений / – М. 2000. – С. 94.

5. Микушев А. На таежных просторах. – М. «Современник» М.,1986, С. 13.

6. Куратов И. А. Художественной произведенияс. – Сыктывкар. 1939, т. 1, с. 250-251.

7. Святитель Стефан Пермский /Житие/-СПб. 1995, с. 123-147.

Герои преданий: Корт Айка, Юрка, Тюве, Пам сотник. Герой преданий Пам сотник (сотник – новгородское воинское звание), потерпев поражение в споре со Стефаном Пермским, уходит из Княжпогоста. Какое-то время проживает на Вишере. Оттуда совершает вооруженные набеги на владычный город Усть-Вым. Но неудачно. По одному из преданий Пам сотник, неисправимый язычник со своим родом вынужден был уйти на Обь, где впоследствии возникли Алтымские юрты [8]. Сохранились варианты легенд о маджском силаче Юрке и вишерском предсказателе Тювэ (коми-Тювӧ).

В одной из легенд, о взимании дани проплывающих судов мимо Корткероса, говорится: «Через всю ширину реки, по течению её, ниже села Корткероса, была протянута железная цепь, на конце которой висел колокол для сигналов ночной стражи Корт Айки. Этот караул ежедневно назначался по обе стороны Вычегды» [9].

Легенду «Корт Айка – «Железный свекр» опубликовал в Усть-Сысольске в 1910 году писатель М.Н. Лебедев. Суть легенды: Одетый в железо человек, до прихода Стефана Пермского строит железную избу, кует железную цепь, перегородив которой Вычегду берет дань с проходящих судов. Грабит. Появляется Стефан Пермский, осеняет его крестом. Корт Айка замертво падает на землю [10]. Легенду Лебедев заканчивает словами: «В Усть – Сысольском уезде и теперь существуют названия,указывающие на связь с памятью о Корт Айке. Так, например, есть село Корткерос (коми-Кӧрткерӧс) – железная гора, «Корт-яг» (Кӧрт яг) – железный лес, «Корт-ты» (Кӧрт ты) – железное озеро, «Корт виам» (Кӧрт вийам) – железный пролив. Около этих мест по преданию жил во времена Стефана могучий чародей и разбойник Корт Айка».

Корт Айка – грабитель и колдун, железных дел мастер. Кого грабил Корт Айка? Для кого он добывал железо? Населенные пункты на Верхней Вычегде тогда отсутствовали [11]. На отдельных починках не наживешься. Да и грабить там нечего. Торговыми перевозками пушнины, занимались вооруженные отряды новгородских ушкуйников. Новгородские войны быстро бы добрались до Корт Айки, попробуй он им помешать.

Московские сборщики пушнины, воинские отряды осваивали новые территории. Корт Айка был человеком Великого Новгорода. «Разбойник и чародей» Корт Айка в возникшем конфликте с Новгородом был укрощен Святым Стефаном. Автор книги «На земле Кӧрт Айки» Панюков А.А. [12] считает: «Предание о Кӧрт Айке имеет под собой

8. Марков Сергей. Земной круг/. В лесах великой Перми. – М. 1971, С. 126.

9. Е. В. Кичин. Корткерос. Зырянское селение / Зыряне и Зырянский край в литературных документах 19 века. – Сыктывкар, 2010. – С. 309.

10. Лебедев М.Н. Корт Айка – Железный свекорь. – Усть – Сысольск, 1910.

11. Документы по истории Коми – Сыктывкар, 1985.

12. Панюков А. На земле Кӧрт Айки. с. Корткерос – 2002, С.7.

реальные события. Кӧрт Айка – разбойник и кузнец ... Кӧрт Айка перегородив цепью Вычегду останавливал купеческие караваны, грабил их, топил людей ... человек пришедший в эти места еще до христианизации Перми-Вычегодской т.е. до прихода Стефана Храпа» (Стр. 7). В местных вариантах легенды о Корт Айке, говорится как о пришлом одетом в железо человеке.

Исследователь Туркин А. И. [13] название села Корткерос связывает с древней добычей железа: «Рядом с селом есть Кортяг (Железный лес), Кортты (Железное озеро), Кортвисполой (железная протока), с.Корткерос же обозначает – Железная гора». Он считает, что в этих местах существовал центр древней металлургии. Указанные им сведения относятся к более древнему историческому периоду местности.

Трудно согласиться о мирной без сопротивления со стороны язычников, христианизации Перми-Вычегодской: «Стефан не щадил идолов, обращаясь с ними как живыми врагами. Он обрушивал секиру на сосновое темя лесного бога, отсекал ему руки и ноги, повергал на землю, метал останки на огонь, а пепел развевал по белому мхуягелю...» [14].

Жители, не принявшие христианство, ушли. Прошли века. В памяти народной ушедшие трансформировались в чудь.

Через четверть тысячелетия в историческом пространстве впервые упоминается деревня Кортовская (гвоздевая) в Переписной книге 1646 года «на усть курьи». Один двор, в которой жил с детьми Казаков. Фамилия в населенных местах Вычегды не встречающаяся, что позволяет предполагать, о потомке служивых, оставленных людьми Стефана Пермского после ликвидации Корт Айки [15].

Тема противостояния язычества христианству свойственна в дореволюционном творчестве М.Н. Лебедева. До легенды о Корт Айке, в 1902 выходит его повесть Бур-Ань. В 1907 – году историческая повесть «Последние дни Перми Великой». В них Лебедев не приносит, в фольклорный сюжет языческих и христианских мотивов.Они существуют в самом фольклоре коми, являются самой сутью отраженного в нем мировоззрения [16].

В легенде М. Н. Лебедева о Корт Айке отражен этап борьбы Московского княжества против Новгорода, за овладение северными территориями. За искоренение язычества.

В вооруженное противостояние были вовлечены не только Пам сотник, вогулы, как пишут летописи, но и разбойники, язычники, идолопоклонники. Летопись, сообщившая о кончине Стефана Пермского отметила, что он жил: «посреде неверных человек, ни Бога знаю-

13.Туркин А. И. Кӧні тэ олан? – Сыктывкар. 1977, С. 48.

14. Марков С. Земной круг/ В лесах Великой Перми. – М. 1971, С. 126.

15. Документы по истории Коми. - Сыктывкар, 1985, С.190.

16. Плеханова М.Г. Идейно - художественные особенности дореволюционной прозы М.Н. Лебедева /Автореферат. СГУ.1996

щих, ни закона ведящих, молящеся идолам, огню, и воде, и камню, и Золотой Бабе, и волхвам, и деревью» [17]. Христианизацию Перми-Вычегодской продолжили Пермские епископ-последователи Стефана: Герасим, Питирим, Иона, как показали события, процесс затянулся и был далеко не мирным.

А. Смилингис

Лебедевские чтения: материалы и доклады. – Корткерос, 2012. – С. 30-34.

Загадки здешних мест

В названия окрестностей села Корткерос входит слово «железо» (по-коми «корт»); Кортъяг (железный лес), Кортвис (железная протока), Кортты (железное озеро). Сохранилась легенда, упоминающая железного, одетого в железо человека – Корт Айку, от которого и, говорят, произошло название нынешнего села – Корткерос.

С запада, северо-запада к Корткеросу примыкают территории бывших лиственничных боров. Когда-то, Кортъяг состоял из корабельных лиственниц, вырубленных незадолго до Первой мировой войны. Лиственница тонет в воде. Поэтому заготовленные бревна вывозились в Усть-Сысольск, где их загружали на баржи и отправляли в Архангельск. Сегодня, при внимательном осмотре, здесь можно обнаружить обгоревшие лиственничные пни.

Кортъяговские боры, вернее, их остатки, простираются и вдоль старой додзьской дороги, до самого Додзьского болота и далее.

В грибную пору в этих местах много любителей третьей «тихой» охоты – грибников. Боры примечательны не только грибами, но и своими тайнами. В этих местах люди жили издавна, что подтверждают найденный учащимися у озера Верхнее Кияты кремневые наконечники, которым три тысячи лет. Недалеко от этого места обнаружен и бивень мамонта.

Загадка здешних мест – многочисленные ямы искусственного происхождения. Они встречаются по всей территории боров. Расположены в одиночку и группами. Встречаются они в наиболее высоких участках леса, на песочных террасах. Ямы прямоугольные. Длина их 4-8 метров, ширина-5-3 метра. Глубина некоторых достигает до 1,5 метра. Только в окрестностях бывшего аэропорта их более сорока штук.

Осенью этого года, изучая территорию боров вдоль старой додзьской дороги, сразу за мостом через ручей, вытекающей из Додзьского болота, мы с учащимися обследовали 19 вновь обнаруженных ям. Они простираются по направлению на север вплоть до реки Кияю. На

17. Полное собрание русских летописей. т.V. стр. 25

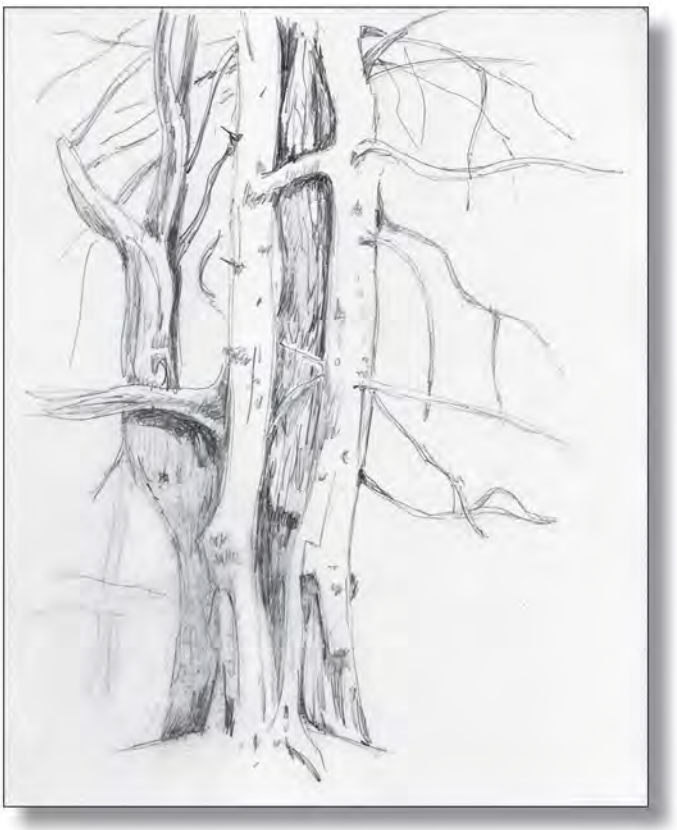
некоторых ямах сохранились остатки сгнившего деревянного сруба. Возраст этих ям, по нашим подсчетам, составляет не менее 200 лет. Западнее (примерно километр) мы обнаружили ряд таких ям, простирающихся вдоль болота.

Если в ямах жгли уголь, то возникает вопрос: куда он шел? На Нювчимский завод? Но это далеко. Уголь для выплавки железа можно жечь и поближе, чем возить его издалека.

Возникает вопрос: не плавилась ли железная руда где-то в окрестностях Корткероса? Ведь кроме подобных ям в этих местах, у самого болота, в борах у реки Кияю сохранились ямы, которых люди называют чудскими. Они округлые, побольше размерами и поглубже, то есть стоянки древнего человека. Может, в те времена и было положено начало выплавке железных руд, продолжавшихся и в более поздние времена?

А. Смилингис

Звезда, 2003, 30 декабря



Возможно, на этом месте язычники проливали жертвенную кровь

Одно из самых загадочных мест в Коми расположено всего в трех километрах от райцентра Корткерос, рядом с речной протокой Вычегды – Кэртвис. Здесь какой-то неведомый «садовник» собрал воедино самые причудливые «букеты» из деревьев...

Загадочный треугольник

В треугольнике, ограниченном рекой Вычегдой, старым почтовым трактом и дорогой на «дойку» (бывший доильный пункт местного совхоза), плотными рядами стоят удивительные деревья самых разных пород – сосны, ели и пихты. Многие деревья тут срослись друг с другом не только ветвями, но и стволами, образуя фантастические конгломераты. Так, из мощного ствола ели вдруг прорываются вверх ветви... сосны.

У других же деревьев стволы согнуты в разных направлениях, зачастую под невероятными, почти прямыми углами. А на ветках – так называемые «ведьмины метлы» – необычные наросты в форме метелок...

Возраст этих исполинов – примерно 300-400 лет. Но как же случилось, что, к примеру, береза срослась с елью, а пихта – с сосной?

Чтобы покойники не вернулись

Журналист, писатель, один из первооткрывателей рощи Виктор Демидов происхождение причудливых деревьев связывает с древними языческими верованиями.

– Каждое дерево несет память, – пишет он. – Их высаживали там, где сходились границы родовых промысловых участков – ельников, сосняков, пихтачей, березовиков. Есть в роще дерево-идол, которому по старой традиции, возможно, поклонялись древние. Есть сосна с развилкой, похожей на воздетые к небу руки, с прорезанным ртом, который кормили, может быть, жертвенной кровью. На Руси и в Коми бытовала традиция сажать на могилках, как правило, в ногах похороненного, березки, рябины, можжевельник, сирень. Сажали издревле, с достефановских времен. А чтобы покойники не возвращались, не тревожили оставшихся родных и близких, вершины заламывали... Оставшиеся ветви тянулись вверх, образовывалась развилка. Вырастало, по сути, дерево-крест, которое становилось «родовым табу».

К словам журналиста я хочу добавить свои наблюдения. В этой роще стволы молодых деревьев когда-то были обломлены на высо-

те двух-трех метров. Боковые сучки пошли в рост, деревья выросли с двумя-тремя вершинами. На земле заметны правильные ряды округлых ямок (от 6 до 10 метров). В стороне от деревьев, в лесу есть похожие места с десятками таковых (могил, захоронений?), отличающихся размерами и глубиной.

Деревья верхнего яруса разделены разновозрастными породами ели, сосны, пихты, березы, можжевельника. Многие имеют угнетенный вид, искаженную форму (скрученные, прогнутые). Получается, что в определенные периоды времени на здешнюю растительность действовали неизвестные нам силы, нарушившие нормальный рост деревьев.

Ученые теряются в догадках

Сотрудник международного научно-исследовательского центра аномальных явлений «Космопоиск» Владимир Шестаков не раз бывал в «священной роще». Компанию ему составляли ученые, лесоводы из других регионов. Все в один голос утверждают, что лес под Корткеросом – уникальное место. При этом теряются в догадках: кто создал эту аномалию – древние люди или сама природа?

Десятки походов в рощу с учащимися совершила и корткеросский краевед Людмила Королева. Юные краеведы провели уборку территории, придумали свои имена деревьям: «Кресло-трон», «Великан», «Пам сотник», «Ель-Русалка», «Скамья для двоих», «Вожа пу», «Руки», «Четырехрукий», «Братья», «Молящийся», «Семья» и т.д.

Профессиональные археологи давно мечтают исследовать это место, предвкушая сенсационные открытия. Однако на серьезные, масштабные раскопки пока нет средств.

Зато «священную рощу» уже облюбовали «черные археологи». Неведомые «копатели» работают, что называется, не покладая рук. Но свои «открытия» по понятным причинам не афишируют...

Мы обращались в полицию и в прокуратуру с просьбой защитить уникальное место. Увы, ответ неутешительный: «священная роща» – это не охраняемая зона, никакого «официального статуса» не имеет.

Страшная месть

О «священной роще» письменные исторические источники хранят гробовое молчание. Благодаря Писцовой книге Яренского уезда (1646 год) известно лишь, что в 17-м веке в этом месте находилась деревня Наволок. Но она бесследно исчезла, от нее остались только старые, заросшие лесом дороги.

Зато есть немало устных преданий и леденящих душу легенд. О том, что деревья в «священной роще» обладают магическими свойствами и способны жестоко отомстить любому, кто поднял на них руку с топором. К примеру, не так давно один из жителей Корткеросского района на спор срубил в «священном лесу» дерево «Вожа пу». И вскоре после этого он скончался в страшных мучениях...

Эти легенды веками охраняли уникальное место от порубок. Люди боялись трогать необычные деревья.

Однако в наше циничное время подобного рода табу многие игнорируют. Те же «черные археологи», узнавшие о «священной роще» из интернета, хаотично копают здесь глубокие ямы. А молодые люди не гнушаются тем, чтобы срубить «на память» необычную веточку. Причем особой «популярностью» пользуется как раз «ведьмина метла».

К сожалению, полностью уничтожено и знаменитое «дерево любви» – ель, сросшаяся с сосной. Неизвестные вандалы сначала подрубили дерево топорами, а затем развели на этом месте костры.

Отомстит ли вандалам «священная роща» – неизвестно. Но известно другое: уникальному природному памятнику, пережившему многие века, грозит гибель.

А. Смилингис
Трибуна, 2016, 14 апреля



«Население средней Вычегды в древности и средневековье»

(Впечатления после прочтения книги К.С.Королева)

В 1997 году в Екатеринбурге вышла книга «Население средней Вычегды в древности и средневековье». Автор книги Клим Степанович Королёв четверть века изучает археологические памятники Вычегодского края. Под его руководством открыты и исследованы два десятка древних и средневековых памятников, из которых 11 подвергнуты исчерпывающим раскопкам.

В книге заселение Верхней Вычегды просматривается с глубокой древности до средневековья. В ней по-новому отражается история заселения предками коми вычегодской земли. До исследований К. С. Королёва памятников древних коми выше устья Сысолы не было найдено, и создавалось впечатление, что в этих краях коми вообще не жили. Поэтому открытие К. С. Королёвым могильников предков комизырян у озера Шойнаты и Пезмогты явилось неожиданностью.

Важное место в книге занимает Шойнатыйский археологический комплекс, расположенный напротив села Сторожевск, и исследованный автором:

«В данном микрорайоне люди селились с глубокой древности. Здесь найдены остатки стоянки эпохи мезолита, поселения эпохи неолита, бронзы, раннего железа и позднего средневековья; открыт и исследован первый на европейском Северо-Востоке могильник раннего железа Джуджыгъяг, единственный в долине Вычегды могильник ванвиздинской культуры Шойнаты-I (VII – VIII вв. н. э.), первые в восточной части Вычегодского края могильники Перми вычегодской – предков коми-зырян» (стр. 7).

Даётся описание языческого святилища Джуджыдъяг, относящегося также к Шойнатыйскому комплексу. Находки подтверждают, что здесь была не стоянка охотников, а святилище и жертвенное место. На вымостке круга, в диаметре около трёх метров, выложены вплотную более1500 камней. Здесь на протяжении почти полуторатысячи лет горел священный огонь. Приносились жертвы и подаяния языческим богам. Святилище существовало и во времена начала христианизации (стр. 108). Место удобное. Рядом – устье реки Вишера, по которой можно было добраться и на Вымь, и на Ижму, и на Урал...

Возможно, так я предполагаю, здесь находилась языческая богиня Зарни ань, легендарная Золотая баба, упоминаемая во времена Святого Стефана Пермского.

В ходе раскопок получены достоверные данные о пожаре на древ-

нем святилище, после которого оно перестало существовать. Спрашивается: не побывал ли здесь Стефан Пермский, сокрушитель языческих идолов? Известно, что он и его люди безжалостно уничтожали языческие святилища предавали огню их божества. Всё-таки, почему к XIV веку исчезли семь поселений на берегах озера Шойнаты, а возникшее позже в 1646 году поселение получило это же название? («Красное знамя», 17.08.1976 г.).

И поныне существует легенда о битве и множестве оставленных на льду озера трупов (Шойнаты). Сомнительно, что язычники сами уничтожали святыню, просуществовавшую более тысячи лет. Данные же о возникновении населённых пунктов на средней Вычегде относятся к концу XVI и к началу XVII веков.

В книге прослеживаются многие параллели с археологическими культурами Верхнего Прикамья. На Угдыме открыт металлургический комплекс со сравнительно высоким уровнем древнего металлургического производства. Подобные металлургические комплексы известны у предков коми-пермяков на Прикамье и Руси.

Ряд находок Шойнатыйского микрорайона стали известными и знаменитыми. Металлическое кольцо, найденное учеником Сторожевской средней школы Н. А. Латкиным в 1975 году, оказалось охотничьим календарём древних коми охотников. Птицевидный идол, обнаруженный у подножья Джуджыдъяга, стал прообразом герба Республики Коми. Металлические изображения человека, мифических животных являются памятниками так называемого Пермского звериного стиля, известного в мире. Книга богато иллюстрирована, 56 страниц её отданы рисункам керамики, орудий труда, охоты, быта, схемам и планам. Они наглядно помогают проследить сменяемость древних культур, перемещение племён, обитавших в регионе.

Книга Клима Степановича Королёва убедительно доказывает, что на средней Вычегде, нынешней территории Корткеросского района, издавна проживали прапредки и предки коми-зырян и, несмотря на возможные влияния иных культур, перемещения племён в разные исторические эпохи исчезли, не ассимилировались (стр. 193), сохранили свой язык, обряды, обычаи.

Несомненно, книга К. С. Королёва будет полезна всем, кто не безразличен к прошлому земли Коми, её трудолюбивому народу. Книгу можно рекомендовать учителям истории, краеведам. Представленный объём информации интересен и необходим профессионалам.

А. Смилингис

Родничок: экологический сборник.
– Корткерос, 2000. – Вып. 6. – С. 108-110.

Судьба Екатерининского канала

Одним из памятников исторического прошлого не территории Коми АССР является Северо-Екатерининский канал. Небезынтересно его прошлое.

Историк М.Н.Мартынов сообщает, что еще при Петре I (1724 год) трасса будущего канала уже была осмотрена геодезистом Молчановым и одобрена бывалыми людьми.

Однако изыскательские работы были проведены только в 1781-85 гг. В проекте предусматривалось соединить р. Северную Кельтму (Зырянскую Кельтму) – левый приток Вычегды – с рекой Джурич – левым притоком Южной Кельтмы, впадающей в реку Каму. В проекте не были учтены необходимые мелиоративные работы по расчистке русла Северной и Южной Кельтмы, что впоследствии и сказалось на судьбе канала, заброшенного через 19 лет после своего открытия.

В 1786 году начались работы на канале, нареченном в честь царицы Северо-Екатерининским. Стоимость их определялась в 400.000 рублей. Но уже в 1787 году, в связи с войной с Турцией, работы были приостановлены.

В мае 1801 года царь Александр I дал указания пермскому губернатору возобновить работы на канале. Топором и пилой прокладывали крепостные строители новую трассу. До 1809 года была сделана выемка земли и заготовлены лесные материалы для шлюзов и других сооружений. К 1810 году вследствие высоких весенних вод обнаружились значительные повреждения, что привело к сомнению о возможности и пользе предприятия. Был поставлен вопрос: следует ли продолжать работы по строительству канала? Для выяснения вопроса сюда был командирован техник. Он нашел возможным закончить работы и привести канал в судоходное состояние посредством устройства трех шлюзов. Еще раз были прекращены работы по строительству канала в связи с Отечественной войной 1812 года.

В 1817 году в третий раз появились на канале рабочие. Через пять лет строительство канала было закончено.

Длина его составляла 16 верст 345 сажен (17 км 805 м).

В первый год навигации по каналу прошло 48 судов с грузом стоимостью 286.672 руб. В 1824 году – только 4 судна с грузом на 13.625, в 1825 году – 7 судов с грузом на 37.205 руб.

Дело в том, что, верховья Северной Кельтмы и реки Джурич, на которых не были проведены гидротехнические работы по углублению и очистке русла от корней, представляли собой узкие, извилистые протоки, не проходимые в межень даже для судов средней величины. Объем перевозок постепенно сокращался и через 19 лет канал был закрыт.

В наши дни хорошо сохранилась прямая, 20 метров ширины, 18-километровая просека. Спланированная бровка достигает 15 ме-

тров ширины с каждой стороны канала. Ширина зеркала воды в межень от 1 до 8 метров при глубине 1,5 метра. Сохранились следы водосборных каналов. Местами дно выложено кирпичом. Начало канала на протяжении километра от деревни Канава деформировано. Дно здесь песчанок глубина в межень не более 20—40 см. В некоторых местах откосы разрушены оползнями и размыты. После 8 километров канал опять имеет прямолинейное направление: оползней нет, откосы задернованы, глубина канала достигает в межень 1,5—2 метра, а в паводок до 5 метров.

Видны следы трех деревянных шлюзов. Бровки (д. Канава) используются местным населением как сенокосные угодья. По каналу рыбаки ездят рыбачить на реку Джурич и Южную Кельтму. В половодье здесь свободно проходят тяжелогруженые моторные лодки. Известно, что через этот канал на Вычегду проникла стерлядь, которая раньше в Вычегде не водилась.

В 1914 – 17 гг. предпринималась попытка восстановить его, но она так и не была осуществлена. На южном конце канала, где он соединяется с рекой Джурич, часть этой реки течет по нему в Северную Кельтму и далее до Белого моря. Другая часть воды попадает по реке Джурич через Южную Кельтму в Каспийское море. Здесь хорошо видно, как воды Джурича, раздваиваясь, уходят на север и на юг. Это уникальная достопримечательность. Здесь можно воочию увидеть водораздел двух великих речных систем севера и юга. Канал даже сегодня производит сильное впечатление своей грандиозностью: широкая, прямая, как линейка, уходящая за горизонт просека среди глухой тайги. По сторонам молчаливая стена деревьев, серебристая гладь воды, высокие травы на широких бровках, вековая тишина, безлюдье усиливают впечатление заброшенности, унылости... Само сооружение – это обличительный памятник царизму, не осилившему северную природу, это свидетель напрасно загубленного труда тысяч крепостных крестьян. Северо-Екатерининский канал – одно из крупнейших гидротехнических сооружений России прошлого века. Здесь все работы проводились лопатой, тачкой и топором. Это – памятник труду простого русского человека и пример беспечности русских чиновников, недоведших строительство сооружения до конца. Канал следовало бы объявить памятником истории, хотя бы для наглядного сравнения возможностей социалистического общества и царской России. Следовало бы чаще использовать материалы о Екатерининском канале, как наглядный пример несостоятельности царизма. И, наконец, Сыктывкарскому экскурсионному бюро следовало бы продумать воп-рос о туристском маршруте по каналу, о двухдневных экскурсиях. К нему можно добраться самолетом из Усть-Кулома.

А.Смилингис

Красное знамя. – 1968. – 25 сент.

Идущие вперед – коммунары

В нашем районе есть много значимых мест, одно из которых расположено на реке Локчим и называется Теплогоркой. Кроме природной красоты оно известно и историческими событиями. Здесь жили коммунары.

В 1918 – 1920 годах в Коми крае быстрыми темпами стали развиваться социалистическая промышленность и сельское хозяйство. Стали появляться первые сельскохозяйственные артели и коммуны. В селе Пезмог организатором коммуны стал Усть – Сысольский землеустроитель Степан Ильич Оплеснин. Он написал даже устав коммунаров, проводил большую агитационную работу среди сельчан. Его помощником был пезмогский Прокопий Иванович Юранев.

Коммуна была организована в 1919 году. Бессменным председателем был П.И.Юранев. Первоначально в руках объединившихся людей было три сельских дома. Коммунары все делали совместно: вместе работали и готовили еду. Односельчане с каждым днем все больше уважали коммунаров. И, конечно, это было не по душе богачам, у которых зародилась к коммунарам большая ненависть. Они начали вредить им, сожгли амбар, жилой дом. Но кулаки не смогли ослабить хорошее отношение сельчан к коммунарам – первопроходцам. Об этом говорит такой пример: когда в село вошли белые, никто из жителей не выдал коммунаров.

В 1922 году коммунары начали искать и обустраивать новое место для коммуны. Татьяна Ивановна Юранева, которая живет в Корткеросе, так рассказывает об этом: «...Нашему председателю П.И. Юраневу эти места показали жители Мордино Одеп Егор и Степан Илья. Выбранное место раскинулось на правом высоком и красивом берегу реки Локчим. Рядом – охотничьи угодья. До места надо было пройти по охотничьим тропам. Другой дороги не было. Позже проложили конную дорогу от лесничества «Сапыч» до Мордино».

На новое место коммунары прибыли с семьями, с детьми. Сразу же взялись за работу: валили вековые деревья, готовили под пашню первые поля и луга. Поставили большой шалаш, укрытый еловыми ветвями. Там и жили. В другом небольшом шалаше устроили пекарню с печью. Позже построили большой дом. Работать приходилось с раннего утра до позднего вечера. Конечно уставали. Но совместный труд приносил большую радость и удовлетворение. Через какое – то время все семь семей обзавелись собственными домами.

«Земля была хорошая, приносила большой урожай, – вспоминает Т.Н. Юранева. – Пашни и луга расширялись. Землям коммунаров даже ранние заморозки были не страшны. поэтому свое место они называли Теплогоркой».

В трудах и заботах: заготовке леса, выращивании хлеба и уборке сена, прошли годы. Коммуна богатела. Помогало и государство, выделило конную молотилку и другой инвентарь. Коммунарам было ясно,

что только совместный труд может привести к новой лучшей жизни.

В 1933 году вернулись домой, в Пезмог. В колхозную кассу внесли 24 тысячи рублей, 18 коров и другую живность.

Вот такая у коммуны краткая история. Но познакомившись с ней можно увидеть инициативу, трудолюбие и трудовой героизм людей. Этими качествам нельзя не восхищаться.

...Красиво в Теплогорке лето. С высокого пригорка видно далеко – далеко. Вокруг – высокие травы, дальше видны холмы, покрытые густыми лесами.

От коммунаров сегодня не осталось в этих краях никаких следов. Несколько лет назад сюда наведывались учащиеся Мординской школы под руководством К.С. Шевелева. Они установили памятный знак. В августе 1985 года в Теплогорку вновь приходили мординские юные следопыты под руководством С.Н. Коюшева. Они нарисовали план расположения домов коммунаров, собрали оставшиеся орудия труда. Все эти экспонаты пополнили школьный краеведческий музей.

А. Смилингис

Звезда, 1985, 26 ноября

Корткеросский район в годы Великой Отечественной войны

В память о войне на берегу Вычегды в с.Корткерос стоит памятник – Скорбящая мать. По данным Книги Памяти 120 односельчан не вернулись с этой войны (по району-более 2730 чел.). Женщины, дети-подростки, старики заменили на трудовом фронте мужчин. Колхозы в годы войны не допустили снижения продукции и продолжили сдавать стране хлеб, мясо, молоко.

В с. Поэтыкерос молодые женщины А.А. и М. И. Изъюровы с первых дней войны возглавили полевые бригады колхоза «Смел котыр». Днем трудились на полях, ночью при свете фонарей обрабатывали приусадебные участки, чтобы накормить детей.

Женщины пересели на тракторы. По-фронтовому трудилась бригада Марфы Шевелевой из Корткеросской машинно-тракторной станции. В с.Керос с двумя малолетними детьми вернулась первая трактористка У.А.Ветошкина, проработала бригадиром в колхозе до конца войны.

Наравне со взрослыми с первых, дней войны трудились дети. В августе 1941 г. школьники и детдомовские ребята с.Корткерос собрали для нужд фронта 35 кг голубики. К 25 сентября в районе было заготовлено 1196 кг сушеной черники, 9877 кг брусники, 822 кг соленых грибов, 1,3 т рыбы.

Жители района собирали и шили теплые вещи. На 20 декабря

1942 г. для нужд фронта были сданы 54 полушубка, 71 пара валенок, 68 пар меховых рукавиц, 202 пары теплых носок, 79 простыней и много других необходимых солдату вещей. Все население принимало участие в субботниках по заготовке дров, на сплавных работах, в уходе за посевами. Развернулась кампания по сбору денежных средств на постройку танковой колонны «Коми колхозник». В 1942 г. трудящимися Корткеросского района было собрано и сдано в Госбанк 211245 руб. Коллектив колхоза «1-е Мая», собравший 40 тыс. рублей на танковую колонну, получил от Главнокомандующего И.В.Сталина приветственную телеграмму с выражением благодарности за помощь фронту.

В июле-сентябре 1941 г. на военный лад перестраивалась экономика района. Для оборонной промышленности развернулась заготовка древесины, и к 1 октября было освоено 11 видов спецдревесины, в том числе произведено 3000 пар лыжных заготовок. В связи с нехваткой горючего автомашины и трактора лесной промышленности были переведены на газогенераторную тягу (березовые чурки). При Корткеросском леспромхозе работал небольшой смолокурный завод, в котором выгонялся скипидар, служивший для запуска двигателей тракторов и автомашин.

В труднейших условиях работали лесозаготовители: при постоянном голоде, нехватке одежды и инструмента на лесоповале трудились старики,женщины, дети. Но и при таком положении росли объемы заготовок древесины. В Корткеросском и Локчимском леспромхозах они за один год (с 1941 по 1942) увеличились с 142,9 до 154,8 тыс.куб.м. С самого начала войны признание получило стахановское движение. Так, стахановец из Усть-Яговского лесопункта Александр Борисович Родин в октябре 1941 г. при плане 4,2 куб.м ежедневно вручную заготавливал до 8 куб.м древесины.

Колхозникам также приходилось заниматься далекими от сельского хозяйства делами. Зимой заготавливали древесину, вывозили ее на лошадях к берегам рек, укладывали в штабеля. В 1944 г. в производственные планы колхозов района были включены заготовки 1500 куб.м газогенераторных чурок, 784 т веточного корма и т.д.

Колхозы Корткеросского района оказывали помощь пострадавшим регионам страны. Колхозники Сторожевского района направили для укомплектования животноводческих ферм в освобожденные области 785 голов крупного рогатого скота и 190 свиней.

Наряду с местным населением трудности войны делили 452 чел., эвакуированных из Карело-Финской ССР, Ленинградской, Львовской, Одесской, Мурманской и других областей страны. В 1942 г. материальная государственная помощь была оказана 1892 семьям военнослужащих, проживающих в районе. Для детей, потерявших родителей, дополнительно открыли четыре детских дома.

Большое значение придавалось развитию местной промышленно-

сти. В 1944 г. Сторожевским райпромкомбинатом выпускалось 38 наименований товаров. В десяти предприятиях местной промышленности в 1945 г. трудились 235 чел. Ими к концу года было выпущено продукции на сумму 2528935 руб. Только Корткеросским райпотребсоюзом и Орсом Корткеросского леспромхоза в 1944 г. было выпечено 827 т хлеба.

За годы войны колхозы сохранили и даже увеличили поголовье скота в районе:

	на 1 января 1941г.	на 1 января 1945г.
Колхозов всего	**68**	**61**
Крупного рогатого скота (голов)	**8118**	**8889**
Свиней (голов)	**1381**	**1179**
Овец (голов)	**3307**	**6569**
Лошадей (голов)	**5662**	**2681**

Уменьшение поголовья лошадей более чем наполовину можно объяснить их регулярной отправкой на фронт. 1301 труженику района были вручены медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

А. Смилингис

Защита Отечества: история и современность. – Сыктывкар, 2001. – С. 123-124.

Каким быть районному музею?

Может быть, что эти размышления о Корткеросском музее помогут и другим музейным работникам района.

В Корткеросе более десяти лет работает районный музей труда и быта. Усилиями директора Панюкова А.А. фонд музея пополняется, становится интересней.

В Корткеросе нынешний музей – третий. Самый первый, открытый при районном доме культуры в 1960 году, сгорел в 1975 году. 29 ноября 1975 года в районе открылся новый музей истории района. Нынешний официально открылся 4 ноября 1987 года – в год 70 летия Великой Октябрьской социалистической революции. Подготовкой экспозиции занимались столичные специалисты – музееведы.

Получилось так, что я участвовал в подготовительной и организационной работе по открытию всех трех музеев, от первых экспонатов до официального открытия. Именно поэтому хочу поделиться своими мыслями, о том, каким же быть районному музею завтра.

В первую очередь отмечу, что в связи с переходом в историческое здание бывшей конторы связи, придется пополнить нынешнюю экспозицию музея. Затем необходимо создать музейный и попечительский советы, которые бы могли предоставить музею материаль-

ную помощь. Ведь понадобятся новые экспозиционные планы, а также люди, которые будут их осуществлять. Сегодня уже надо искать и корреспондентов – информаторов, которые бы оказывали помощь в сборе дополнительных новых экспонатов.

Неповторимый облик музею придают прежде всего подлинники. Поэтому музейному свету стоит подумать: нужны ли музею подшивки газет и журналов и другая периодическая литература? Ведь их уже собирают государственные библиотеки. В скором времени со всеми публикациями читатели газет и журналов смогут познакомиться в электронном виде, как это происходит во всех развитых странах.

Также необходимо заранее обговорить, какое место в экспозиции будут занимать архивные документы. Как правило, сбором документов – подлинников занимаются архивы. Там имеются, как специалисты – профессионалы, так и соответствующие условия для хранения документов. Спрашивается: нужно ли музею работать вместо библиотек и архивов?

Охраной памятников истории и культуры занимается отдельное общество – ВООПИК. Нужно ли собирать такие памятники в одном месте? Мнения на этот счет разделяются. И дело не только в том, что, при переносе они могут разрушиться. Например, в Корткеросе долгое время шел спор о памятнике М.Н. Лебедеву. Некоторые предлагали поставить его в парке, а не на могиле поэта. А памятник механизаторам– старый трактор, который стоит на территории сельскохозяйственного кооператива – хотели перенести к школе. Вот и в Небдино, памятный знак участникам гражданской войны поставили на повороте дороги к селу, а не в местах боев – «туда мол никто не ходит».

От библиотек и архивов музей отличается тем, что собирает, хранит и пропагандирует музейные предметы, т. е. памятники материальной и духовной культуры.И именно музейный предмет (экспонат) является основой музейной работы. Он свидетель старой жизни, который многое может рассказать о прошлом. Возьмем к примеру, круглое, покрытое черной бумагой, похожее на большую тарелку, радио. Сегодня оно в нашем сознании крепко связано с периодом Великой Отечественной войны. По радио жители нашего района слушали Молотова, который сообщил о начале войны, узнавали новости. Или же возьмем Н.А.Попова, единственного в районе кавалера Ордена Александра Невского. Этот орден, как музейный экспонат, ставит перед собой несколько задач. Скажем, узнать, в какой военной операции участвовал наш земляк, когда и где была эта операция, как в дальнейшем сложилась судьба участников операции и т.д.

Об экспонатах Корткеросского музея можно говорить еще много. К примеру, в музее хранится фотоаппарат династии фотографов Исаковых – выходцев из села Вомын. Здесь же можно увидеть икону Св. Петра из церкви села Пезмог. Может придет время и кто – то

попробует выяснить: а не написал ли эту икону художник Кынев, родившийся в Пезмоге?

Знакомить посетителей с музейными экспонатами можно поразному. Скажем, организовать Дни открытых дверей, краеведческие чтения, конференции и т.д. Можно обмениваться выставками с другими музеями, либо пригласить поделиться за чашкой чая, своими воспоминаниями ветеранов или интересного, много знающего и видевшего человека, как это делают в музее с. Сторожевск.

Музею нужен свой актив – любителей истории и изучения своего края: краеведы, учащиеся, студенты, которые бы могли сообщать сотрудникам музея об обнаруженных памятниках материальной и духовной культуры. Такое взаимодействие активизирует поисковую и исследовательскую работу.

Облик музея. От других он всегда отличается, каким-то необычным, удивительным экспонатом, редкой коллекцией или неординарным подходом к работе. Когда я вспоминаю Корткеросский музей, прежде всего, почему то представляю его директора. Думаю, это неплохо.

Каким станет музей после перехода в новое здание? Все останется по-прежнему, либо же это будет новый, четвертый музей, покажет время. В одиночку администрации музея не сможет провернуть всю работу. Нужны деньги, материалы, новые экспонаты. Это под силу только музейному совету, в котором объединятся трудолюбивые, инициативные граждане, любящие исследовательскую и краеведческую работу.

А. Смилингис

Звезда, 2000, 18 мая

Этот язык мне дорог...

Кандидат филологических наук Г. Федюнева в газете «Красное знамя» (28.04.89) отмечает, что за последние десять лет количество людей, говорящих на коми языке снизилось на 33 тысячи человек. А для меня коми язык очень дорог, хотя и не является моим родным. Я вижу, как из года в год его потихоньку уничтожают и сердце болит из-за этого. Из различных газет и журналов стараюсь прежде всего прочитать о коми языке. Об этом сегодня хочу поделиться с читателями газеты «Звезда».

Несколько лет назад с ребятами побывали в одной из Сыктывкарскизх школ. Здесь услышали разговор двух пожилых техничек. Одна говорила:

– Здорово. Магазинӧ ходила? – спросила заходившую.

– Ходила.

– Нянь купила? (хлеб купила?).

– Купила (ньӧби).

Когда корткеросские дети спросили, а какой они национальности – они ответили «коми».

Люди общаются через язык. В этом его главное предназначение. Когда люди разговаривают на своём языке только дома, он становится кухонным и быстро исчезает навсегда. Так потеряв общественную значимость исчезли многие-многие языки мира. Остались и совершенствовались лишь те языки, на котором люди писали, разговаривали и до сих пор разговаривают публично.

Язык любого маленького народа является большим достоянием и богатством. Его потеря – невосполнимая утрата для людей, живущих на земном шаре,так говорил, профессор Всеволодов («Правда», 6.03.89). По словам этнографа Рогачёва М.Б., говорящих на родном языке становится меньше и в сельских населённых пунктах. Хотя коми язык изучается в школе как родной, большинство разговаривает на русском и читают русскоязычные газеты.

В нашей стране по сравнению с другими языками коми язык считается одним из первых печатных языков. По словам профессора Лыткина В.И. писать коми начали во второй половине 14-го века. В 1372-1375 годах епископ Стефан Пермский составил для коми народа алфавит из 24 букв. До нас на этом языке дошли лишь «Святая Троица» и «Сошествие Святого духа». Короткие богословные записи. Проходили годы. В Санкт-Петербурге, Вологде, Усть-Сысольске были опубликованы работы по грамматической системе коми языка. А так же в Германии и Финляндии. В дореволюционный период вышло 14 больших и один словарь на 2-3 языках («Красное знамя», 20.05.88г.). Над самым первым и самым большим словарём, подготовленным в 1831-1834 годах работал Афанасий Моторин, уроженц с. Подъельск (Красное знамя, 27.09.78г.). На ряду с этим выходили и книги на коми языке. Но детей на коми языке не обучали. После Октябрьской революции передовые люди, такие как А.А.Суханова взялись за обучение детей на коми языке. Не ожидая указа сверху в с.Корткерос стали учить коми грамоте. Ученики Агнии Андреевны вспоминали, что не было бумаги, учебников, писали на газетах, старых книгах.

В 1918 году в Усть-Сысольске была создана комиссия по организации изучения зырянского языка и литературы. В школах начали учить коми язык. До начала Великой Отечественной войны 70% школ учили детей на коми языке, тогда уже были и все необходимые учебники, и материалы («Югыд туй», 4.06.88г.). Но в то же время в стране начались тенденции политики денационализации. Сталинская подмена социализма. А к концу войны коми язык в школах начинает угасать.

Об этом периоде вспоминает Людмила Степановна Шевелёва, бывший учитель коми языка и литературы: «Как-то по-тихому это и произошло. Коми, русские и дети других национальностей обучались на коми языке. Все учили стихотворения, писали сочинения, участво-

вали в концертах. Я заметила, что дети, которые с удовольствием учили коми и русские слова, они соображали быстрее сверстников. Затем произошло деление на русские и коми классы. Мероприятия, которые проходили только на коми языке исчезли. Дети стали плохо посещать уроки коми языка. Затем, незаметно, коми язык совсем исчез из школы – все стали русскими».

Об этом же пишет «Литературная газета» (23.03.89): «Ещё совсем недавно под пришедшим красивым лозунгом о росте и приближении» нас просили о знании русского языка, процент русского языка, процент русской школы. И всё общество было поднято и занято на этот процент. Выросло целое поколение, которое не знает родной язык, литературу, не знает культуру. В этом помогла и официальная политика. Вспомним слова Хрущёва Н.С., которые он произнёс на крыльце Белорусского государственного университета: «Чем быстрее все мы будем говорить на русском языке, тем быстрее мы построим коммунизм».

Результатом трудовой деятельности в Корткеросской школе Шевелёвой Л.С. является прекрасный кабинет коми языка и литературы. через несколько лет после её ухода на пенсию кабинета не стало. Многолетний труд учащихся: стенды, планшеты, альбомы, сочинения, стихи и рисунки безвозвратно утеряны. Сегодня снова Корткеросская школа приглашает Л.С. Шевелёву на коми вечера, школьные мероприятия, но что потеряно, потеряно навсегда.

Язык – это часть народной культуры. Она переходит от поколения к поколению. Человек не может быть безликим. Он живёт, думает, разговаривает на родительском языке. У него есть корни, Родина. Без этого нет жизненного стержня.

Вишерские, Вычегодские сёла до сих пор говорят на коми языке, в школах дают дополнительные знания в изучении родного языка. Но всё чаще находятся те, кто старается показать себя русским. Бывает и так, что солдаты, после демобилизации стыдятся разговаривать на коми. Печально, но сегодня в Корткеросе дети коми родителей говорят только на русском.

В том, что коми язык начал исчезать виновата и интеллигенция – она единственная, кто может помочь в дальнейшем возродить язык.

Первые шаги в возрождении коми языка сделаны. Через республиканское телевидение, газету «Красное знамя» начали учить коми язык. В двенадцати школах нашего района так же начали обучать детей коми языку как родному, стало хорошей традицией проводить Савинские чтения (и прекрасно, что в этих чтениях участвуют и русскоязычные дети. Районный методкабинет Управления образования провёл прекрасный семинар для учителей коми языка и литературы.

В нашем районе обучение коми языку держится на учителях коми языка, которые отдают свою жизнь, сердце и знания родному языку. Это Захаренко Ангелина Михайловна (с.Сторожевск), Нина Фёдоров-

на Каракчиева (с.Нёбдино), Лидия Степановна Каракчиева (с.Вомын) и другие. Всем сердцем хочется верить, что их работу продолжат молодые коллеги.

Одним из патриотов в пропаганде коми языка и культуры является Надежда Михайловеа Клермон, основоположник Корткеросского народного театра. Она находит ключ к любому человеку независимо от профессии и образования и статуса, будь то он простой рабочий или служащий, поселяет в их сердца любовь к коми языку и культуре. Стар и мал гордится Надеждой Михайловной. К 100-летию М.Н.Лебедева Н.М.Клермон уже находилась на заслуженном отдыхе. Но её (уже не первый раз) пригласили поставить оперетку М.Лебедева «Мича ныв» на сцене Корткеросского районного дома культуры. Конечно же Надежда Михайловна поставила этот спекакль, тем более в молодые годы она сыграла роль молодой Машеньки в этой оперетке. Оперетка прошла и прошла ещё не один раз.

А в ноябре прошлого года в юбилейный год В.А.Савина ей захотелось поставить спектакль на родине знаменитого земляка в с.Нёбдино. Ведь сколько раз она ставила его пьесы на сцене с.Корткерос. В юбилейный год ее помощь не понадобилась, так как артистами пожелали быть сами жители Нёбдино и республиканские профессиональные артисты из г.Сыктывкара. А Надежду Михайловну местные власти забыли пригласить. Её помощь не понадобилась и приглашать ни к чему? Но, Надежда Михайловна Клермон не умеет держать камень за пазухой и в этом году жители с.Корткерос посмотрели её постановку «Коми свадьба», которую по просьбе местной власти поставила Клермон. Эту постановку помогла реализовать и на телевидении. Сейчас она пожилой человек, и кто её заменит?

В пропаганде коми языка работники культуры практически не участвуют. К примеру, в прошлом году в районе проведено 3570 массовых мероприятий, половина из них приходится на танцевальные вечера («Звезда», 1.02.89). В стороне от этого: лекторы и пропагандисты. Не знаю, где-то ведётся ли учёт, сколько лекций было на коми языке?

Книг на коми языке так же мало. В библиотеке с.Корткерос из 16-ти тысяч книг, думаю даже не найдётся 400 коми книг. «У каждого народа есть свои корни, место обитания (проживания), свои особенности и национальные черты ...» – пишет знаменитый коми писатель Г.Юшков. Мы видим, что коми язык и культура стоят отдельно от своих корней; народных традиций, истории и современности: сегодняшняя молодёжь (да и среди взрослого населения таковые найдутся) не знают историю своего района. В школах, клубах, в районном музее до сих пор нет записей о местном фольклоре, сказок, воспоминаний и мы недостаточно знаем о писателях-земляках. О них вспоминаем лишь в юбилейные для них годы. До сих пор до конца не знаем историю жизни В.А.Савина, юбилей которого так широко недавно отме-

тили. Нёбдинский Виттор знал, любил коми язык, а на его родине все записи на русском языке и это нелепо смотрится.

Наш район многонациональный. Это хорошо. Но приезжему человеку научиться коми языку будет непросто. У нас нет организации, которая бы занималась обучением людей коми языку, почти нет учебников и самоучителей, очень слабая методика.

Сейчас ещё живёт стереотип, когда историю, культуру, быт, большой интерес и уважение к языку (национальный интерес) хотят связать с национализмом. Говорят, что это всё очень плохо, а интернационализм – хорошо. Кто был не согласен с этой формулировкой, становился националистом. Даже в застойные времена человека называли националистом за глубокое изучение истории своего народа, уважение своей культуры, заботу о родном языке и сохранение своих обычаев.

Одним способом, изучение языка только в школе, язык не сохранить и любовь к нему не привить. Необходимо показывать культуру народа, его истоки, народное искусство и творчество. Ведь неспроста Г.Беляев в своей книге («От вечно живого корня», Сыктывкар, 1983, 5стр.) пишет: «Национальное искусство прежде всего видно в языке». Никакой критике не поддается мысль, что до революции все коми были неграмотные. Многие школы района отметили 100-летний юбилей, а в 1993 году Корткеросская школа отметит 150 летний юбилей.

Всё чаще и чаще стали слышать коми язык по радио и телевидению, на сцене. На радость детям выходит журнал «Би кинь», в наш район приходит 1260 экземпляров. Но этого на сегодня мало. Разговорный коми язык исчезает в школах быстрее, чем его изучают.

Недавно по центральному телевидению в своём выступлении М.С.Горбачёв рассказал, что улучшения надо ждать только тогда, когда народ будет уверенно чувствовать себя в своих домах, на своей земле. Для этого необходимо сделать всё, чтобы поднимать экономику и технический прогресс, чтобы не потухли, а дальше развивались язык и культура, необходимо заботиться о среде обитания (проживания) наших предков и об истоках (корнях).

Хочется, чтобы 50 летний юбилейный год стал для района хорошей ступенькой в развитии коми национальной культуры и коми языка.

А. Смилингис

Звезда, 1989, 22 июля

«Мы здесь буквально ходим по костям...» (эхо ГУЛАГА)

Кресты в тайге

Поиск, исследование и установка памятных знаков на местах захоронения Локчимлага НКВД СССР.

В 1930 году Совет народных комиссаров постановил возложить на Северный край обязательства заготовить 65 млн. кубометров древесины, за которорую государство получит не менее 500 млн. рублей валюты[1]. Это в прямом смысле коснулось формировавшееся в те годы системы лагерей. Решение о создании в 1932 году Пезмогского (Северного) комбината в бассейне реки Локчим (Территория Корткеросского района Республики Коми) одобрил Совет Труда и Обороны[2]. Считалось, что местность лучше обеспечивает создание соответствующих условий для осуществления исправительно-трудовой политики среди деклассированных элементов – трудового воздействия и режима ими.

В 1933 году в комбинате было 2450 заключённых. В том же году ГУЛАГ по договору от 15 марта дополнительно передал комбинату для трудового использования всё наличие, около 2456 человек спецпереселенцев, раскулаченных крестьян России. Планировалось проведение масштабных лесозаготовок, в основном на экспорт[3]. Северный комбинат ГУИТУ – НКВД явился одним из первых крупных лагерных комплексов на территории Коми области[4].

На огромной территории не было дорог. Отсутствовала простейшая инфраструктура (жильё, пункты питания). Не хватало инструментов, тёплой одежды. Технология принудительной заготовки древесины, отрабатывалась путём проб и ошибок. Каждая ошибка уносила жизни заключённых. Не поставишь у каждого вальщика дерева охранника с винтовкой. Комбинат, породив огромное количество смертей не оправдал надежд и был в 1936 году закрыт.

---

[1] *Гетманенко, В. Биржа / В. Гетманенко // Молодёжь Севера. – 1989. – 1 октября.*

[2] *Морозов, Н. А. ГУЛАГ в Коми крае 1927-1956. – Сыктывкар, 1997. – С. 149.*

[3] *Национальный архив Республики Коми. Ф. 371. Оп. № 1. Ед хр.17.*

[4] *«...Признать строительство ударным...»: Документ Национального архива Республики Коми по истории Северного комбината Главного управления исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ) РСФСР. – Сыктывкар. – 2005. – С. 6.*

Руководство НКВД не отказалось от Локчимского варианта. 16 августа 1937 года на базе бывшего Северного комбината в посёлке Пезмог создаётся крупнейший в стране Локчимский лесозаготовительный лагерь НКВД СССР – ЛОКЧИМЛАГ. В октябре в нём насчитывалось 12 отделов и 18937 заключённых. В 1938 году – 26242, 1939 – 22585, 1940 году – 10269 заключённых[5].

Локчимский лагерь был самым страшным из всех лагерей Коми. Только за один 1938 год от голода, холода[6], болезней в нём погибли 4003 заключённых. По воспоминаниям уцелевших узников «там царил такой голод, что люди ели людей. И от голода пытались бежать»[7].

Затраты на доставку заключённых, строительство участков, организацию лесозаготовок и охрану заключённых не окупили себя. Хозяйственная деятельность Локчимлага в 1939 году закончилась 56 миллионов рублей убытков. Ни один лагерь в системе ГУЛАГ не причинил государству таких огромных убытков[8]. 17 августа 1940 года лагерь был закрыт[9]. Материальные, имущественные ценности и весь персонал Локчимлага передаётся в полное распоряжение Устьвымлага[10].

Оставшиеся бараки лагерных участков не пустовали. В них поселили семьи депортированных поляков, немцев, литовцев, финнов, актированных заключённых: китайцев, корейцев, иранцев. Начавшаяся война усугубила положение.

Система Гулага, была война на уничтожение собственного народа. Для этих целей использовался голод и принудительный труд. По немногочисленным документам можно судить как жили в лагерных пунктах Локчимлага заключённые.

Бревенчатый частокол с проволочным верхом. Барак из сырых неотёсанных брёвен. Двухэтажные нары, печка – железная бочка на весь барак. Соломенные матрацы. Масса клопов[11]. На 10-15 человек была одна ложка, а вместо блюдца использовалась консервная банка. В большинстве лагпунктов не было бань.

Из-за отсутствия тёплой одежды заключённые мёрзли. Вследствие обморожений, простудных заболеваний умирали, без какой-либо медицинской помощи. С октября 1937 года по май 1938 года умерло 3069 заключённых. В декабре 1938 года от обморожений умерло 3069 заключённых. В декабре 1938 года от обморожений умерло 372 человека. В январе 1939 года от обморожений умерло – 152 человека. На 26 тысяч заключённых в лагере было 188 медицинских работ-

---

[5] *Морозов Н. А. С. 152*
[6] *Морозов Н. А. С. 154*
[7] *Полецков, В. М. За семью печатями. – Сыктывкар, 1995. – С. 29.*
[8] *Приказ начальника управления Локчимлага НКВД СССР № 328 от 7 июля 1940 года*
[9] *Морозов Н. А. С. 152*
[10] *Приказ по Локчимлагу НКВД СССР № 569 от 9 сентября 1940 года*
[11] *Морозов, Н. А. Покаяние: Мартиролог. – Сыктывкар, 1990. – С. 181.*

ников, медсёстры (медбратья). Ослабших, не могущих выходить на работу жестоко наказывали.

От голода, способствующей ему дизентерии ежедневно погибало 10-15 человек. Питание, при выполнении дневной нормы состояло из черпака мутной баланды, где плавал лист мёрзлой капусты. Обед не полагался. На ужин выдавался «суп», черпачок каши, заправленной солидолом и хлебный паёк от 700 г. до 300 г.

При таких условиях люди быстро слабели. Не могли выполнять нормы по заготовке древесины. Поэтому, в связи с физическим состоянием, все заключённые Локчимлага были разделены на четыре категории: «А», «Б», «В», «Г». Для каждой категории имелись соответствующие нормы выработки в день и соответствующий пищевой паёк[12]. По мере ослабления, заключённых переводили на более низкую категорию и сокращённый паёк. Категория «Г» была самой последней, обладателей которой, через неделю-две увозили на лагерное кладбище. В 1938 году в предпоследней группе «В» было 2807 и в последней группе «Г» – 2046 заключённых.

Для меньших хлопот с обречённым на гибель людьми категории «Г» создаётся Нидзский инвалидный лагпункт, куда отправляли умирать актированных инвалидов с «выводом за баланс рабочей силы и изъятием с основных лагерных отделений»[13].

Нечеловеческие отношения к заключённым сохранили и документы. «В Лопыдинском отделении, Локчимской исправительно-трудовой колонии организовали карцер «Сахалин» для лишенцев свободы в лесу за 7 км от самых бараков, а потом туда садили, кто вздумает, насадили в карцер до 30 человек мужчин и женщин всё в один барак, при посадке у арестованных отбиралась вся одежда... для того чтобы оттуда никто не сбежал. Продукты им выдавались от случая к случаю, надзиратели пайки воровали и хлеб сокращали на 50% или совсем не выдавали. В последних числах декабря месяца там было оставлено 4 человека, которые несколько дней находились совершенно голодные, последние, боясь голодной смерти, одного из четырёх зарезали на смерть, а мясо труп употребили в пищу[14]. (Из протокола закрытого партийного собрания).

В Локчимлаге также содержались дети-заключённые. Положение их мало чем отличалось от взрослых невольников. Из протокола обследования состояния Средне-Локчимского участка (городок малолеток) установлено, что лагерный быт организован не был, жилые по-

---

[12] Панюкова, Г. И. Курсовая работа 4 курса исторического факультета Коми пединститута.

[13] Приказ по Локчимлагу НКВД СССР № 310 от 2 июня 1940 г.

[14] Из протокола закрытого собрания членов ВКП (б) Лопыдинской ячейки от 19 января 1934 года / Признать строительство ударным. Документы национального архива Республики Коми по истории Северного комбината. – Сыктывкар, 2005. – С. 11.

мещения не были подготовлены к зиме. Несмотря на наличие продуктов питание плохое.

Имеющееся в каптёрке сахар, сельди и другие продукты как заменители не выдавались, и заключённые дети питались только сечкой.

Несмотря на наличие мисок, таковые на руки не выдавались и заключённые ели из консервных банок[15]. Ежедневно актировался невыход на работы 60-70 детей по разутости. В то время как в каптёрке имелось 147 пар обуви.

Предварительные расчёты показывают, что в лесных лагерях района жизнь одного заключённого обходилась 8-10 кубометрам заготовленной в лагере древесины. Из справки проверки: «Умершие л/свободы хоронятся большей частью на кладбище, но случалось встречать могилы в лесу зарытыми очень неглубоко. Никаких дощечек с фамилией и именем умершего не выставляется. Несколько покойников было привезено из больницы на кладбище для погребения. Когда их начали зарывать, то вспомнили, что нужно составить акт о смерти, а так как фамилии не знали, то покойников с кладбища привезли обратно в больницу для опознания, но и там не знали. Пришлось пригласить заключённых. Они сказали их фамилии, но насколько правильно – не известно... Личные дела на лишенцев свободы ведутся небрежно и имеются не на всех»[16].

Память

Как правило все лагерные участки, труд и спецпосёлки строились в спешке, в местах гиблых и не пригодных для ведения сельского хозяйства, в стороне от мест проживания коренного населения. Сведения о жизни в лагерных участках, в спецпосёлках, местах захоронения считались секретными. У жителей отбиралась подписка о неразглашении.

Большинство участков перестало существовать ещё до войны (люди вымерли от голода, холода). Оставшиеся люди покинули после 1956 года. Они не стали им второй родиной. От кладбищ того времени, порой огромных, кроме людской памяти ничего не осталось. Территории бывших лагерных участков, кладбищ проросли лесом. Сохранились пять населённых пунктов, построенных трудом заключённых: Мордино, Намск, Собино, Усть-Лэкчим и Аджером (Пезмог, бывшая столица Локчимлага). Прошли годы. Память людская возвращается в эти места в лице потомков, в поисках могил родных, отцов, матерей, дедов, прадедов. В поисках понятия случившегося едут из всей России, зарубежных стран. В Корткеросском районе изучением лагерных мест, захоронений обеспечением сохранения занимается группа краеведов, с привлечением учащихся школ района.

---

[15] *Приказ начальника управления Локчимлага НКВД СССР № 91 от 11 февраля 1939 года в лагере*

[16] *Национальный архив Республики Коми Р-136. Оп. 1.Д.251. Лл. 152-152 б.*

На сегодня в Корткеросском районе обнаружены места 73 лагерный участков, лагпунктов, спец и трудпосёлков, определены места 24 лагерных кладбищ-захоронений. На 16 из них установлены Памятные знаки.

Первый в районе Памятный знак установлен в поселении Усть-Лэкчим в 1994 году 20 июня бывшими спецпоселенцами Б. Будзинскене и Р. Раценас по инициативе Вильнюсского общества бывших ссыльных и политзаключённых на месте бывшего лагерного, спецпоселкового кладбища существовавшего с 1932 по 1950 годы. В списках захороненных – 63 фамилии жителей Литвы[17]. Кроме того здесь покоятся немцы, русские, поляки, проживавшие на поселении с 1940 по 1944 годы. Фамилии неизвестны.

Вспоминает житель поселения Усть-Лэкчим Я. Перловас: «Отец с матерью умерли в 1943 году. Почему умерли? В посёлке комендантом была Фрося (фамилию уже не помню) её только по имени звали. Очень сердитая баба была. Вредная. Пришла она к моим родителям. Я тогда с братом на повале леса в Намске работал. Не понравилось что-то ей и отняла у стариков хлебные карточки. Нам потом в Намске сказали идите домой. Пришли, а отец с матерью с голода умерли. Сами и похоронили, с братом яму копали, даже лошади отвезти не дали, ни гроба, ни одежды. В одной яме похоронили, вот где-то здесь», показывает Перловас на стоящие дома-общежития посёлка Усть-Локчим».

Второй Памятный знак-крест установлен 20 июня 2001 года на третьем кладбище бывшего трудпосёлка, лагерного участка, позже-спецпосёлка получившего название Второй участок. В 30-е годы сюда в трудпосёлок Кияю привезли раскулаченных крестьян России. В 40-е годы переименовали на Второй участок Локчимлага. В годы войны в нём проживали и умирали поляки, немцы, китайцы, корейцы, литовцы, иранцы, финны и др. Закрыт в 1964 году. Известны три кладбища. Чтоб спасти от разрушения при прокладке дороги установили Крест. С тех пор, ежегодно, собираются бывшие жители Второго участка, лица, пострадавшие от политических репрессий, школьники и молодёжь. Сохранившиеся могилы подправлены. К сожалению, пока известны только три фамилии похороненных здесь[18].

Ираида Шешкунайте вспоминает: «В середине лета 1941 года нашу семью из Литвы привезли прямо сюда. Вокруг посёлка стоял высокий трёхметровый забор-частокол из брёвен. По углам – сторожевые вышки. Внутри ряды аккуратных бараков. В бараках были ряды двухъярусных нар и железная бочка с железной трубой вместо печки. Помнится, что зола в печке барака была ещё теплая. Дорожки во дворе аккуратно только-что подметены. Впечатление такое, что час назад здесь жили люди...»

---

[17] *Раценас, Р. Памятники в местах заключения и ссылки жителей Литвы. 1940-1958. Vilnius, 2005. – С. 40.*

[18] *Щербинина, М. Крест для второго безымянного / М. Щербинина // Республика. – 2001. – 23 июня.*

В том же году на месте затерянных в тайге починков: Лобановка и Максим установлены два Памятных креста. Жители починков, охотники и крестьяне отказались вступить в колхоз, были репрессированы и выселены из родных мест. Направлены в лагеря, трудпосёлки, на строительство Беломорканала.

При обследовании были обнаружены и занесены на карту кладбища починков. Записаны воспоминания местных жителей[19].

В бывшем трудпосёлке, режимном лагерном участке Локчимлага (больных «заразными болезнями»), позже спецпосёлка Веж, построенном на песках, где ничего не вырастало, овеянного легендами людских страданий и ставшим обыкновенным лесопунктом Локчимского леспромхоза осталось огромное кладбище с тысячей порой неприметных могил. На более поздних сохранились кресты и надписи. Последние люди Веж покинули 28 марта 1978 года. Памятный знак с помощью бывших жителей посёлка установлен 5 июля 2001 года. Составлен план кладбища. Собраны воспоминания старожилов.

Нидзь. Впервые, когда оказались на этом песчаном поле, все были ошарашены, везде валялись человеческие кости. Здесь брали песок для строительства дорог. Вместе с нами в поисках могилы отца сюда прибыл житель Москвы А. Чирков[20]. Оказалось, это было кладбище Нидзского инвалидного лагпункта Локчимлага. Человеческие кости собрали. 9 октября 2001 года установили Памятный крест с надписью «Покойтесь с миром». Шли годы, дожди из песка вымывали человеческие кости. Собирали. Хоронили. В 1996 году при очередном перезахоронении был установлен новый памятный металлический крест[21].

Сапыч. Памятный крест на кладбище установлен 23 июля 2003 года. Как жили в Сапыче спецпереселенцы, докладывает 25 июня 1933 года своему начальству поселковый комендант Мальцев: «... фельдшер слабой квалификации, к обязанностям относится халатно. Он допустил, что на кладбище трупы зарываются на 10-15 см. и теперь на кладбище невозможно зайти от запаха, а также были свалены трупы в силосную яму». Вспоминает Д. М. Малькова: «Когда привезли нас в Сапыч, мне было 6 лет. Есть нечего было. Собирали траву. Даже лошади дохли. А кишки закапывали в землю. Мать пошла ночью, чтоб не увидел комендант, найдёт да откопает. Вымоет всё, сварит и мы едим... Отец умер в Мордино. Мать одна на санках привезла за 20 км. в Сапыч. Сама яму выкопала, сама и одна похоронила. Везёт, рассказывала потом мне, остановится, откроет, поплачет и дальше везёт».

---

[19] *Королёва, Л. Н. Судьба починков Максим и Лобановка / Л. Н. Королёва // Покаяние. Мартиролог. – Сыктывкар, 2004. – Т. 6. – С. 1008.*

[20] *Шевчук Людмила. Поезд памяти, станция Нидзь // Экспресс. – Сыктывкар, 1997. – № 38.*

[21] *Артеев, А. Третий крест / Артур Артеев // Молодёжь Севера. – 2006. – 29 июня.*

Захоронение Лопью. Название условное. Находится в тайге в 34 километрах от ближайшего населённого пункта, поселения Нившера. Показали местные охотники. Кто похоронен не знают. В молодом сосновом бору 41 могильных впадин, в то числе 4 ямы. Сохранились три покосившиеся, покрытые мхом католические (немецкие) кресты аккуратной работы. 18 августа 2004 года здесь установлен Памятный крест.

Пезмог (посёлок) – «Столица» первых лесных лагерей Коми области. Ныне – поселение Аджером. В годы Локчимлага, здесь были четыре зоны: Аэродром, Лесопильный завод, Подсобное хозяйство.

Найдены четыре захоронения. На самом позднем 6 июля 2004 года установлен Памятный крест. Сюда ежегодно приезжают родственники погибших в Локчимлаге.

В районе комендантской зоны лагеря, рядом с автострадой Сыктывкар – Усть-Кулом 17 июля 2002 года установлен 12 тонный валун гранита с надписью: «Узникам лесных лагерей» (1932-1956).

Документальные материалы о захоронениях Локчимлага отсутствуют. Каждый из 16-ти установленных на местах лагерных захоронений памятных знаков имеет свою историю поиска, исследования и описания. Живых, бывших узников лагеря не осталось. Их не было и 30-40 лет назад. Единственный источник – свидетельства местных жителей, охотников. Рассказы, сохранившиеся в памяти родителей, старожилов. Зарастающие в тайге пустыри, со следами развалин. Следы сгнивших лагерных лесовозных лежнёвок. Чашки однопроводной лагерной телефонной связи на выросших соснах. Ямы искусственного происхождения, напоминающие могильные впадины. Иногда и человеческие кости, выступающие из-под земли.

Не раз слышали рассказы местных жителей о лагерях в окрестностях поселения Большелуг. В июле 2007 года организовали туда экспедицию. Нащли старого охотника, помнящего место. Здесь, в лесу, много лет назад, поздним вечером, идя с грибами по старой дороге, он увидел шествие людей в белых одеждах. Люди пели. Испугался, что не помнит как оказался дома. Родители ему объяснили, что там кладбище заключённых. Другой житель нас привёл в это же место, показал в лесу у старой дороги ямки. Пояснил, что в районе деревни Вылиб находились три Локчимлаговских участка. Их называли точками. Прверка ям металлическими щупами (ребята имеют опыт в поисках погибших солдат на местах боёв Вов) подтвердила захоронение. Составили план. В селе с помощью старших изготовили крест. Установили. Определили координаты. Пригласили священника, который освятил найденное кладбище. Провели фото и видео съёмки. Опубликовали в местной печати[22]. Опыт показал,

---

[22] *Смилингис, А. По местам гулаговского прошлого Вишерского края / Анатолий Смилингис // Звезда. – 2007. – 20 июля ; Николаева, А. Неизвестная точка // Республика. – 2007. – 26 июля.*

что поиск лагерных захоронений в тайге трудоёмкая работа. Например: доставка в бездорожье тяжёлых металлических крестов. Иногда крест необходимо нести два и более километра.

Ближайшими задачами считаем отвод и закрепление участков лагерных кладбищ в земельном фонде района, составление путеводителя, выявление фамилий и увековечение захоронений.

А. Смилингис

Доклад на Международной конференции «Между памятью и амнезией: Следы и образы Гулага» (г. Санкт-Петербург, Европейский университет, 5-7 ноября 2007 г.): неопубликованный материал, предоставлен автором.

Самый страшный из всех лагерей в Коми

Сыктывкарским Госуниверситетом в конце 1997 года издана книга «ГУЛАГ в Коми крае 1929-1956 гг.». Это первое фундаментальное научное издание о лагерях ОГПУ-НКВД-МВД, действовавших на территории Коми. Автором книги является доцент СГУ Николай Алексеевич Морозов. В книге использованы материалы бывших закрытых архивов, библиография отечественных и зарубежных авторов, воспоминания, обобщены разные точки зрения на систему ГУЛАГа, нашедшие отражение в литературе. Автор приводит многочисленные статистические данные. Например, в 1939 году в лагерях Коми АССР численность заключённых составила 120 тысяч человек, а через десятилетие, т. е. в 1949 году, число заключённых достигает уже 250 тысяч человек. По подсчётам автора в лагерях Коми погибло не менее 350 тысяч человек. Особенно большая смертность была в железнодорожных и лесных лагерях.

В книге даётся описание Пезмегского комбината, первого лесного лагеря в Коми, который с 1932 года размещался на территории нынешнего Корткеросского района с дислокацией в посёлке Пезмег (ныне Аджером).

Интересно, что по-началу такой лесной лагерь планировалось разместить в Архангельской области, но руководство ОГПУ Северного края такой вариант плана отвергал по причине, что «... лэкчимский вариант плана обеспечивал лучшие условия для осуществления исправительно-трудовой политики среди деклассированных элементов – трудового воздействия и режима над классово чуждым элементом». ОГПУ считало, что «естественные условия намеченного района позволяют решить проблему оседания этих элементов на месте путём ассимиляции на предприятиях Коми области» (149 стр.).

До 1940 года уже планировалось вырубить около трёх миллионов кубометров древесины лучших боров бассейна реки Лэкчим.

С 1 мая 1933 года Пезмегский («Северный» комбинат подчиняют Наркомату юстиции СССР, Главного управления исправительно-трудовых учреждений НКВД СССР (ГУИ-ТУ НКВД СССР).

Так было положено начало системе лесных лагерей Коми. К декабрю 1933 года численность заключённых в Пезмеге достигла 2092 человека. Сложившаяся структура лагеря состояла из Пезмегской, Позтыкересской и Лэкчимской колонн.

Кроме заключённых в Пезмегском комбинате в 1933 году работали 1200 спецпереселенцев. Пезмегский лагерь разрастался быстро. На крупномасштабных топографических картах 1934 года на месте нынешнего посёлка Усть-Лэкчим оконтурена территория размерами 250 х 100 метров с чёткой надписью – «Бараки ГУИТУ». В восьми километрах от устья, на правом берегу Лэкчима, тоже числятся бараки ГУИТУ, рядом с озером Коровад – надпись на карте «Бараки ИТК» и т. д.

В 1936 году комбинат был закрыт, на его базе работало Пезмегское лесозаготовительное хозяйство Нижнечовской исправительно-трудовой колонии. Но не долго. В 1937 году с 16 августа создаётся мощный Лэкчимский лесной лагерь НКВД СССР с дислокацией в пос. Пезмег (почтовый ящик № 234). Лэкчимлаг тогда состоял их трёх крупных лаготделений: Мординского, Сторожевского и Усть-Немского. Каждое лаготделение имело свои лагерные участки. Например, Мординское лаготделение состояло из четырёх лагучастков (Веръю, Певк, Четдин, Нам). Каждый лагучасток имел по несколько лагпунктов. Например, в Мыелдинском лагучастке было 12 лагпунктов и т. д. В 1938 году в Локчимлаге было 26 242 заключённых. Считается, что Лэкчимлаг, т. е. Лэкчимский лагерь, был самым страшным их всех тогда находившихся в Коми лагерей. Массовая смертность, голод, обмораживания привели к резкому сокращению работоспособного континента лагеря. Так, в первом квартале 1938 года 40% заключённых были нетрудоспособны. А в четвёртом квартале этого же года от голода и непосильного труда погибло более одной тысячи заключённых. Лагерь в последствии экономически себя не оправдал и 17 августа 1940 года был закрыт.

Бывшая столица этого страшного лагеря – Пезмег – стала сельскохозяйственным лагпунктом другого крупного лесного лагеря – Устьвымлага.

Посёлок Пезмег (Аджером) волею судеб оказался долгожителем ГУЛАГа в Коми крае. В его зонах (число их доходило до четырёх) более 22 лет жили и умирали заключённые.

В книге Н. А. Морозова (стр. 173) можно прочесть, что на 1 января 1954 года в этих местах был Пезмегский лагпункт Усть-Вымского лагеря НКВД СССР.

Сегодня Аджером (п. Пезмег) опоясан полями лагерных захоронений. На территории посёлка сохранились постройки лагерной архитектуры. Но мало кто знает из местных жителей о страшном прошлом этих мест.

Места бывших лагпунктов, лаготделений Лэкчимлага сегодня заросли лесом. Многочисленные кладбища, в которых покоятся десятки тысяч заключённых, разбросаны по всему району. Книга Н. А. Морозова ещё раз нам напоминает, что нельзя забывать прошлое, чтобы не повторилось страшное время 37-х годов.

Ныне вышло много документов, призывающих к восстановлению исторической правды. Администрацией Корткеросского района образована рабочая группа, в задачи которой входят установление мест бывших лагерных захоронений, мест бывших лагерных зон и установление в них памятных знаков.

Да, это необходимо для того, чтобы не повторилась драма Нидзского лагерного кладбища, вместо которого был образован гравийный карьер. Это необходимо, чтобы люди не забывали свою историю, своё прошлое.

А. Смилингис
Звезда, 1998, 24 марта

Поселок Аджером (Пезмег) в истории ГУЛАГА СССР

Пезмогский комбинат как структура ГУИТУ (Главного управления исправительно-трудовых учреждений) явился одним из первых крупных лагерных комплексов на территории Коми области. Его создание было первой и единственной попыткой организации крупного промышленного комбината с массовым использованием труда заключенных в системе ГУИТУ. В официальных документах комбинат именовался по-разному: Северным, Пезмогским, Локчимским. За годы существования (1932-1936) в нем погибли тысячи заключенных, до сих пор не известны места захоронений.

С весны 1932 г. на территорию нынешнего поселка Аджером начали прибывать баржи с заключенными. Средств и людей не жалели. Строятся землянки, лагерные бараки, ведутся заготовка древесины и строительство лесовозных дорог-лежневок из бревен (на километр лежневки уходило более 200 кубометров деловой древесины). Стены здания электростанции, для лесопильного завода воздвигнуты из смеси цемента и камушек, собранных ведрами на полях. Размеры здания, чаны для охлаждения воды, впечатляют. По

словам современников, топливом для станции служили опилки рядом построенного лесопильного завода. В 1933 г. на освоение было израсходовано 4,3 млн. руб., заготовлено 40 тыс. куб. м древесины.

...Следующий этап ГУЛАГа в истории поселка Пезмог совпал с развертыванием «Большого террора» в стране.

31 июля 1937 г. появляется Оперативный приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», который утверждается в Политбюро ЦК ВКП. Одновременно утверждаются сроки «кулацкой операции» и ассигнования на ее проведение, а также принимается решение об организации шести новых лесозаготовительных ИТЛ, куда должны направляться осужденные по этой операции. Приказ определял контингенты, подлежащие репрессии: бывшие кулаки, оставшиеся в деревне или осевшие в городах, бывшие члены социалистической партии, священство, «бывшие белые» и т.д., а также «уголовники», т.е. люди, ранее судимые по общеуголовным статьям УК. В отношении «наиболее активных антисоветских элементов» операция должна была проводиться также в тюрьмах, лагерях, трудпоселках. Приказ устанавливал количественные «лимиты» по первой (расстрел) и второй (заключение в лагерь) категориям для каждого региона СССР, а также фиксировал персональный состав «троек», выносящих приговоры (начальник УНКВД, секретарь обкома, областной прокурор). Приговоры выносились заочно, т.е. без вызова обвиняемого, а также без участия защиты и обвинения, обжалованию приговоры не подлежали. Специально указывалось, что приговоры к расстрелу должны приводиться в исполнение «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места проведения». Согласно приказу, операция должна была длиться четыре месяца, за это время было намечено осудить к расстрелу 75950 чел., заключить в лагерь 193000 чел. (всего в ходе «кулацкой операции», в основном завершенной к весне-лету 1938 г., было осуждено не менее 818 тыс. чел., из которых расстреляно не менее 436 тыс. чел.

16 августа 1937 г. во исполнение приказа организованы новые лесные лагеря ГУЛАГа НКВД: Ивдельский, Каргапольский, Кулойский, Тайшетский, Томско-Асинский, Усть-Вымский и Локчимский, куда направлялись в основном заключенные, осужденные по приказу 00447 (2-я категория).

Центром (столицей) Локчимлага был определен поселок Пезмог (Аджером). Здесь на сохранившейся базе Пезмогского комбината были образованы четыре лагерные зоны: управленческая, сельскохозяйственная, лесозаводская, общая. В 1938 г. дополнительно введена комендантская зона. Строительство велось с размахом. Для управленческой зоны были построены семь двухэтажных зда-

ний, в которых ежедневно трудились три тысячи зеков счетоводов-нормировщиков.

В течение двух месяцев для вольнонаемного персонала (охрана, офицерский состав, специалисты) построено двухэтажное здание средней школы. К 1 сентября 1938 г. самолетом начальника лагеря из Москвы были доставлены учебно-наглядные пособия.

Локчимлаговский аэродром был один из крупных на территории Коми. Утверждают, что начальник лагеря частенько по субботам летал в Москву отдохнуть в ресторане.

В Локчимском лесозаготовительном лагере НКВД СССР – ЛОКЧИМЛАГ, созданном на основании Приказа НКВД СССР № 00047 в октябре 1937 г., насчитывалось 18937 заключенных. В 1938 г. – 26242, 1939 г. – 22585, 1940 г. – 10269 заключенных со сроками наказания пять лет и более, размещенных в многочисленных участках 25 лагерных пунктов.

1 июня 1940 г., согласно Приказа по Локчимлагу № 309, существующий в поселке Пезмог комендантский лагпункт с управленческим аппаратом был ликвидирован с передачей функций Пезмогскому отдельному лагерному пункту, при котором были оставлены лесозавод, мастерские ЦРМ, гараж на 24 автомашины, столярные мастерские, кирпичный завод. 17 августа 1940 г. лагерь был закрыт. Материальные, имущественные ценности и весь персонал Локчимлага были переданы в полное распоряжение Устьвымлага. 9 сентября 1940 г. начальник управления Локчимлага Михайлов издал приказ, пункт 3-й которого гласит: «Все материальные ценности и весь персонал Локчимлага с 10 сентября 1940 г. предать в полное распоряжение Устьвымлага».

18 декабря 1940 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление о ликвидации Локчимлага, с сохранением на территории поселка Пезмог отдельной лагерной зоны подсобного хозяйства – Сельхозподразделение с подчинением Устьвымлагу. Гулаговская система в поселке Пезмог продолжила существование. В 1952 г. Пезмогский лагпункт имел литер АН-15, почтовый ящик 243/15 и непосредственно подчинялся управлению Устьвымлаг. Только в июле 1956 г. деятельность Устьвымлага закончилась, и Пезмогский лагпункт был закрыт. Положен конец «долгожителю» ГУЛАГа СССР, просуществовавшему на территории нынешнего поселка Аджером с 1932 по 1956 г.

Свидетели времени здесь – траншеи лагерных землянок с выходом на общую площадку. Лагерная топонимика: Шанхай – где проживали репрессированные китайцы, корейцы, иранцы; Кремль-территория, в которой проживало лагерное начальство. Аэродром. Красный маяк – ряд пристаней на берегу озера Адзеромты. Лесозавод. Электростанция. Агробаза – пустующие ныне поля сельскохозяйственного лагеря. Сохранилось здание тюрьмы комендантской зоны с камерами

и надписью на стропиле крыши: «Печь сложена бригадой Игнатова, печники Мерилин и Лазарев. 7 сентября 1938 г.». Старожилы говорят, что в этом здании расстреливали заключенных.

На территории бывшей столицы Локчимлага (поселок Аджером) известны четыре кладбища заключенных: Лесозаводское; Комендантское; Аэродромовское; Сельхозовское. На территории бывшей комендантской зоны лагеря, рядом с автострадой Сыктывкар – Усть-Кулом, 17 июля 2002 г. установлен памятный знак-камень: «Узникам лесных лагерей». На кладбище заключенных «Лесозаводское» 6 июля 2004 г. установлен Памятный крест.

Прошли годы. Память людская возвращается в эти места в лице потомков, в поисках могил родных.Едут из России, из зарубежных стран. В раздумьях понятия случившегося.

От составителей (текст публикации представлен в сокращении).

А. Смилингис

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27-28 окт.– Сыктывкар, 2011. – Ч. 1. – С. 68-71.

Геноцид

Сталкиваясь с темой о переселенцах, у меня постоянно возникает вопрос: в чем была вина этих людей, которых насильно вырвали из насиженных мест и бросили в необжитую тайгу? В тайгу, где и не каждый местный выживет, а тут люди, которые и в глаза-то не видели столько леса, люди, которые испокон веков сеяли да пахали, а не рубили деревья да выкорчевывали пни.

Этот же вопрос – за что? – задавал неоднократно при встрече в посёлке Усть-Локчим, где проживает, Энгельберт Фридрихович Глок. Прожив более 80 лет, он так и не понял, за что его, молодого парнишку, подающего большие надежды журналиста республиканской газеты города Энгельса, что в Саратовской области, полтора года держали в одиночной камере подвала Саратовской тюрьмы? За что водили на расстрел, да ещё и самому заставили копать могилу? За что вся его долгая и трудная жизнь прожита вдали от родных мест?

Действительно, не зря говорят, что когда для примера приводят несколько цифр это называется статистикой, а когда одну – это трагедия.

Для Энгельберта Фридриховича это трагедия. Трагедия всей его жизни. Также и для всех тех тысяч и тысяч, которые безвинно сгинули в нашей непролазной тайге. Каким же надо быть жестоким и бесчеловечным, чтобы бросить, заранее зная их участь, миллионы безвинных жизней!..

Просматривая копии документов тех далеких времен, которые любезно предоставил мне директор Корткеросского дома пионеров Анатолий Антонович Смилингис (а он занимается этой темой уже многие годы, это горькое и трагическое время его коснулось лично: уроженца Литвы, его ещё мальчишкой, выслали в наши края и до сих пор он не знает ни могилы отца, ни могилы матери), я увидела такой документ:

«Секретарю Корткеросского РК ВКП(б) Сидорову. 18.06.1941 г. № 550.

О снабжении и трудовом устройстве спецпереселенцев 2-й и 3-й категории в спецпосёлках Нам и Четдино.

Снабжение поставлено совершенно плохо, продукты на руки спецпереселенцам, кроме черного хлеба, не выдаются. Белого хлеба не бывает и не бывало. Снабжаться исключительно через столовую семьи не в состоянии, так как в течение четырех месяцев полного расчета не производилось, а авансирование производится только на работающих спецпереселенцев от 1.50 до 2 руб. в день, что для снабжения неработающих членов семей обеспечить рабочие не в состоянии.

...Рабочие, спецпереселенцы 3-й категории на сегодняшний день ходят в рваных одеждах, туфлях и галошах.

Начальник Корткеросского РО НКВД Морозов».

Этот документ привлек моё внимание не только тем, что ещё раз доказывал о том, что спецпереселенцы голодали, но и тем, что упоминались какие-то категории. Какие? Меня это заинтересовало.

И вот в журнале «Новый мир» № 3 1990 года Василий Белов в статье «Год великого перелома» приводит очень любопытный документ – Постановление бюро Северного крайкома (примерно от 5 февраля 1930 года). И в этом документе я не только нашла ответ на свой вопрос, но и поняла, что насильственное переселение народов – это одна из самых страшных и трагичных страниц в истории нашей страны (теперь уже бывшей). Поняла и то, что все это называется одним коротким и страшным словом – ГЕНОЦИД. Вот этот документ:

«...Исходя из политики ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации и решительного подавления противодействия кулачества и контрреволюционных элементов деревни происходящим процессам социалистического переустройства сельского хозяйства бюро крайкома постановляет:

1. Отнести контрреволюционную верхушку кулачества края к I категории и немедленно начать её ликвидацию...

4. В районах сплошной коллективизации кулачество отнести ко 2 категории. Конфисковать у кулаков этих районов средства производства, скот, жилье и хозяйственные постройки, предприятия по переработке корма, семена и сырьевые запасы, а сами кулацкие семьи выселить через аппарат ПП ОГПУ в северные необжитые районы края...

9. Ликвидацию 1 категории закончить не позднее 20 февраля. Началом выселения остальных категорий определить 20 марта...

11. Выселяемые в отдельные районы Севера кулацкие семьи расселить отдельными небольшими – до 100 дворов – посёлками, управляемыми спецкомендантами, назначаемыми органами ОГПУ. Предложить ПП ОГПУ к моменту расселения кулацких семейств выработать специальное положение о таких посёлках...

23. Обязать окружкомы и Коми обком каждую десятидневку информировать крайком о ходе этой работы, настроении парторганизации, рабочих и деревни».

И вот эшелон за эшелоном, баржа за баржей прибывают в Коми край люди, называющиеся по документам «спецпереселенцы». А местные люди их называли «высланные». Не для того, чтобы обидеть или уколоть. Нет. Просто их действительно выслали. Не переселили, а выслали. Без права знать причину высылки. Без права взять то, что нажито за долгие годы своим трудом. Только котомочка с едой и небольшой сверток с одеждой. А у некоторых и этого не было. Да ещё и с каждого высланного брали подписку о неразглашении «тайны». (Спецпереселенец не имел права рассказывать, писать в письмах о жизни, о работе. За разглашение «государственной тайны» могли посадить не менее, чем на 10 лет).

Их поселяют не в сёлах, а отправляют дальше – в глушь, в тайгу. Хорошо, если на улице весна или лето. А если осень? Зима? Вот и умирали они десятками сотен. Какие думы, какие мысли были у них?

Адская работа сваливала с ног не только ослабленных, но и физически здоровых. Если бы хоть кормили нормально да одежду давали. А то...

...Из докладной записки временного начальника Корткеросского РО НКВД Иванова секретарю Корткеросского РК ВКП(б) Сидорову (под грифом «Совершенно секретно») о ходе лесозаготовок в Маджском лесопункте, использовании спецпереселенцев-беженцев и их бытовых условиях (по состоянию на 29.01.41):

*«Всего трудоспособных спецпереселенцев по спецпосёлкам 31 квартал и Расъю –188 человек, из них мужчин – 148, женщин – 14. Из 488 человек трудоспособных спецпереселенцев па производстве используются не более как 220 человек па всех видах работ, а в спец-посёлке 31 квартал из имеющихся трудоспособных людей работают только 50 процентов, и то из них более половины работают без обуви и одежды, почти совсем босые и ходят в рваных одеждах (это в январе месяце! – **Н.Б.**). А остальные спецпереселенцы из-за неимения обуви и одежды совсем не используются. Многие просят работы, но у лесопункта нет обуви и одежды, а поэтому их не используют на работе. В следствии этого лесопункт план I квартала далеко не выполняет...»*

О каком выполнении плана мог думать человек, когда ноги босы, а живот пуст уже не первый день? И это в начале 41 года, когда некоторые лесные посёлки существовали уже без малого 10 лет. А что же говорить о 1932—33 годах, когда по всей стране голод, как огромный черный паук своими щупальцами, охватил всю страну?

Вот что пишет об этом страшном времени Л. С. Шабалова в статье «Жить, чтобы выжить», опубликованной в сборнике «Родники пармы» в 1990 году в Сыктывкаре:

«...Самой трагической страницей в истории коллективизации был голод, постигший деревню в 1932—33 годах. Возможно, это самое страшное преступление Сталина и его окружения. Надо было уметь руководить, чтобы оставить такую страну, как Россия, без хлеба. Голод охватил территорию, на которой проживало более 25 млн. человек. Вымирали целые селения. Сейчас чрезвычайно трудно установить точное количество погибших, но по предварительным подсчетам в голодные годы умерло 3 -4 миллиона человек.

Огромной смертностью, массовыми побегами, новым горем и страданиями обернулся этот голод и для спецпереселенцев. Из-за отсутствия продовольственных фондов леспромхозы отказывались от трудоустройства спецпереселенцев, лишая их тем самым единственного источника существования, а работающим по 6 – 8 месяцев не выдавали зарплату. Норма снабжения нетрудоспособных упала до 100 граммов хлеба в день. Из-за бескормицы начался массовый падеж скота...»

Л. С. Шабалова в своей статье приводит много фактов и цифр, от которых становится страшно. Часто попадаются знакомые названия: Сапыч; Расъю... Все это посёлки, были когда-то в Корткеросском районе. О них нынешняя молодежь, возможно, и не слышала. А ведь там жили люди, влюблялись, создавали семьи, рождались дети. Шла жизнь. Трудная, полная страха и унижений. Но жизнь. И как говорил писатель, «она дается всего один раз...»

Тема о спецпереселенцах никогда не оставляла меня равнодушной, но просмотрев и прочитав об этом множество статей, я так и не увидела в них объяснений, выявляющих причину репрессий. Если вдуматься, то получается абсурд: кого раскулачивали в 30-е, 40-е годы? Ведь по учебникам нас учили, что кулачество как класс было ликвидировано в 1919 году. Откуда появились эти миллионы «кулаков»? Не нашла причин репрессий и в статьях Л. С. Шабаловой, хотя она уже не один десяток лет занимается спецпереселенцами в нашей республике.

Свою версию, с которой я более или менее согласна, высказал Анатолий Антонович Смилингис.

После государственного переворота 1917 года стране нужна была валюта для восстановления хозяйства. И вот появилась чья-то идея (Чья? Вот бы знать?) «зелёного золота». Запасы хлеба, который продавали на валюту (кстати, не оставив хлеборобам даже на пропита-

ние), исчерпался, а «зелёное золото» почти неисчерпаемо. И вот начали вывозить людей на Север. По приблизительным подсчетам на лесозаготовках работало не менее 2,2 миллиона человек. Все (или почти все) потомственные хлеборобы, естественно, не имеющие навыков работы в лесу. Да ещё совершенно иные климатические условия. Все это в последствии сказалось на производительности труда.

Стали появляться посёлки. Но не как обычно – в местах, пригодных для жилья, а по принципу – где больше леса. Но люди есть люди. Они хотели жить и делать то, что они умели. А умели они работать на земле. И вот возле посёлков стали появляться поля, где росли рожь, овес, пшеница. Например, в таком посёлке, как Емельстан, даже в самые тяжелые годы не голодали.

Тут надо вспомнить, и о местном населении. Спецпереселенцев надо было привезти на место, строить что-нибудь для них, кормить. Привезти-то их привезли, а чем кормить? Ведь фонды на район были рассчитаны только на количество местных жителей. А в некоторых спецпосёлках было намного больше людей, чем в селах. Местные власти в приказном порядке заставили делиться продовольственными фондами со спецпереселенцами. Кто не делился – суд. В следствии этого, голодали не только спецпереселенцы, но и местный, коренной народ.

Люди умирали. От голода, от холода. Количество спецпереселенцев убавлялось. И чтоб пополнить запас рабочей' силы, последовала по стране очередная волна репрессий. «Великого вождя всех людей и народов» с его соратниками не интересовало, как долго проживут в таких страшных условиях эти люди. Им нужна была валюта. Лес – это валюта, следовательно, человек будет жить столько, сколько сможет работать. И люди умирали семьями. Например, в 1937 – 38 годах в спецпосёлке Рубикасоль за год менялось все население, т. к. все умирали. И выходило, что жизнь одного человека стоила 6 – 7 кубометров леса – это столько он мог сделать за год!

*Судьбы спецпереселенцев, объявленных кулаками, лишённых избирательных прав и выселенных со своими родственниками с обжитых мест изучены недостаточно. В основном, это были люди, составляющие опору сельскохозяйственного производства. Также мало известно о судьбах ими освоенных и построенных населённых мест – спецпосёлков, разбросанных на территории Коми края.

Первая волна спецпереселенцев в нашем Корткеросском районе появилась в 1930-е годы. Насильно привезённые крестьяне, прозванные кулаками, строились на новых, чаще всего необжитых местах. В 1930-1932 годах на территории нынешнего Корткеросского района возникали новые населённые пункты, получившие название спецпосёлки. Для их жителей службами ОГПУ был установлен режим ограничений выезда, режим рабочего дня и контроль нормативного распределения продуктов питания.

Начиная с 1930 года, в течение 2-4 лет на реке Локчим и его притоках, появились спецпосёлки Вырып, Певк, Сапыч, Веж, Емельстан, Теплогорка, Соль, Четдин, (Четдин база). На реке Нившера и её притоках: Боровое 1 (Боровская), Боровое 2, Лопъю, Одъю, Татарское. На притоках Вычегды: на реке Нёбъю – Шудог, на реке Угдым – Горка, на реке Маджа – Расъю, на реке Кия-ю – Кияю (известный среди населения как Второй участок). На реке Вычегда – Пезмог (ныне асёлок Аджером), в последствии стал центром образованного в этих местах Локчимлага.

Всего в районе выявлено 18 из 44 спецпосёлков, известных в Коми крае.

Неудачным оказалось место выбора для спецпосёлка Сапыч, находившегося в 21 километре по лесной дороге от села Мордино в сторону Теплогорки. Построенный рядом с небольшой таёжной речкой, Сапыч оказался в стороне от дорог, от большой реки, в самой что ни на есть глухой тайге. Как это начиналось рассказывает М. В. Кутенко, 1922 года рождения, жительница села Корткерос: *«Нашу семью вывезли из Киевской губернии. Вывозили полностью всю деревню, около 200 человек. Привезли в мае в местечко Сапыч... Место пустое, дикое, кругом лес. Тут нас и оставили жить. Мужчины поставили дома, в них – нары, как в лагерях по 2 ряда. С едой было очень трудно. Распоряжался выдачей хлеба комендант. Работающим давали по 600 граммов хлеба, а неработающим и детям – по 200 граммов. В столовой варили жидкое однообразное месиво, но было вкусно. Еды не хватало, и люди начали пухнуть от голода. Потом их пробирал понос, и они умирали...».*

Прошло 5 лет со дня образования Сапыча, но положение спецпереселенцев не улучшилось.

Вспоминает Д. В. Малькова, которую привезли в Сапыч в 1935 году (из магнитофонной записи 1989 года в Мордино): *«Когда нас привезли в Сапыч, мне было 6 лет. Есть было нечего. Собирали траву. Даже лошади дохли. Не знаю, куда лошадей девали, а кишки закапывали в землю. Мать наша ночью, чтобы не увидел комендант, пойдёт да откопает. Вымоет всё, сварит, и мы едим. Отец умер, мать осталась одна с 7 детьми. Отец умер в Мордино. Мать одна на санках привезла его за 20 километров в Сапыч. Сама яму копала, сама отца и похоронила. Везёт, рассказывала потом мне, остановится, откроет, поплачет и дальше везёт.*

Потом в войну мама нас привезла за 33 километра в деревню Четдино. Возила нас на саночках по одному...». В музее Мординской средней школы имеется следующая запись: « Переселенцев из Сталинградской области на место будущего посёлка привезли летом 1931 года. На первое время маленькие избушки и землянки. Лес был рядом, но не хватало инструментов, не было строительных материалов: кирпичей, гвоздей, досок. Всё это переселенцы делали сами.

Не было никакой медицинской помощи, от голода и болезней люди умирали десятками. Покидать посёлок без разрешения спецкоменданта не разрешалось.

В 1935 году организовали колхоз. В этом же году привезли переселенцев из Белоруссии. Первым председателем колхоза был Василий Миронов. В колхозе держали скот. Сено косили по рекам Сапыч и Локчим. Выкорчевав лес под пашни, сеяли рожь, пшеницу, ячмень, овёс, горох. Также сажали картофель, овощи. Никакой техники не было, всё вручную. В 1936 году открылась начальная школа, где первой учительницей была Е. И. Китаева.

Нелегко жилось спецпереселенцам в Сапыче до войны, а в годы войны стало ещё труднее. Весь выращенный урожай сдавали государству, а в 1942 году всех оставшихся мужчин призвали на фронт.

В конце 1946 года на Сапыче оставалась только одна семья Сальцевича Герасима Станиславовича. Колхоз распался. Последние люди покинули посёлок в 1953 году.

Список некоторых жителей посёлка Сапыч того времени: И. Доронин – комендант НКВД, единственный коммунист в посёлке, Радмиевские, Возновичи, Чомовы, Сычёвы, Зорниковы, Иваркины, Пузанские, Синельниковы, Козьянины, Гвоздецкие, Сальцевичи, Альферовы, Рябинины, Горбуновы, Железняковы».

Эти записи сделал в 1958 году Ким Семёнович Шевелёв будучи учителем Мординской средней школы (впоследствии – директор школы, председатель сельского Совета). Надо отдать должное Киму Семёновичу за его мужество: в те времена записи такого рода, мягко говоря, не поощрялись, т. к. распространение сведений о спецпосёлках было под строжайшим запретом.

Стране нужен был лес. Заготовка древесины входила в плановые задания для спецпосёлков. За кубометры, за выполнение плана в какой-то мере отвечало и НКВД, т. к. спецпереселенцы считались его контингентом. Потомственные хлеборобы оказались неприспособленными и к суровым местным условиям. Голод, холод, непривычный труд – всё это не способствовало производительности труда. Это видели и понимали отдельные сотрудники НКВД. Понимали, что без увеличения нормы питания, улучшения условий труда и быта спецпереселенцев невозможно увеличить объем лесозаготовок. Об этом они не раз сообщали руководству района. Вот одно из сообщений. 8 апреля 1941 года начальник Корткеросского РО НКВД младший лейтенант милиции Морозов уведомляет секретаря Корткеросского РК ВКП (б) Сидорова:

«... Трудпосёлки, расположенные на территории Локчимского подрайона, находятся в исключительно трудных условиях по вопросу снабжения хлебопродуктами. На сегодняшний день в посёлках Веж, Емельстан, Соль, Теплогорка, Сапыч у колхозников хлеба, можно сказать, вовсе не имеется в виду того, что урожай сняли очень низ-

кий, в результате чего на трудодень в посёлках приходилось по 100-150 граммов хлеба на человека, что, бесспорно уже израсходовано... есть случаи заболевания нескольких семей от недоедания...».

Морозов просит срочного вмешательства и оказания помощи в снабжении спецпереселенцев хлебопродуктами.

Кроме того, что были трудности с хлебом, спецпереселенцам регулярно задерживалась выплата денег или вообще не выдавалась заработная плата.

Вспоминает П. Е. Шабарина (пос. Мордино, магнитофонная запись 1989 г.):

«Нас привезли из Еловского района Вологодской области. Мне тогда было 16 лет. По Вычегде на баржах везли до Нёбдино, потом до Шудога пешком. Ничего не было: лес и один барак. Туда нас попало человек 500. Мужики всё трудоспособное (в том числе и мы, девчата) строили бараки. Хлеба давали граммов 500. Соли вообще не давали. Люди пухли от голода, ели берёзовую кору. Выручали летом грибы, ягоды, а зимой прямо семьями умирали. Пожалуй, в те годы половина из привезённых вымерла. Наша семья выжила, умер только дядя, брат отца. Его похоронили в Шудоге.

Денег нам за работу не платили совсем. Ничего не давали, только продукты немного. Мы денег сроду не видали...»

Невыплачивание заработной платы, запрет на выдачу каких-либо документов и справок, подтверждающих личность, необходимость еженедельно отмечаться у коменданта. Всё это было мерами против побегов спецпереселенцев. Но невыносимые условия труда, жизни вынуждали убегать. Убегали в одиночку, семьями, группами.

Рассказывает Л. И. Дубро, 1923 года рождения: *«... Нас собралось 72 человека вместе с семьями, ребятишками. Все переселенцы. Двинулись лесом в сторону Кирова. Наняли проводника из местных, но его засекли, и пришлось ему отмечаться утром и вечером в сельсовете. Мы 2 недели ждали его в лесу, съели все продукты. Потом разделились на 2 группы. Одна пошла без проводника, а другая осталась ждать проводника до конца. Что делать? Пришлось вернуться в Лопыдино за продуктами. С местными людьми у нас вражды не было, поэтому коми помогли нам с продуктами. И пошли снова.*

Одна заболела, и её пришлось нести на руках. Другая заболела. А были уже от Лопыдино в километрах 70. Пришлось возвращаться. На обратном пути не было воды. И пока искали воду, потеряли одну девочку. Искали её долго, еле нашли полуживую. Другая группа всё-таки добралась до Кировской области, но их там поймали и оставили жить в одном из посёлков».

За три дня до начала Великой Отечественной войны младший лейтенант милиции Морозов снова информирует секретаря Корткеросского РК ВКП(б) Сидорова и председателя райсовета депутатов трудящихся Гух: *«... Снабжение спецпереселенцев со стороны Пезмог-*

ского леспродторга поставлено совершенно плохо. Как в спецпосёлке Нам, так и в Четдино на руки продукты не выдаются, кроме печёного хлеба. Рабочие спецпереселенцы 2 категории босые на 30 процентов. Намским лесопунктом спецпереселенцам 2 категории в течение 4 месяцев расчёты не произведены, несмотря на то, что некоторым причитается заработок до 600 рублей...»

Война подорвала и без того тяжёлое положение спецпереселенцев. Остановились работы по обустройству посёлков, прекратилось освоение новых земель, все трудоспособные мужчины были призваны на фронт, а всё выращенное сдавали государству. Хотя было очень трудно. Люди понимали необходимость этого. Понимать-то понимали, но голод отнимал последние силы.

В годы войны спецпосёлки стали пополняться «свежей» рабочей силой. Привозили освобождённых актированных больных из лагерей, непригодных физическому труду, жителей прифронтовых районов и пограничных областей СССР. Это были немцы, вывезенные из Поволжья; карелы из своей древней родины, поляки и украинцы из западных областей; литовцы, эстонцы, финны; корейцы и китайцы, осуждённые за переход государственной границы в поисках лучшей жизни и оказавшихся в лагерях; турки и кавказцы, были и евреи.

Большинство привезённых оказались совершенно неприспособленными к тяжёлым условиям жизни. И спецпосёлки исправно поглощали весь этот интернационал.

По мере освобождения оккупированных немцами районов страны в спецпосёлки стали прибывать лица, сотрудничавшие с оккупационными властями, лица немецкой национальности, не уехавшие с гитлеровцами. В своём большинстве это была интеллигенция: учителя, врачи, служащие, артисты.

Последний массовый привоз на поселение выпал на 1946 год. Это были красноармейцы, побывавшие в плену у фашистов. Их прозвали власовцами. Прошедшим ад гитлеровских лагерей солдатам предстояло печальное знакомство с северной тайгой и жизнью спецпосёлков района.

Это была последняя крупная волна спецпереселенцев на территории нашего района.

После войны спецпосёлки стали именоваться лесопунктами, лесоучастками, колхозами. В 1946 году после отмены карточной системы условия жизни в бывших спецпосёлках стали быстро улучшаться. В тайгу пришла техника. Газогенераторные автомашины, работавшие на берёзовых чурках, были заменены на бензиновые. Появилась и бензопила. Главная задача оставалась прежней: заготовка древесины. Послевоенной стране требовалось много леса. С одновременно улучшающимися условиями питания земледелие незаметно ушло на второй план.

20 съезд Коммунистической партии положил конец культу лично-

сти и связанными с ними репрессиями. В том же году выезд из бывших спецпосёлков стал свободен. И люди стали уезжать. Одновременно к этому лесосырьевая база большинства посёлков оказалась истощённой. К существующему до войны земледелию возвращаться смысла не было, и один за другим, в течение десятилетия, посёлки опустели.

Судьба большинства спецпосёлков на территории Корткеросского района особенно не отличалась друг от друга. Одни и те же лишения, такие же трудности. Только о некоторых спецпосёлках известно больше, о других – меньше или вообще мало что известно. Только за последние несколько лет стали известны названия некоторых наиболее отдалённых от районного центра бывших посёлков.

Н.Быковская, А.Смилингис
Звезда, 1992, 25 августа

Тяжелая память прошлого

Своими сосновыми борами Локчимский лесной массив славится давно. По этой причине в прошлое столетие его леса вырубали многие. Пионером в этом деле была компания «Русголанлес», которую заменил Сыктывкарский леспромхоз, созданный для обеспечения древесиной Сыктывкарские лесопильные заводы. Не оставались в стороне и лагеря. Возникли лесозаготовительные участки, труд – и спецпоселки, лагерные колонии и лагпункты. Рост их совпал с массовыми репрессиями в стране. До начала Великой Отечественной войны в лесах Локчима было построено более сорока населенных пунктов, ориентированные на заготовку древесины.

В памяти жителей сохранились названия Емельстан, Певк, Сыртым, Вуктыль,Сапыч, Вырып, Соль,Веж, Рубикасоль... Все они исчезли.С того времени сохранился только лесной поселок Намск, в котором сегодня проживают потомки тех, кто построил уже исчезнувшие населенные пункты Локчима. Новое поколение, выросшее в Намске, интересует прошлое поселка, его история. Сколько же лет Намску?

Расспрашивая старожилов, не раз слышал фамилию Михаила Степановича Чиркина. Говорили, что он знает Намск с начала сороковых годов прошлого столетия. Патриоты поселка разыскали его. Помогли встретиться. Они устроили встречу и с самым старым жителем поселка, 96-летним Александром Петровичем Кабицким. Светлая память этих людей помогла разобраться в многочисленных фактах, воспоминаниях, имеющихся документах, заглянуть в многострадальную историю здешних мест, выходящую из рамок одного поселка. Историю судеб тысяч людей, оказавшихся заложниками неравной и негласной борьбы за лесные богатства края.

Семью Михаила Степановича, родителей, братьев в 1931 году пригнали пешком в глухую тайгу. Сказали: «Ройте землянки, жить тут будете!». Михаилу Степановичу было 9 лет. Помнит, бабушка говорила: «Нужно спасать деда». А комендант кричит: «Выработаете норму – будет вам пайка. Не выработаешь – ничего не будет!» А у дедушки руки, опухшие от холода и голода, с трудом топор держат».

Первого января 1932 года в наспех построенных землянках проживали 821 человек. Поселку дали название – Вуктыль.

За два года построенных таким образом спецпоселках Певк, Емельстан, Веж, Сапыч, Соль, Вуктыль проживало 3795 мужчин, женщин, стариков и детей. Это были репрессированные крестьяне, насильно привезенные из южных и центральных районов страны – кулаки, получившие статус спецпереселенцев и переданные Объединенным главным политическим управлением (ОГПУ) тресту «Комилес» для трудового перевоспитания. В стране проводилась политическая кампания по ликвидации кулачества как класса.

До этого трест «Комилес» имел в лесах Локчима три лесозаготовительных участка: Сыртымский, Четдинский и Намский, доставшиеся ему от «Русголанлеса». Михаил Степанович Чиркин, бывая в Намске, в 1935 году видел там смотровую «каланчу» и другие постройки, уполномоченного компанией.

Леса Локчима были нужны не только лесозаводам Сыктывкара. В 1932 году выходит секретное постановление о передаче локчимских спецпоселков в другие места. Одновременно, по инициативе Госплана СССР с одобрения Совета Труда и Обороны, создается Пезмогский (Северный) лесозаготовительный комбинат, при котором образуется Локчимская колония с тремя отделениями: Лопыдинским, Мординским и Теплогорским.

15 марта 1933 года закрепленных ранее за «Комилесом» спецпереселенцев спецпоселков Соль, Емельстан, Сапыч и Вуктыль в количестве 2456 человек. ГУЛАГ забирает и передает Локчимской колонии, этим «спасая» их от переселения в Ухто-Печорский лагерь.

6 августа этого же года Вуктыль и остальные спецпоселки Локчима были переданы Лопыдинскому отделению колонии, а рабсила (так в тексте) поступила в ведение и распоряжение ГУИТУ (Главное управление исправительно-трудовых учреждений). За трестом «Комилес» остались Намский, Четдинский и Сыртымский лесоучастки.

В это время в спецпоселках Локчима вовсю свирепствовал голод. Но начальству было не до живых людей. В марте месяце норма хлеба для иждивенцев(в т.ч. и детей) составила 165 граммов в день. Прекращена выдача крупы. Люди хлеб пекли с примесью березовой коры и веточного корма. Врач спецпоселка Веж, направленный для обследования локчимских спецпоселков, в докладной на имя секретаря обкома партии Тараканова писал: «Население локчимских спецпоселков за малым исключением истощено настолько, что еле бродит.

Приблизительно 30% с голодными оте-ками. Самым скверным в этом отношении является Вуктыль, детей там более 200 человек. Только в марте умерло 21 человек».

Инспектор Жеребцов из Облздравотдела, посетивший Вуктыль в апреле 1933 года, отмечает: «В поселке много детей, у которых умерли родители, они содержатся «подачками» ... Мною выявлен случай голодания одной девочки, которая в следствии систематического голодания пустилась на кражи. Ее никуда не пускали. Собирая всякий отброс из помойных ям (у нее нашли куски человеческого кала), эта девочка в конце концов умерла в коридоре барака».

Михаил Степанович Чиркин помнит голодные дни Вуктыла. Наевшись до отвала сморчков, они втроем сильно заболели. Решили спрятаться на чердак и там умереть, никому не мешая. Но отец их нашел. Уговорил знакомого начальника промторга Калинина помочь. «Калинин поднялся к нам на чердак, – вспоминает М.С. Чиркин. – Узнав, что мы три дня после грибов ничего не ели, спросил: «Ходить хоть можете?». Мы сказали, что не можем. Хащинин Вася с нами был. Ему четыре годика тогда было (Василий Данилович Хащинин работал в Пезмогском РУ, проживал в Корткеросе. – **А.С.**). Девочка с нами еще была. Она еще двигалась. Калинин дал ей «тридцатку». Были такие деньги. Велел принести паек. Ждал, когда принесет. Благодаря Калинину, через несколько дней к нам пришла комиссия. Начали давать по стакану молока, микстуру. Мы остались живы.

Осенью за мною приехали на лошади и увезли в Лопыдино, в школу, – вспоминает дальше Михаил Степанович. – Отца дома не было. Ждали, ждали и поехали...

В Лопыдино жить было легче. Один старик дал мне крючки. Стал ловить рыбу.

Потом мы крючки научились делать из скрепок от школьных тетрадей. Тогда лопыдинские лошади ходили без хвостов, их выщипывали для удочек.

Зимой ловили клестов, продавали заключенным по 20 копеек за штуку. Сельпо тоже их покупало, но только по 6 копеек».

Михаил Степанович выбрался из гиблого Вуктыля. Потом был в детдоме Расью. Война. Фронт. Горел в танке. Возил командира полка. Остался жив и вернулся в Намск.

Вуктыль с его сыпучими песками, на которых ничего не росло, закрыли в 1934 году. Три года просуществовал гиблый поселок, оставив после себя необозримое кладбище, развалившиеся бараки, брошенные землянки. По словам Чиркина, люди здесь вымерли не от болезней, а от голода.

Оставшиеся в живых перебрались, кто в Намск, кто в Теплогорку. Теплогорку основали в 1919 году, крестьяне, выходцы из села Пезмог. Решив жить по-новому, они организовали коммуну. Выкорчевали тайгу. Построили дома. Трудились вместе. Выращивали хлеб, овощи.

Сверстники вспоминают, что коммунары жили неплохо.

Прошло время, нажитое, дома, пашни пришлось оставить. В Теплогорке разместили заключенных Локчимской колонии ГУИТУ. После ухода лагеря Теплогорка какое-то время выполняла функции спецпоселка. Многие спецпереселенцы, не в силах выдержать муки голода, холода, невыносимые условия быта, убегали. Убегали семьями, группами, подальше от гиблых мест.

Об одном таком побеге рассказала жительница поселка Намск, пожелавшая, чтобы не называли ее фамилию:

«Спецпереселенцы убегали на юг, по просекам. Оказывал им помощь местный коми – Василий Старцев. Его звали просто Вась Вась. Хороший человек был. В любое время можно было к нему зайти. Картошки чугун наварит, чай поставит.

Пришли к нему две семьи раскулаченных. Попросили рассказать про дорогу. Вась Вась рассказал. Дал им продуктов, сушеного мяса. Сказал: «Дойдете до такой-то избушки, продуктов вам хватит. Дальше в пути изб не будет. В знак благодарности беглецы подарили ему подушку.

У них было двое детей: мальчик и девочка. Девочка на пять лет старше брата была. Когда уходили, она споткнулась и упала на порог. Отец девочки расстроился. Сказал: «Это плохая примета». И они ушли.

Через какое-то время пришло письмо, где было написано: «Пришли до обозначенной избушки. Вся еда кончилась. Договорились, что надо кого-то порешить, или мальчика, или девочку. Мальчика стало жалко. Порешили девочку...». Письмо меня потрясло. Я видела эту подушку, на которой эта девочка спала».

Деятельность Пезмогского комбината и вызванное этим сокращение сырьевой базы, изъятие рабочей силы – спецпереселенцев, – работающих на комбинат, сказывались на поставки древесины для лесопильных заводов Сыктывкара. При содействии обкома партии были организованы проверки деятельности комбината. Оказалось, не было закончено строительство жилья для 3000 заключенных новых этапов. Плохие условия труда и быта, высокая смертность заключенных, конфликтные отношения с местным населением. План лесозаготовок был сорван. И Пезмогский комбинат в 1936 году закрыли.

Не затягивая дел, Управление треста «Комилес» своим приказом от 5 апреля 1936 года создает мощный по тем временам Локчимский леспромхоз, с тремя механизированными лесопунктами: Веръю, Четдино, Намск. Леспромхозу передаются 30 только что поступивших тракторов «Сталинец». 14 апреля в ведение Локчимского леспромхоза переходят спецпоселки Соль, Веж, Сапыч, Теплогорка. Но из числящихся в них 2784 рабочих в Локчимском леспромхозе работают только 755 человек.

ГУЛАГ не отказался от «Локчимского варианта». Волна репрессий

в стране разрасталась. Решение об организации нового лагеря было принято в конце года в Москве. Летом 1937 года в лесах Локчима начал разворачиваться крупнейший лесной лагерь НКВД СССР – Локчимлаг. Управление лагерем разместилось в поселке Пезмог (Аджером).

Эти дни навсегда остались в памяти Христины Алексеевны Шамановой, проживавшей тогда в Намске. Она вспоминает: «Мы с мужем недавно поженились и работали на повале леса. В 1937 году перешли жить в только что построенный новый дом. Не успели мебелью обзавестись. Пришли солдаты с винтовками. Приказали в течение часа освободить дом и убраться из поселка. «Здесь будет лагерь для заключенных», – сказал их ний командир. Кое-какие вещи погрузили в лодку и переехали к родственникам в село Пезмог».

Военные Локчимлага действовали решительно. В следующем году они выгнали из домов несколько семьей в Усть-Куломе, а дома разобрали и сплавили в поселок Пезмог.

Перестал существовать Локчимский леспромхоз. Его участки, техника вместе с людьми оказались за колючей проволокой.

Вокруг теперь лагпункта Намск выросли лагерные: Намск-2, Намск-3, Намск-4, Истнам. Затем был построен еще один – Верхний Намск.

История самого страшного в стране лесного лагеря еще не написана. В 1938 году из содержавшихся в лагере 26 тысяч заключенных погибло 4003. В 1940 году в лагере оставались немногим 10000 человек. В этом году лагерь был закрыт. За два года своей деятельности Локчимлаг принес государству 55 миллионов рублей убытков. Не вывезенные запасы древесины составили 258 тысяч кубометров.

Второй раз Локчимский леспромхоз был образован 14 апреля 1941 года приказом №18 по тресту «Комилес». Леспромхозу достались сохранившиеся спецпоселки Локчима, бывшие лагерные участки, постройки, исковерканная техника.

В поселке Намск тогда жили и работали спецпереселенцы из западных областей страны, переселенцы из Польши. Как они жили и трудились, можно узнать из докладной начальника Корткеросского РО НКВД Морозова секретарю Корткеросского РК ВКП (б) Сидорову: «Снабжение спецпереселенцев 2-й и 3-й в спецпоселках Намск и Четдино поставлено совершенно плохо. Продукты спецпереселенцам на руки, кроме черного хлеба, не выдаются. Белого хлеба не бывает и не бывало. Снабжаться исключительно через столовую семьи не в состоянии, так как в течение четырех месяцев полного расчета не производилось, а финансирование производится только на работающих спецпереселенцев от 1,50 до 2,50 руб. в день, неработающих членов семей обеспечить рабочие не в состоянии. Рабочие, спецпереселенцы 3-й категории на сегодняшний день ходят в рваных одеждах, туфлях и галошах».

Докладная составлена за три дня до войны – 18 июня 1941 года.

Война ужесточила положение спецпереселенцев. Был установлен 12-ти часовой рабочий день. Ликвидированы выходные и праздничные дни. Ужесточена карточная система выдачи хлеба – 400-800 граммов в день. Не вышедшего на работу или опоздавшего лишали дневного пайка хлеба.

В 1941 году в посёлке Намск поселили 104 человека немецкой национальности, эвакуированных из Карело-Финской ССР. Для лиц немецкой национальности тогда действовал особый режим. Заболевшего запрещалось освобождать от работы. Выдача ему справки приравнивалось к саботажу. Без повода человека можно было снять со снабжения. Снятых со снабжения женщин комендант сажал на арест суток на 5-10, не давая продуктов. А после окончания срока ареста без пайков направлял на работу.

Особенно жёсткий режим был в соседнем с Намском спецпосёлке Четдинбаза. 22 ноября 1941 года Военным трибуналом за контрреволюционную агитацию (знаменитая статья Уголовного кодекса 58-10, 58-11) к расстрелу были приговорены рабочие-спецпереселенцы посёлка Четдино (Четдинбаза): Франкиев, Багонис, Вигах, Калмук. Двое, Павлюк и Федешин, получили по 10 лет лагерей.

В 1942 году комендантом был некий Белозоров. По словам М. С. Чиркина, это был лютый человек. Любил издеваться над людьми. Бывало, провинившегося загонит в жарко затопленную баню, продержит в ней около часа. Потом закрывал в неотапливаемый карцер. После такой «процедуры» человек через неделю-другую умирал.

В годы войны за счёт пустовавших посёлков, оставленных Локчимлагом, за счёт умерших от голода и болезней, в спецпосёлках (к 1936 году из землянок люди, наконец, перебрались жить в бараки и дома) частично улучшились условия проживания. Кроме актированных из лагерей, новые партии переселенцев почти не поступали. Зимой на вывозке леса на лошадях работали мобилизованные колхозники. Это были женщины, молодые девушки, дети.

Александр Петрович Кабицкий сегодня самый старый житель Намска. Ему 96 лет. Его, участника Великой Отечественной войны, бывшего военнопленного, после проверки в Княжпогостских лагерях, где на десять человек давали одну буханку хлеба в день, истощённого до крайности, в числе трёх сотен таких же мужчин в 1946 году привезли на шесть лет высылки в Локчимский леспромхоз. Жить определили в спецпосёлок Четдинбаза. Эта была последняя ссылка граждан на Локчим.

«Здесь я застал два лагерных барака по 40 метров длиной. В бараках были комнаты. Нар уже не было. В посёлке жили немцы, поляки, украинцы, русские, белорусы. Хлеб давали по норме – 1 килограмм в день. Сначала мы валили лес поперечными пилами. Потом перешли на лучковые (станковые) пилы. На такой пиле работа один

человек. Норма была 4-6 куб. м. в день. Здоровые ребята успевали напилить по 10-12 кубометров. Были рекордсмены-стахановцы, дававшие 18 кубометров», – вспоминает Александр Петрович.

Из дальних делянок лес вывозили на газогенераторных машинах. Это машина, с боку которой приварен металлический бункер. В нём без доступа воздуха сжигаются древесные чурки.

Образовавшийся газ, воспламеняясь в цилиндрах, приводил в действие механизм. Заводились они трудно, с помощью скипидара. Их не глушили, и работали они сутками, неделями, пока не сломаются. Утверждают, что эти машины, как и деревянные автолежнёвки, были изобретены и внедрены заключёнными Локчимлага.

В Четдино Александр Петрович встретил Анну Алексеевну Домареву, доставленную под конвоем в 1944 году, как члена семьи оуновцев (организация украинских националистов). После закрытия Четдинбазы они оба в 1951 году переехали в Намск, где проживают и по сей день.

Окончательная реабилитация и восстановление в гражданских правах всех категорий репрессированных граждан состоялась после выхода Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР 29 июня 1956 года.

Из 12-ти поселений, спецпосёлков и лесных участков того времени, не считая локчимлаговских, остался один Намск, принявший их потомков, а вместе с ними и тяжёлую память прошлого.

Сегодня Намск самый старый лесной посёлок в районе. Так сколько же ему лет? Мельницу, построенную Лопыдинскими крестьянами, помнят и М. С. Чиркин и А. П. Кабицкий. До возникновения (1930 г.) спецпосёлков Намск является участком Сыктывкарского леспромхоза. Ещё раньше здесь находилась резиденция упономоченного «Русголанлеса», были и другие постройки. Об этом помнит М. С. Чиркин и другие. Всё это наводит на размышление, что здесь люди жили, валили лес уже в начале прошлого столетия.

(Использованы материалы Национального архива РК, Мартиролога «Покаяние», сборника документов по лесной промышленности Коми 1989 г., воспоминания жителей, репрессированных).

А. Смилингис

Звезда, 2003, 28 октября

По местам Гулаговского прошлого Вишерского края

С очередной экспедиции по местам Гулаговского прошлого Вишерского края возвратились ребята поискового отряда «Возрождение», под руководством педагога дополнительного образования Галины Ивановны Панюковой.

В составе отряда были Артем Микушев, Анатолий Кунаш, Сергей Калистратов, Игорь Панюков и Сергей Петров. Вместе с ними поиск и обследование захоронений Выльыбского отделения Локчимского лесного лагеря НКВД СССР проводили ребята из военно-патриотического клуба «Пограничник» Большелугской СОШ Вера Панюкова и Александр Мишарин (руководитель – Николай Сергеевич Старцев).

Экспедиция установила, что основная часть захоронения была уничтожена при строительстве автомобильной дороги Сторожевск-Нившера, и использовалась под гравийный карьер. От захоронения удалось обнаружить три могилы, которые членам клуба «Пограничник» показал охотник из деревни Выльыб Борис Алексеевич Мишарин. Это место он помнит с детства. Ему было 12 лет, когда вечером, при надвигающейся темноте, проходя мимо могил, увидел шествие множества людей с похоронным пением. Он так испугался, что не помнит, как оказался дома.

Сохранившиеся могилы расположены по левой стороне дороги, называемой Ӧльӧн туй. Далее, в 50 мет-рах, протекает ручей Одӧгӧсь шор. 20-25 лет назад могилы были хорошо заметны. Другой житель деревни Выльыб Иван Григорьевич Мишарин, 1932 года рождения, прибыв по просьбе участников поисковой экспедиции, подтвердил место лагерного захоронения.

Инициативу по изготовлению памятного знака-креста взял на себя учитель Большелугской СОШ Николай Сергеевич Старцев. Сварку частей исполнил Николай Иванович Макаров. Крест установили на взгорке, в 30 метрах западнее дороги у бывшего карьера, в 2,5 километрах от моста через реку Зулэб, на правой стороне автомобильной дороги в направлении села Сторожевск. В присутствии участников экспедиции, местных жителей крест в память жертв погибших в сталинских лагерях освятил и отслужил молебен отец Александр из Сыктывкара.

Участники экспедиции при опросе жителей Выльыб и Зулэб узнали, что кроме лагеря у деревни Выльыб, в тайге находи-

лись другие лагерные точки: «Точка-2» (на притоке реки Зулэб) и «Точка-3» (лагерь (штрафной) в верховьях реки Зулэб). Михаил Александрович Ивашев, посетивший развалины «Точки-3», рассказал, что видел остатки клеток лагерного карцера,в которых человек мог находиться только в полусогнутом состоянии. Нам показали и часть металлического бункера газогенераторной автомашины с клеймами ГУЛАГа и надписью «НКВД СССР. ГАЗОГЕНЕРАТОР «Комсомолец». К сведению, газогенераторные автомашины работали не на бензине, а на древесных чурках и впервые в стране их начали использовать в Локчимлаге.

Экспедиция обследовала окрестности деревни Троицк. Здесь, на другом берегу реки Нившера, напротив деревни и ниже по те-



чению реки находились участки Локчимлага. При обследовании сохранившихся ям пригодились навыки и познания Артема Микушева и Анатолия Кунаш, которые уже несколько раз участвовали в вахтах памяти в Ленинградской и Мурманской облас-тях. При обследовании территорий они профессионально использовали специальные щупы. Через систему навигационных спутников определили точные координаты исследуемых объектов. Отрадно, что местные жители при встречах не оставались равнодушными, живо интересовались делами ребят, всячес-ки старались им помочь. Проезжающие останавливались, спрашивали, в чем нуждаемся. Депутат райсовета, сельского поселения «Большелуг» Василий Николаевич Пинягин, увидев в нестерпимую жару работающих ребят, привез им в подарок наборы продуктов и воду. Узнав, что работы будут продолжены в районе деревни Троицк, Василий Николаевич на следующий день на своей машине перевез участников и снаряжение экспедиции на новое место. Большое спасибо ему за это.

Время всё ставит на свои места. В поисках погибших солдат в Великой Отечественной войне, мест захоронений жертв политических репрессий прошлого, сегодняшние школьники выполняют миссию «Никто не забыт, ничто не забыто». В сборе крупиц исторического прошлого, о котором долгое время умалчивалось, они узнают не понаслышке и не из учебников, а лично участвуют в процессе, открывая всё новые страницы истории. Казалось всё хорошо. Восстановлению исторической памяти заинтересовано государство. На эти цели выделяются средства, необходимое снаряжение. Но чтобы деньги поступили на счет, чтобы получить средства на экспедицию Галине Ивановне Панюковой пришлось заниматься не своей работой. Она неоднократно выезжала в Сыктывкар, собирала за администрацию районного Центра дополнительного образования разные бумаги, ставила печати и подписи. Но полностью и своевременно получить выделенные экспедиции средства так и не удалось.

А. Смилингис

Звезда, 2007, 20 июля

Выжили, живем, будем жить в потомках

Среди клюквенных болот
На реке, на Локчиме
Есть посёлок небольшой
С табличкой на обочине.
На табличке той название,
Скромно, простенько оно,
Для меня шесть букв сочетание
Сердцу мило и родно – это Собино.
А все потому, что живет давно там
Семейство великое
с фамилией Шрамм!

Надежда Шарухина,
внучка Райнгольда Шрамм

Посёлок (бывший спецпоселок) Собино расположен на 25 километре автодороги Корткерос – Мордино Лопыдино. В километре южнее посёлка протекает река Локчим. К реке проложена дорога, бывшая лагерная автолежневка, по которой вывозилась древесина для сплава по реке. Примерно в километре выше по течению в Локчим впадает речка Собинка, давшая название посёлку. В устье, помнят, видели каменные жернова стоявшей здесь когда-то мельницы.

Начало посёлку в 1937 году положил лесной лагерь НКВД СССР Локчимлаг.

После ухода лагеря в конце 1940 года остались восемь длинных деревянных бараков, размещенных на площадке 300-400 м. и огражденной трехметровой высоты частоколом. Старожилы помнят по углам забора сторожевые вышки.

Осенью первого года войны в посёлке Собино появились новые жители – спецпереселенцы: иранцы, корейцы, китайцы, поляки, литовцы, а также несколько финнов, плохо говоривших на русском языке. Собино получил статус спецпосёлка для трудового перевоспитания «неблагонадежного элемента». Проживать в нем местному населению не разрешалось. История посёлка связана с судьбами поколений людей разных национальностей,составляющих сегодня основу Республики Коми.

Одновременно с другими национальностями в годы войны и первые послевоенные в Собино на работу в лес высылались граж-

дане немецкой национальности.

Шли годы, был ликвидирован принудительный труд. Объемы лесозаготовок сократились. Работы не стало, многие жители уехали. Посёлок стал не перспективен,никому не нужен.

В 2013 году в посёлке Собино проживали третье и четвертое поколения потомков немецкой семьи Шрамм, депортированной в далеком 1946 году. Жизнь,труд, быт семьи все последующие годы, сегодня – часть истории самого посёлка.

Сведения о жизни родных, на долю которых выпали тяжкие испытания послевоенных лет, о судьбе большой семьи собрала Ирина Райнгольдовна Шрамм.

В октябре 1946 года в спецпосёлок Собино были депортированы дед Ирины – Альберт Августович Шрамм 1903 года рождения, вместе с сыновьями Августом 1929 и Райнгольдом 1930 годов рождения, будущим отцом Ирины. По приезду их разместили в лагерном бараке. В нем жили высланные семьи, состоящие из 8-10 человек. Стояла страшная нищета, подавленность,безысходность. В середине барака находилась печка – железная бочка. По сторонам печки ряды деревянных двухэтажных нар. Дневной свет в барак проникал через небольшие, насквозь продуваемые, однорядные окна. Кроме холода, сырости проживающих круглый год мучили полчища клопов, вшей, летом добавлялись комары. От них днем и ночью покоя не было. Вместе с людьми в бараках жили крысы. Изголодавшиеся, они по ночам нападали на людей, кусали, особенно, маленьких детей. Отцу Ирины, Райнгольду, было 16 лет. До депортации в Собино семью насильно увезли в Польшу. На одной из станций высадили. Там всех выстроили в ряд: с одной стороны – женщин с детьми, с другой – мужчин.Женщин с детьми загнали в машины везти в Германию. Райнгольд, чтоб остаться с отцом, на ходу выпрыгнул из машины. Семья оказалась разобщена. Отец, Альберт Августович Шрамм, долго искал через Красный крест жену Оттилию и шестерых детей. Семья, Альберт Августович с Отилией и детьми, встретилась только в 1960 году.

До отъезда в Германию Альберт Августович дома разговаривал по-русски. По-немецки,особенно при посторонних, в семье старались не говорить, боялись.Ирина помнит из разговоров отца, дед возил на лошади по кличке Авангард дрова. Пилил пилой лучковой чурки для газогенераторных автомашин.

В декабре 1946 года в Собино была депортирована Надежда Кирилловна Тоичкина 1914 года рождения, по паспорту немка, с детьми: Марией 1930 года рождения,Владимиром 1936 года рождения и Павлом 1938 года рождения. Мужа Надежды Кирилловны,Карла, в 1938 году расстреляли в городе Малин. Дочь Мария с 14 лет работала курьером, разносила сводки от посёлка до участка Ошкаёль, поливала водой Ошкаёльскую лесовозную ледяную дорогу –

ледянку. В 1952 году вышла замуж за Райнгольда Шрамм. Новая семья вместе с другими обживали посёлок. Годы, тяжелый труд в лесу, непривычные условия жизни не помешали супругам сохранить семью, вырастить десятерых детей: Валентину 1953 года рождения, проживает в п. Седкыркещ; Ирину1961 года рождения, проживает в п. Собино; Леонида 1954 года рождения, умер в 2010 году, похоронен в п. Собино; Эриха 1955 года рождения, умер в 2003 году, похоронен в п. Собино; Павла 1957 года рождения, проживает в с. Пезмог; Августа1958 года рождения, проживает в п. Собино; Артура 1959 года рождения, проживает в с. Корткерос; Александра 1964 года рождения, проживает в с. Корткерос; Евгения 1967 года рождения, живет в п. Усть-Лэкчим; Владимира 1971 года рождения, проживает в п. Собино. Отец семьи, Райнгольд Шрамм, 16-летним мальчиком работал на лесоповале. Когда появились трактора, его направили учиться в Сыктывкар. Райнгольд 42 года вывозил лес на тракторе. Поначалу на газогенераторном (на древесных чурках), затем на тракторах марок Т-40, Т-60 (Трелевочный-60).

Родные вспоминают: «Добросовестно работал. К каждому празднику – Дню лесника – в конце марта его поощряли премией 10 рублей, Почетными грамотами, вымпелом «Победителю соцсо-



ревнований». Имел многочисленные медали. Для облегчения ручного труда он сконструировал приспособление к трактору по погрузке бревен. По этому поводу к нему приезжали люди из района для обмена опытом».

В семье хорошо помнят, как при глубоком снеге, вручную валили деревья. Как вывозили тяжелые бревна на лошадях, на тракторах, вытаскивали на лебедках на так называемый «Верхний склад». После обрубки сучьев, распиловки бревна отвозили на лошадях, на газогенераторных автомашинах на сплав к реке Локчим.

Непродолжительное время для вывозки леса использовали трофейных лошадей – тяжеловозов. Привезенные лошади из Германии были без хвостов,имели тонкую шерсть, ели только овес. Через неделю-две все погибли. Говорили – от комаров. Чтоб люди мясо не ели, лошадей облили керосином, закопали.Но ночью их выкапывали, мясо варили, ели. Райнгольд вспоминал, что и как ели. Главным продуктом был хлеб.

Хлеб выдавался по строгой норме – «паёк». Паёк, для работающих– 600 грамм хлеба. Не работающим выдавалось 200 грамм в сутки. Рассказывал, как за картошкой ходил в ближайшую деревню Бояркерос. «Кто жалел, давали. А кто и очистки бросит, кто-то врагом народа обзовет», – вспоминал он.

Бабушка, Надежда Кирилловна, работала по ночам с Марией Эбенгардт. Вместе поливали Ошкаёльскую лесовозную дорогу – ледянку. Много лет проработала сучкорубом. Заработная плата была небольшой. Месячной зарплаты Райнгольда не хватало для покупки пальто ребенку на зиму. При том, половину зарплаты удерживали на облигации послевоенного займа.

Мария свободное время отдавала детям. Нужно было всех накормить, одеть, поставить на ноги. Чтоб сохранить детей, себя, нужно было физически трудиться впроголодь, без нормальной одежды, ворочать тяжелые бревна.

После работы Марию и Райнгольда ждал лагерный барак. Поначалу внутренние перегородки в бараках отсутствовали. Для ночного освещения использовались консервные банки с веревочным, коптящим фитилем, заправляемые грязным керосином.

Умывальники и туалеты находились на улице. Потом умывальники и вода появились в бараках. Один умывальник на барак, при 50-и жителях, в числе которых были маленькие дети.

Невыход на работу, без справки по болезни, считался прогулом. Прогул, по законам, сохранившимся с военного времени,считался саботажем.

Весь рабочий инструмент для мужчин и для женщин состоял из топора, пилы (лучковки или финская пила) и лопаты для очистки снега на валке леса.

В фельдшерском пункте (лазарете) лекарств не имелось.Толь-

ко термометр. Больной человек освобождался от работы, если температура подходила до 38. И то после согласования с комендантом. Старожилы посёлка еще помнили, что в годы войны лицам немецкой национальности освобождение от работы по болезни вообще не полагалось.Бабушка Надежда Кирилловна рассказывала, что после войны больничный лист уже давали, но люди боялись его брать, чтобы не лишиться пайка хлеба. Болели, но всё равно шли работать. Лечились сами травами.

В памяти старожилов посёлка Собино сохранилось, когда человек на работе отсутствовал. Ему норма хлеба 600 грамм не полагалась. Магазин открывался вечером после работы. Рядом с продавцом с ножницами стоял начальник лесопункта или его заместитель. Продавец отвешивал кусочек сырого, черного, похожего на хозяйственное мыло хлеб. Талон на хлеб, отсутствовавшего на работе человека, начальник оставлял себе.

Комендант в посёлке был. По его указанию начальник лесопункта, мастер определяли, где и как работать спецпереселенцу. Комендант следил за выработкой трудовой нормы, вёл учет выходов на работу. Без его разрешения люди не имели права покидать посёлок. Ежемесячно, иногда еженедельно, жители посёлка, в том числе и дети, обязаны были являться в комендатуру и в специальном журнале расписаться, «отметиться», что они не «в бегах».

Уход из посёлка без разрешения коменданта считался побегом. Беглецу полагался лагерный срок. Все зависело от коменданта, его отношения к «провинившемуся».

Еды в посёлке не было. Семейные, у кого оставалась какая-то одежда, на поиски еды шли в деревни Баяркерос, Поэтыкерос. Меняли одежду, вещи на еду. Мать Марии, Надежда Кирилловна Тоичкина, рассказывала, как ходили в Поэтыкерос, на зону, где находились заключенные. Меняли подушки, одеяла, платья, платки на картошку и крупу. «Единственная вещь осталась – пуховой белый шерстяной платок, – рассказывала бабушка мне. – Все вещи поменяли на картошку».

В условиях голода, отсутствия одежды, тяжелой работы без выходных (выходные дни в годы войны были запрещены), люди слабели от голода, болезней, умирали.

В многонациональном посёлке наиболее приспособленными были китайцы и корейцы. Им было невдомек, едва говорившим по-русски крестьянам, веками торговавшим. Понятия не имевшим, о каких-то границах. Оказаться на другом конце света, на земле, где ничего не родится. Однако летом они жили лучше всех. В меню китайцев входили лесные травы,любой появившийся гриб, короеды,дождевые черви, мыши и даже крысы.

Для семьи Шрамм по рассказам бабушки Тоичкиной очередной 1947 год был очень голодным.Люди опухали от голода.Уми-

рали. Летом Господь послал им спасение: собирали грибы(чаги) на березах. Бабушка говорила, что потом таких грибов больше она не видела никогда.Собирали и сушили грибы, солили. Мочили бруснику, сушили чернику на кисели и от хвори. Клюкву собирали мешками. Смородиновый лист сушили на чай. Чтобы не было цинги ели дикий лук, жевали всякую зелень, сосновую смолу, почки сосновые. Собирали щавель, различные травы, делали из лебеды лепешки, запекали на плите щавель. Еду готовили на печке-буржуйке.

Время шло. Жизнь налаживалась. Из лагерного барака перешли в новь построенный щитовой дом в 1953 году. Райнгольд с Марией завели хозяйство. Сами корчевали вручную огороды для посадки картофеля. Первыми в посёлке начали выращивать цветы. Сначала держали коз. В посёлке каждая семья имела по 3-5 коз (их называли сталинскими коровами). По мере подрастания детей начали держать корову, поросят, кур.

Свободное время выпадало только зимой. Старались вместе посидеть и погреться у печки, поговорить. Зимы были очень лютые, морозы в марте 1951 года достигали 51 градуса и стояли долго, а летом было холодно, но собирали грибы, ягоды, ловили рыбу. Выходные дни, праздники ходили в клуб. Завклубом был китаец – художник Лифа (Лифу?). В клубе был строгий порядок,если кто-либо хулиганил, на завтра появлялся в стенгазете «Крокодил». В клубе была «Доска почёта», на которой бывало вывешивали фотографию Райнгольда.



Семейным праздником была Пасха. Красили яйца, пекли пироги. Что было, с тем и пекли. На Рождество обязательно была кровяная колбаса, холодец, сольтисон, пироги с маком,клёцки картофельные (картофель отваривали, толкли, делали шарики и бросали в кипящую воду). Жарили черный хлеб на плите, толкли в порошок, заваривали суррогатный кофе.

Ирина Райнгольдовна вспоминает: «В Собино были ясли, садик, начальная школа. В селе Позтыкерос – восьмилетняя школа, куда дети за 7 километров ходили пешком. Когда построили интернат, жили в нем до субботы. Очень берегли одежду. Одежда детей переходила от старшего младшему.

У взрослых из одежды были кирзовые сапоги, остальное – свое. Про валенки не было и речи. В 50-х годах появились валенки, телогрейки, ватные штаны.

Подарки ко Дню рождения, Пасхе отец приносил нам в шапке, наполненной сеном. Там были яйца, конфеты. Шапку клал рядом, пока мы спали. Говорил, что подарки принес заяц. Дни рождения в семейном кругу считались семейным праздником. Гостей не приглашали».

Начальства в семье боялись.Люди были напуганы, так как встреча с начальством ничего хорошего не сулила. Не допускали каких-либо противоправных деяний, чтобы повода не было.

В семейной памяти сохранились фамилии начальника Тимофея Николаевича Шаманова, мастера леса Воробьева. Люди, с которыми пришлось работать и общаться. В их числе участники Великой Отечественной войны – солдаты, бывшие военнопленные, сосланные в Собино, как изменники Родины – власовцы.

Ирина помнит Колесникова, Флотскова, Андрея Ероха, Свирина,Фёдора, Григория Мандзюк,Иваненко, Виктора Вилорова, Кушнаренко, Зайцева.

Сохранились в памяти фамилии немцев, живших и работавших в Собино: Марии Ивановны Эбенгардт, Дыриных (в семье Андрея Ивановича Дырина было 8 детей), Ивана Диль, Константина Диль, Фаузера, Неймана, Кирс Сайбеля, Шмальца, Кристиана, Барта, Бора, Фёдора Литке, Ивана Литке, Иосифа Ролидора, Кипель, Шлейзе, Шнайдера, Вагнера, Цельнера, Энгель, Кренца, Эдуарда Руч, Юрия Стониса.

Родственники семьи брата Райнгольда, Августа Шрамм,1929 года рождения: сестра Зина, братья – двойняшки Адольф и Фриц проживают в ФРГ; Надежды Кирилловны Тоичкиной – сыновья Владимир Карлович Шива 1936 года рождения, умер в 1986 году, похоронен в Сыктывкаре, другой сын – Павел Карлович Шива 1938 года рождения проживает в Волгоградской области. В 2013 году в числе немецких фамилий жителей Собино осталась одна фамилия Шрамм. Время не сохранило каких-либо лагерных построек. От

лагерного кладбища следов не осталось. О прошлом напоминает используемый под сарай барак, в котором проживали большие семьи Андрея Дырына, Колесниковых, а также ряд доживающих свой век щитовых домов,считавшихся верхом благополучия их обитателей. Лес, дававший работу и средства для существования, вырублен. Других перспектив у жителей посёлка пока нет.

В планах семьи Шрамм и их друзей собраться, соорудить скромный Знак памяти. Знак, чтоб он напоминал прохожему: «Вопреки злу и мукам люди здесь жили, выжили. И в память об этом поставили этот знак. Остановись, прохожий.Подумай».

В семье 18 внуков, 17 правнуков, для которых родиной стала Республика Коми.

Мы память в сердце не остудим
Она всегда нам дорога,
И в дождь, и в снег, и в злую стужу
Пусть будет жизнь ее долга.

Надежда Шарухина.

И.Шрамм, А. Смилингис
Звезда, 2013,21 июня.5 июля

«Контрреволюционер» пастух Полехов

Волна массовых репрессий 1937 года докатилась и до колхоза имени Карла Маркса Александровского района Оренбургской области. Областное НКВД старалось не отставать от других краев по выявлению и обезвреживанию врагов народа.

Основанием для ареста пастуха, потомственного крестьянина Кирилла Александровича Полехова 1881 года рождения, послужила справка начальника районного отдела НКВД.

В справке значилось, что Полехов был раскулачен в 1934 году, от выселения скрывался. Служа в крепостной артиллерии города Кронштадт, принимал активное участие в подавлении революционного движения 1905 года. В справке также указано, что Кирилл Алексеевич «состоит членом контрреволюционной, повстанческой, вредительско-диверсионной организации, среди населения ведет контрреволюционную агитацию повстанческого характера и совершает вредительско-диверсионные действия в колхозе».

На основании такой справки, 18 сентября 1937 года, за подписями начальника управления НКВД Оренбургской области и начальника 8 отдела Управления госбезопасности выдан ордер №455 на арест Кирил-

ла Алексеевича Полехова. 19 сентября 1937 года его арестовали. Через 5 дней после ареста уже было оформлено обвинительное заключение с постановлением о направлении следственного дела на рассмотрение тройки НКВД Оренбургской области. 8 октября тройка НКВД Оренбургской области постановила: Кирилла Алексеевича Полехова заключить в концлагерь сроком на десять лет, считая срок с 8 октября 1937 года. Из дела следует, что К.А.Полехов отбывал наказание в Локчимлаге, где и умер 23 января 1938 года. 8 апреля 1957 года Постановлением президиума Оренбургского областного суда К. А. Полехов был реабилитирован, «т. к. был осужден по сфальсифицированным материалам, за якобы участие в контрреволюционной повстанческо-вредительской организации».

Внук Кирилла Алексеевича Юрий Федорович Киселев долгие годы искал место гибели деда – Локчимлаг. Недавно, изучая автомобильную карту России, обнаружил реку Локчим.Значит, здесь был Локчимлаг. На семейном совете приняли решение – ехать. Так глава семьи, супруга и трое детей из далекой Новосибирской области оказались в Корткеросском районе, чтобы отдать долг – поклониться праху деда и прадеда.

Семья Киселевых побывала в бывшей «столице» Локчимлага – в посёлке Аджером (поселок Пезмог). У памятника «Узникам лесных лагерей» возложили цветы. На лагерном захоронении «Пезмог-1» поставили деду крест, изготовленный в Новосибирске. Зажгли свечи и поклонились памяти невинно пострадавшего.

Локчимский лесной лагерь НКВД СССР Локчимлаг был первым масштабным лесозаготовительным лагерем в стране. Одновременно самый страшный и малоизвестный. Не было опыта организации охраны заключенных. Не было дорог для доставки продуктов питания на размещенные в тайге многочисленные лагерные участки. Начальство не интересовали кубометры леса, оно перевоспитывало врагов народа. В результате – тысячи и тысячи смертей. Расходы государства на организацию лагеря, содержание заключенных не оправдали себя. За несколько лет лагерь принес 56 миллионов убытков и в 1940 году прекратил свое существование. В поисках места гибели своих родственников сюда ежегодно приезжают не только из разных регионов России, но и из зарубежья.

А. Смилингис

Звезда, 2007, 24 июля

Анатолис Смилингис с родителями и сестрой. Литва. 1938 г.



Семья Смилингис. Родители, Анатолий и его сестра Рита. Литва, Плунге, 1940 г.





Анатолий Смилингис с прирученной хищной птицей. «Вынашивание» ястреба. 1956 г.



Удачный улов. В одном из походов, 1971 г.



Молодежь из туристического клуба «Белка», который возглавлял Анатолий Смилингис (крайний слева), 60-е гг.



На берегу Нювчимского водохранилища (А.Смилингис третий слева), 1959 г.

Среди участников Всесоюзного слета юных туристов в Закарпатье (А.Смилингис четвертый слева), 1961 г.



Закарпатье (А.Смилингис второй справа), 1961 г.

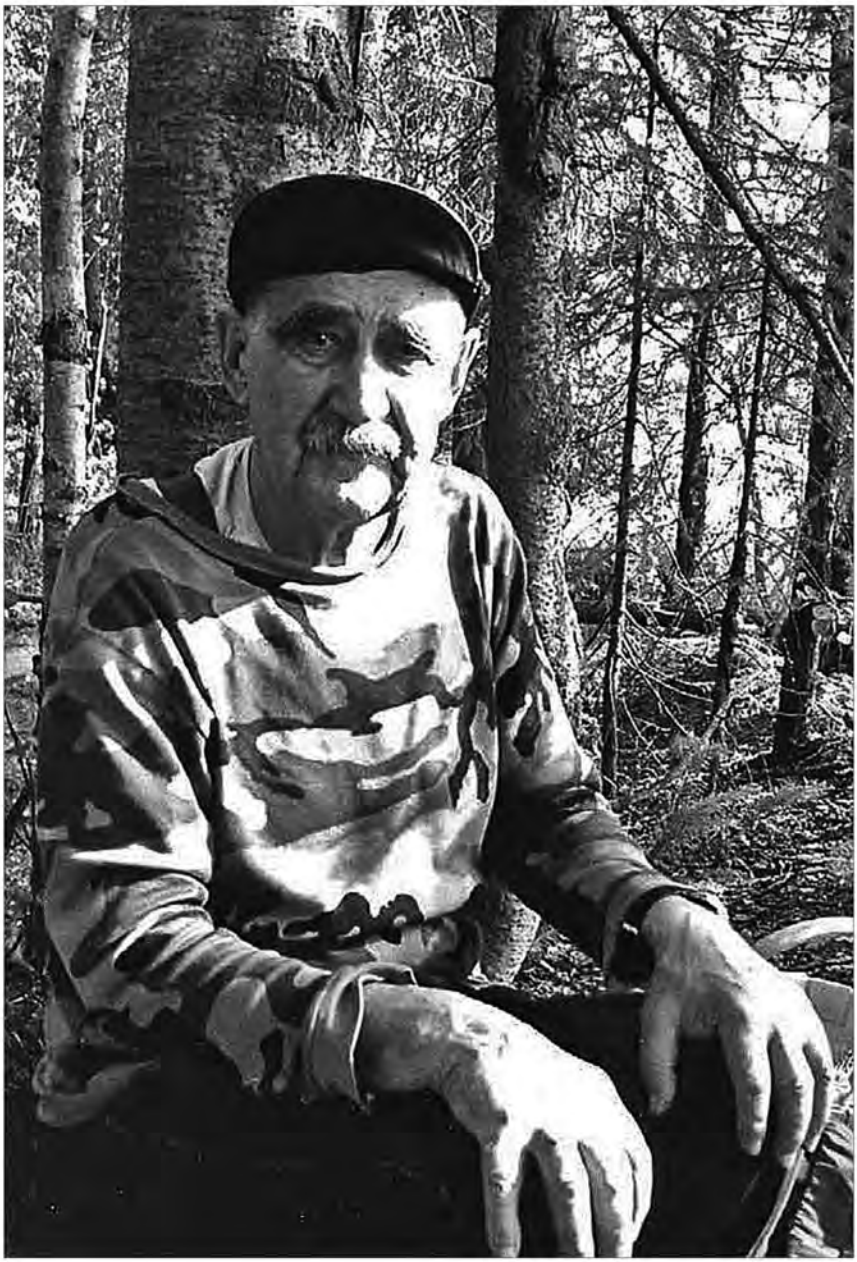




В кедровом заказнике, 90 – е гг.



Юные туристы со своим наставником, 90 – е гг.



В год своего 80 – летия, 2007 год.

Не одно поколение корткеросских мальчишек знакомо с «Антонычем», 90 – е гг.



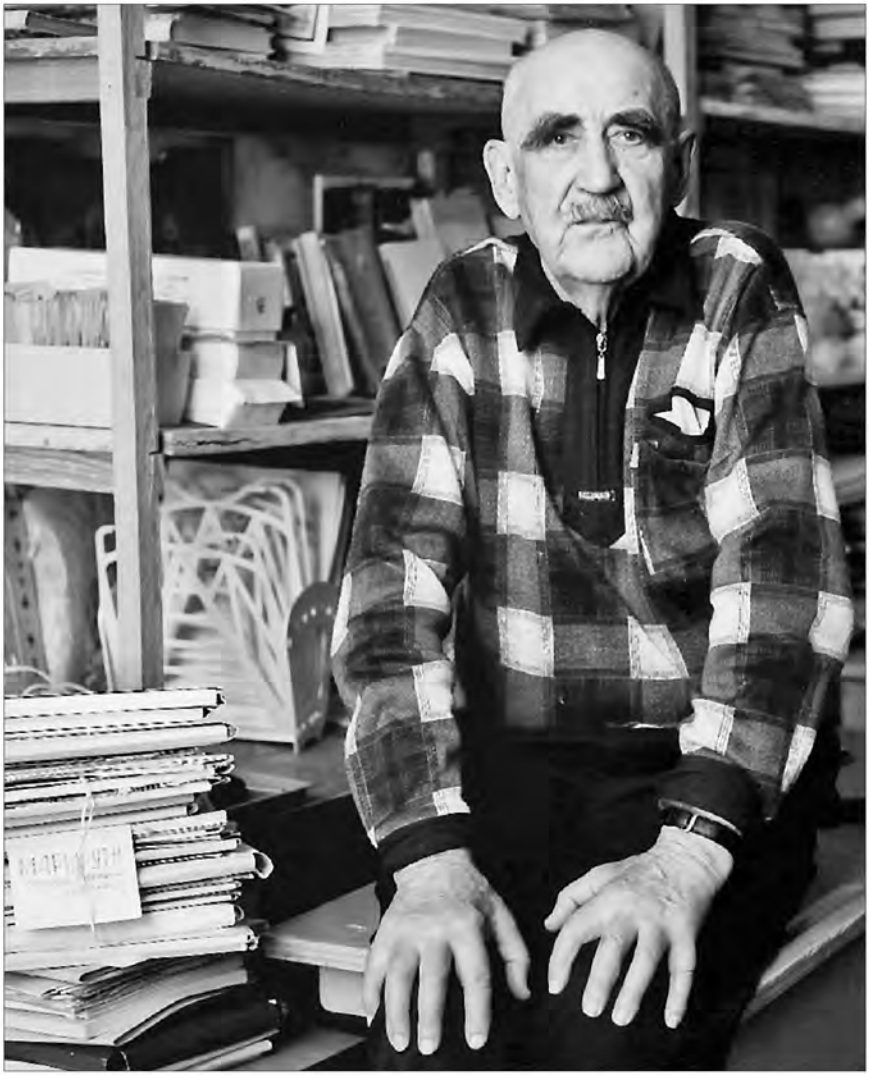


Судейство на этапе районного экологического слета, 2015 год

На привале, в минуты отдыха, 2006 г.



«Хранитель памяти». Фото А.Артемьевой, 2012 г.



Подведение итогов одной из районных краеведческих конференций «Отечество – Земля Коми», 90 – е гг.





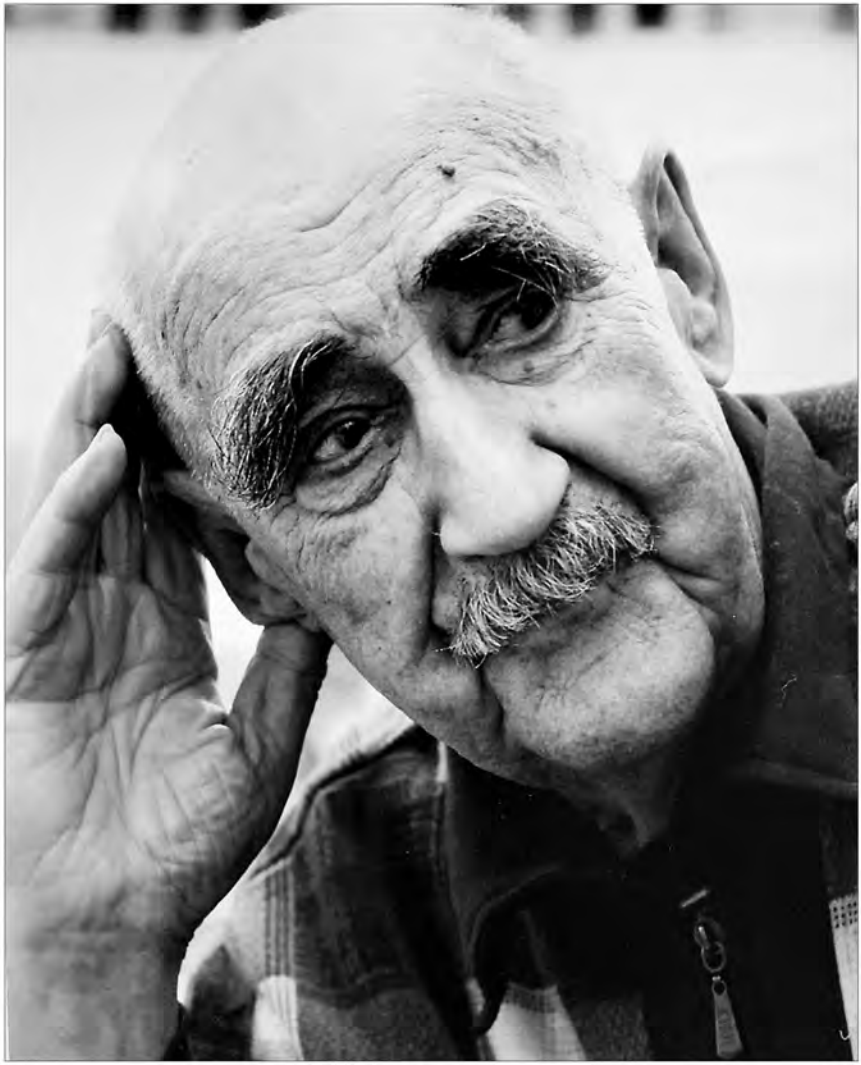
Экскурсия по селу Корткерос для гостя из Франции Себастьяна Каньоли, 2007 г.

Очередная экскурсия для гостей из Сыктывкара, 2004 г.

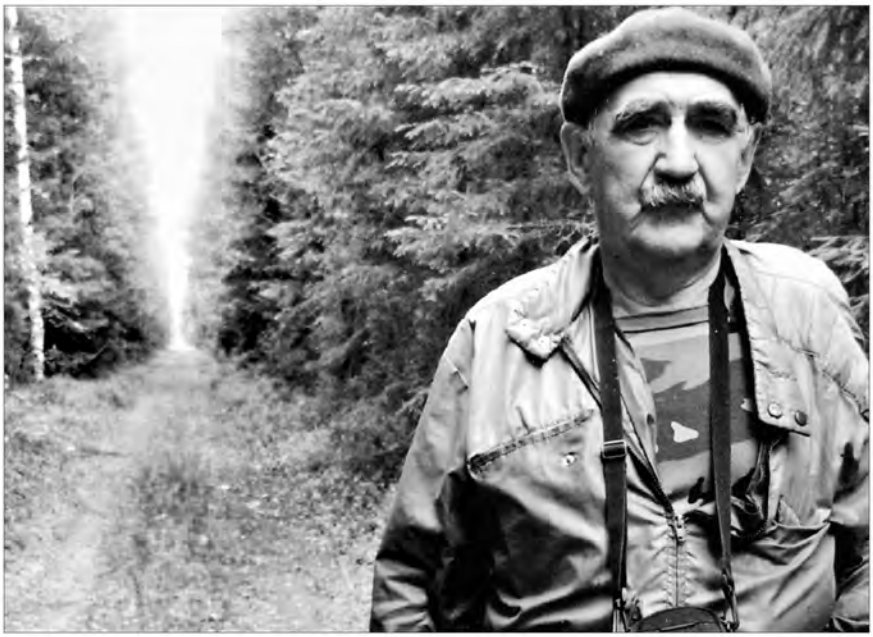


Разговор с Иваном Кулаковым (в то время Председателем Государственного Совета Республики Коми), 2004 г.





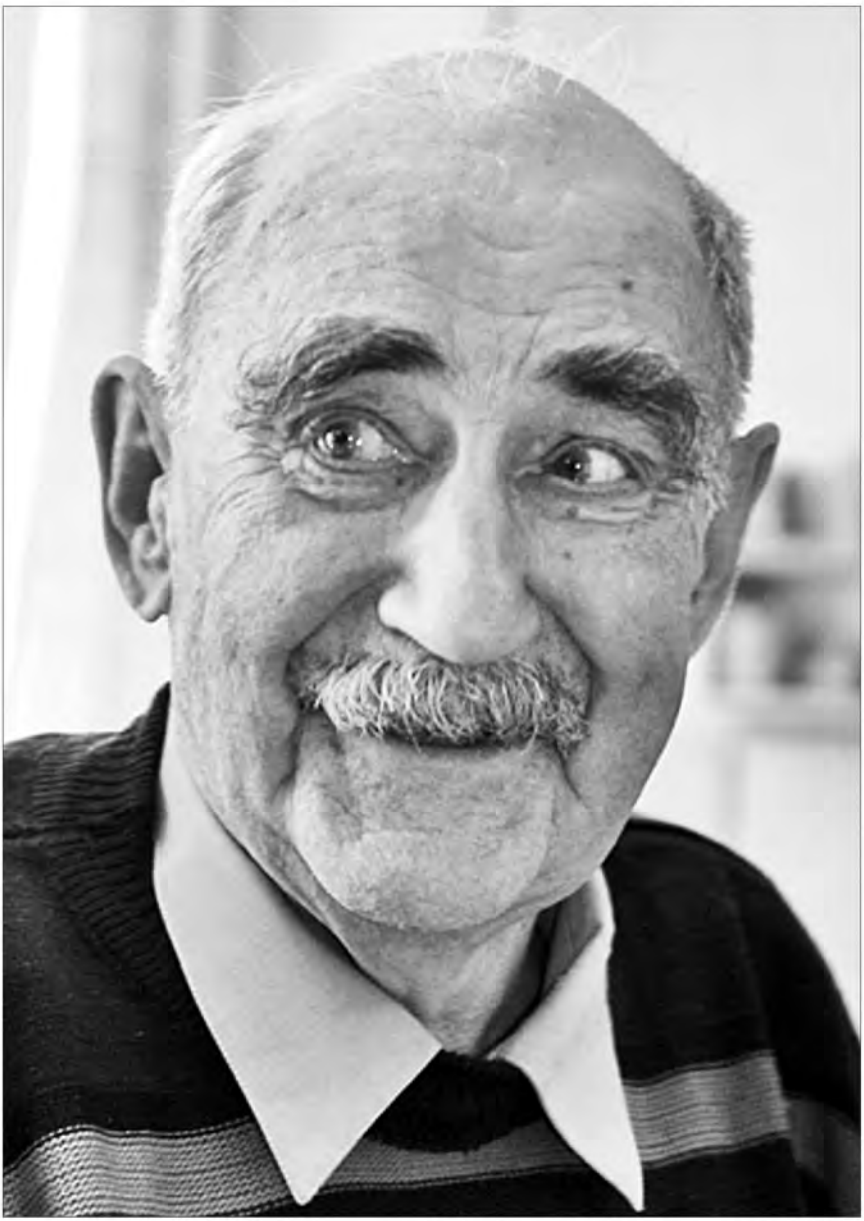
«У кого нет памяти – у того нет родины».
Фото А.Артемьевой, 2012 г.



Дороги Смилингиса. Фото Л.Королевой, 2000 г.

На Международной конференции «Между памятью и амнезией: Следы и образы ГУЛАГа» (г. Санкт-Петербург, 2007 г.)





«Путешественник. Собиратель. Неугомон... ». Фото Г.Алекны, 2000 г.

С друзьями и единомышленниками (Виктор Демидов с дочерью, Владимир Шестаков), 2006 г.





С Виктором Демидовым в Геологическом музее имени А.Чернова в Сыктывкаре, 2008 г.

«Чем больше знаешь, тем больше тайн», 2015 г.



Учитель, наставник, коллега.(с педагогами Корткеросского районного центра дополнительного образования детей).



С Виктором Митюшевым, нынешним председателем турклуба «Белка», 2016 г.



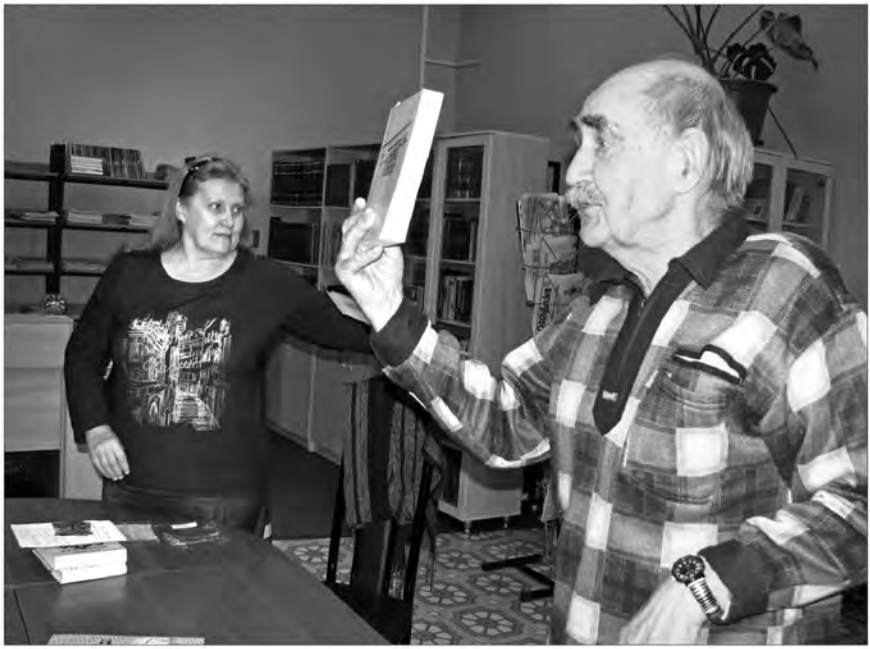
Рабочие моменты оформления очередной краеведческой экспозиции, 2011 г.



Почетный гражданин Корткеросского района (с Надеждой Быковской и Лидией Логиновой), 2011 г.



На презентации очередной книги краеведческого альманаха «Дым Отечества», 2014 г.



С Анной Сивковой, известным журналистом и краеведом, 2017 г.





«Полон энергии и оптимизма», 2015 г.

«Кресты Анатолия Смилингиса». Фото Г.Алекны, 2004 г.





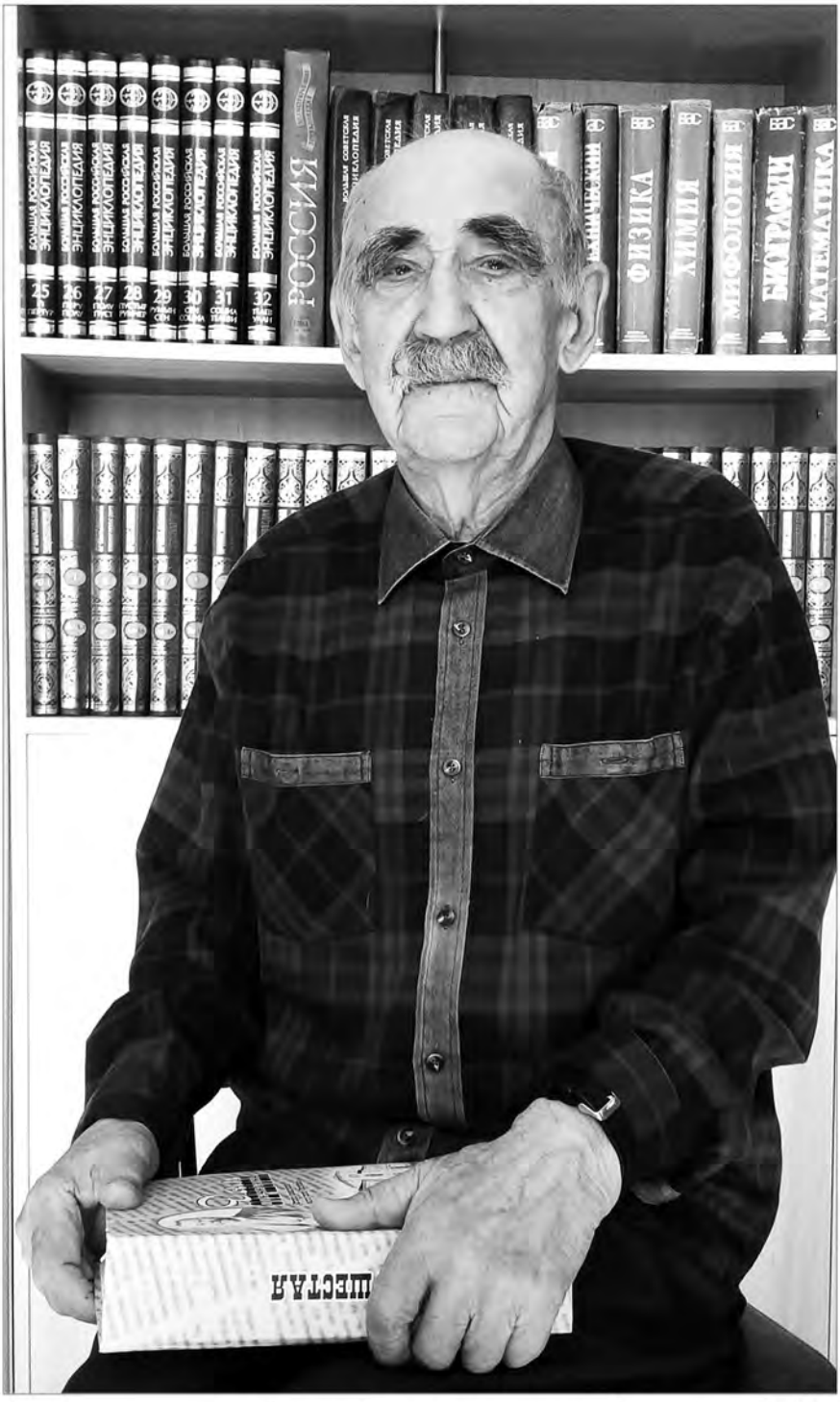
Турклубу «Белка» - 55 (на открытии юбилейной экспозиции в краеведческом музее), 2016 г.

Экскурсия по фотовыставке «Деревня Троицк – музей под открытым небом… », 2016 г.





«Чтоб любить историю, её надо знать», 2016 г.



«Три тридцатилетия Анатолия Смилингиса», 2017 г.

А.Шеренас

Картофельный поход

/по рассказу Анатолия Смилингиса/



(По рассказу Анатолия Смилингиса – непосредственного участника и руководителя похода. В повести описаны реальные события. Все персонажи и их судьбы доподлинные)

Зима сорок третьего года нагрянула нежданно рано. Уже во второй половине сентября подул резкий северный ветер, в небе быстро проносились тяжелые серые тучи, и по утрам лужи промерзали так, что держали взрослого человека. В парме первыми сбросили свои желтые листья осины, затем оголились березки и последними расстались со своим багряным нарядом рябины. Старый коми охотник Феодосий, изредка заходивший в барак поболтать, пощипывая седую бороденку, рассказывал, что за долгую свою жизнь он такой ранней зимы не припоминает. В нашем барачном отсеке к утру у дверей замерзала параша и мы среди ночи просыпались от холода, хотя накрывались всей своей одеждой, а ноги обматывали портянками. У железной вечно дымящей печурки жались дети, выставив к топке скрюченные, опухшие от голода и покрасневшие от холода пальчики. Дети поменьше хныкали, жаловались на мороз и просили есть. Матери перетряхивали мешочки в поисках завалявшейся корочки хлеба, метались по бараку, хотя прекрасно знали, что ничего съестного им не найти. Наконец, в отчаянии обнажая грудь, восклицали:

– Ну ешьте, ешьте меня, пейте мою кровь – всю отдам, не жалко! Что я могу вам дать, когда нигде ничего нет!

Дети испуганно таращили глазки и хныканье на время прекращалось.

Население нашего поселка было поистине интернациональным. По разным каналам сталинских репрессий сюда попали литовские семьи, финны, иранцы, турки, китайцы; позднее откуда-то привезли поляков. Всем нам, обреченным на быструю гибель, жилось плохо, но особенно страдали уроженцы южных краев. Непривыкшие к холодам, они плохо адаптировались в условиях Севера и быстро опускались. Спасаясь от холода, бедолаги наматывали на себя все, что у них было. Поверх шапки голову обвязывали полотенцем, тело закручивали в рваное покрывало и при малейшей возможности по куриному поджимали под себя ноги. Они постоянно осаждали печурку и потихоньку, стесняясь, оттесняли гревшихся малышей. Вывести южан на работу бригадиру стоило неимоверных усилий. Топор они в руках никогда не держали, пилу тоже.

– Мне холодно и я не могу, – обычно отвечали иранцы (мы их

звали персами), смахивая с кончика посиневшего носа вечно висящую каплю. Комендант участка белобрысый молодой коми Потапов в исступлении бил несчастных палкой и грязно матерился.

Китайцы тоже очень мерзли и гибли от голода, но в отличие от иранцев и турок, отчаянно цеплялись за жизнь. В моей бригаде числилось семь китайцев, но на работу выходило только пятеро. Двое посменно промышляли в окрестных селах. В течение нескольких месяцев исчезли все собаки районного центра. По вечерам у костра вся бригада ела ароматную собачатину, тут же, испуская специфический запах, сушились шкуры охотничьих лаек. Затем подошла очередь крыс. Маленькие тушки, обжаренные на костре, оказались настоящим деликатесом. Крысиное племя было многочисленным, размножалось быстро, и его хватило почти на всю зиму, до поры, когда в болотах обнажилась прошлогодняя клюква, а с молодых сосен можно было сдирать сладковатый, пахнущий скипидаром, камбий. Этот слой растущей древесины очень любили дети и называли его по коми «ли».

Зимой сорок второго года десятника нашего участка забрали на войну; вместо него руководить заготовкой древесины поставили меня, пятнадцатилетнего паренька, мало смыслившего в премудростях лесоразработок. Припоминается случай, потрясший мою, еще не окрепшую психику. Ко мне на делянку комендант с большим трудом выгнал четырех иранцев – они должны были сжигать сучья. Холода стояли лютые, трещали от мороза деревья и в ложбине над пармой стелился молочно-белый туман. Бедные южане, одетые в неимоверное тряпье, жались у костра. От горящих еловых сучьев с треском отлетали крупные искры и вскоре у Махмуда загорелись обрезанные до колен ватные брюки. Я понял, что работать они не могут и не будут. Увести в барак или сидеть около них и поддерживать костер я не мог, поскольку надо было выполнять норму и за это вечером в поселковой лавке получить четыреста граммов сырогоглинистого хлеба. Не выполнившим норму талоны отрезали, но хлеб не выдавали. Чтобы люди не замерзли у потухшего костра, я наколол дров, подтащил ближе к огню сухие сучья и, на всякий случай, оставил наиболее сильному из этой четверки Махмуду коробок спичек. Иранцы вытирали слезящиеся от дыма глаза и благодарно улыбались: «Спасибо, Толя, все будет хорошо, как-нибудь до вечера доживем...»

Со спокойной душой, проваливаясь в глубокий снег, ушел на дальнюю делянку, где мои земляки: Альгис, Костас и Римас валили тонкие сосенки для строительства угольных шахт. Зимний день быстро угасает. Часа в три собрались домой, в барак; по пути намеревались захватить гревшихся у костра иранцев. Пока шли, быстро сгустились сумерки. Чем ближе к месту оставленного костра, тем сильнее забиралась в меня тревога: не светился костер, не пахло

дымом. У потухшего очага лежали четыре скрюченные тела, глаза у всех остекленели, пульс не прощупывался, на впалой щеке Махмуда застыла крупная слеза. Дрова и спички лежали нетронутыми. Стало страшно при виде замерзших знакомых людей. Перед глазами маячило исхудалое, обросшее черной бородой лицо Махмуда и благодарная его улыбка: «Спасибо, Толя, как-нибудь до вечера доживем...»

Что проносилось в затуманенном сознании умирающих южан? Матери, мечети, черноглазые невесты или желтые берега Персидского залива?

Наутро санками привезли тела замерзших и сложили в коридоре у дверей. Ночью, выходя во двор по нужде, мы спотыкались о застывшие ноги. Вскоре крысы выели глаза несчастных и попортили красивый арабский профиль Махмуда. Китаец Ли Пинсу подстерегал разбойниц и с удовлетворением отмечал, что с недавних пор значительно повысилось качество добычи.

Мусульмане безропотно подчинялись воле рока, преждевременную смерть принимали как избавление от земных мучений и единственный путь быстрейшего приближения к Аллаху. Меня волновало их презрение смерти.

Литовским семьям приходилось труднее всех. Если иранское, турецкое и китайское население состояло из молодых мужчин – холостяков, то наши женщины были обременены иждивенцами, начиная от грудных младенцев и кончая подростками. К чести их надо сказать, что литовские женщины из последних сил старались не опуститься и как могли сохраняли европейскую внешность. Если не было головного убора, то обвязывали голову полотенцем так, чтобы убор получался наподобие чалмы. Потерянную пуговицу заменяли кусочком палочки, а ботинки зашнуровывали проволокой или отрезком лыка. До самой смерти они не теряли присущего человеку чувства стыдливости. Если многие мужчины, не стесняясь женщин днем подходили к параше, то литовки в любую погоду для отправления естественных надобностей выходили на улицу за угол барака. Если многие ложились спать одетыми, то они на ночь всегда снимали верхнюю одежду, притом всячески старались укрыть от посторонних глаз свое увядшее обнаженное тело. А какую изобретательность проявляли в деле добычи пропитания! Пожалуй, только китаец Ли Пинсу мог в этом деле состязаться с ними. Сушили картофельные очистки, пережигали ивовую кору и пекли лепешки для голодных детей, картошку поджаривали на густом пахнущем нефтью солидоле.

Итак, зима сорок третьего нагрянула раньше положенного срока. Запасы наши были скудными: на человека ведро-два картошки, узелочек сушеной черники, несколько баночек бурлящего, прокисающего без сахара, брусничного варенья, немного сушеных гри-

бов. Безносая издали улыбалась, показывая зубы жителям спецпоселенческого поселка. В детских книжках пишут, что зима – радостное время для детворы. Мне же с самых младенческих лет это холодное время года неизменно внушало страх и ожидание чего-то недоброго, где бы я ни жил.

Китаец Ли Пинсу в районном центре от коми женщин узнал, что в Позтыкеросском колхозе, в двадцати километрах от нашего поселка, под снег попало неубранное картофельное поле. Это известие подтвердил и охотник Феодосий. Барак гудел, как потревоженный улей. Все понимали, что оставленная на поле картошка многим может спасти или, по крайней мере, продлить жизнь. В то же время именно те, кто всех больше нуждался в подкреплении иссякающего организма, не могли рассчитывать, что живыми дойдут до заветного картофельного поля. По всему было видно, что в опасный поход собирается большинство населения поселка, даже те, кто с трудом передвигал по бараку опухшие ноги. Это не сулило добра. И тут я решил стать этаким лидером толпы. Во время вечерней трапезы, когда все жители барака были в сборе и на нарах слышалось чавканье, сопровождаемое скребущими звуками ложек о консервные банки, я, волнуясь и запинаясь, объявил, что отбирать людей в опасный путь буду сам. Также заявил, что уверен – среди нас не найдется такой жадной твари, которая не поделилась бы с дистрофиками и детьми принесенным крахмалом и картошкой. На последнее мое заявление барак ответил неловким молчанием. Только китайка Шура птичьим голоском что-то выкрикивала, разводя и прикладывая к груди коричневые кисти рук. Меня это ни-



чуть не беспокоило, поскольку был уверен, что Шура ничего не поняла, а ее выкрики не имеют никакого отношения к вопросу о милосердии. Объявившись вожаком, я тут же пожалел об этом. А что, если пронюхает о нашей вылазке комендант и начнет всех допрашивать, выяснять зачинщика контрреволюционной акции? Тот же Ли Пинсу первым заявит, что «бригадира велела и моя ничего не знает», вряд ли станет меня выгораживать Нургельды и многие другие. Тогда уже мне хана... Долго не мог уснуть, ворочался на нарах, но мальчишеское самолюбие не позволило отказаться от роли организатора.

С тревогой глядел на деятельные приготовления бывшего студента Петрозаводского университета карела Матти. Высокий альбинос страдал какой-то болезнью сердца. По утрам под глазами появлялись отечные мешки, а к вечеру ноги так отекали, что однажды пришлось разрезать голенища старых кирзовых сапог. Матти доходил; все чаще и чаще мы видели его на помойках, где он собирал рыбьи головки, картофельные очистки и прочие не очень съедобные вещи. Свое болезненное состояние и слабеющую волю парень усугублял онановым грехом, и у меня никак не хватало смелости поговорить с ним об этой дурной привычке, особенно пагубной в нашем голодном состоянии. Матти был очень вспыльчив и подозрителен. На малейшую житейскую неудачу он реагировал руганью; слезы, как мне казалось, всегда были готовы политься из голубых глаз, прикрытых белесыми ресницами.

Китаец Ли Пинсу в нашей экспедиции был, пожалуй, самым крепким. Черноглазое с белозубым оскалом приветливое лицо, даже по нашим европейским меркам, было красиво. Китаец был действительно всеядным и мог в любом виде есть все, что только двигалось: собак, крыс, червей и насекомых. Парень был хитер, надежен, хотя не мог терпеть любую слабость как физическую, так и духовную.

– Ну что ты пьешь так много воды, опух ведь, ослиная твоя голова! – ругал он Матти, на что тот извергал поток финской брани.

Голову китайца украшала буденовка, а поверх ватного жилета он натянул тесную для него, прожженную во многих местах кавалерийскую шинель. Ли Пинсу в свою котомку положил обглоданную собачью ляжку и намеревался в лесу сварить фирменное китайское блюдо.Накануне ко мне в барак зашла Гражина.

– Толя, возьми меня за картошкой, – большие глаза раненого оленя умоляюще глядели на меня, спекшиеся темно-вишневые губы слегка дрожали, нездоровый румянец залил исхудалое, но все еще красивое лицо.

– Может быть, не надо рисковать, Гражина; дорога дальняя, а у тебя здоровье, сама знаешь..., – нерешительно возразил я, глядя мимо лица девушки куда-то в угол барака.

– Толик, возьми меня с собой... Это последний мой шанс дотянуть до весны, когда оттает земля. Страшно подумать, что замерзший мой труп будет лежать в коридоре, – голос девушки задрожал и она отвернулась к окну.

– Ладно, собирайся и возьми мои портянки, у меня их две пары, – нарочито грубо, чтобы не заплакать, бросил я.

О Гражине Шалтените стоит сказать особо. Гимназистку последнего седьмого класса забрали вместе с больной матерью. В первый год поселения девушка поражала всех веселым нравом и желанием показать окружающим, что сюда в тайгу она привезла кусочек родного края. На ее красивой головке неизменно красовалась коричневая бархатная гимназическая шапочка, а тонкую шею украшали мелкие янтарные бусинки. По вечерам Гражина тоненьким голоском пела: «Pasvarslyk, antele, tyliaiplankiodama...» Иногда, под настроение, декламировала литовскому населению барака стихи Саломеи Нерис, чаще всего «Pavasarisemejanveola, o manekasves? Abeduperltanleoiajvestuves». Полезных вещей на поселение мать с дочерью захватили мало, но зато у них были такие штучки, которые, кроме них, вряд ли кто догадался в суматохе обыска взять с собой. Гражина захватила в дальнюю дорогу альбомчик со стихами друзей; такие альбомчики в предвоенные годы были в моде среди учащейся молодежи. Мать девушки прихватила коллекцию марок в надежде после освобождения обрадовать ею своего мужа – страстного филателиста. И уж совсем бесполезно под нарами собирало пыль чучело совы, когда-то сидевшее на столе народного учителя Шалтениса. Сала и зимней одежды женщины взять с собой не догадались. Прошлой осенью к девушке подкралась чахотка. Появился сухой кашель, слабость, а по вечерам щеки окрашивал нездоровый румянец. Я видел, как она прикладывала ко рту платочеки с тревогой разглядывала пятна крови. И так подавленное состояние Гражины усугубляли чрезмерное и не всегда искреннее милосердие тетушек в бараке, их нелепые советы.

– Ой, как печально умирать в чужой стороне, у меня сердце разрывается глядя на тебя, Гражина, – сокрушалась отекшая баба Петрилене.

– От чахотки самое верное средство барсучий жир, в крайнем случае стакан подогретого меда с йодом на ночь, – советовала жена дорожного мастера Мишкинене.

Я чувствовал, что женщин беспокоила не судьба девушки, а как бы самим не заболеть и уберечь своих детей.

– Да бросьте каркать о барсучьем жире и меде; ведь прекрасно знаете, что их не достать. Лучше помогите изловить единственную оставшуюся в живых собаку. Собачий жир не хуже барсучьего при туберкулезе, – однажды резко оборвал я сердобольных тетушек.

Собаку изловить не удалось, и девушка таяла на глазах.

Бывшая певица Одесского оперного театра Марина Кохановская или Коханская, точно фамилию не припомню, тоже готовилась к спасительному рейду: пришивала к мешку лямки и складывала в него мешочки для крахмала. Высокая женщина средних лет с хорошо развитой мимикой лица и тонкими губами была воплощением доброты и какой-то старомодной деликатности. Романтическая натура бывшей певицы свое пребывание на Севере окружила ореолом таинственности.

– Знаете, милочка, что следователи мне предъявили почти все пункты пятьдесят восьмой статьи Уголовного кодекса РСФСР, – полушепотом на ухо который раз сообщала она самой грамотной из литовок Орвидене причину своей страшной одиссеи, – но они не знали самого главного...

Жена судьи из Тельшяй, имевшая свое твердое мнение насчет сталинских репрессий, в тон собеседнице мягко возражала:

– Милочка, ведь для Особого совещания хватило бы самого маленького пунктика пятьдесят восьмой статьи, чтобы отправить вас на десять лет в лагеря, а не в ссылку.

Кохановская не обижалась и подыскивала менее образованных и более доверчивых собеседниц. Ли Пинсу во всеуслышанье объявил в бараке, что певица, наверно, сослана за контрабанду:

– Я сам контрабандиста и своя чую издалека.

В поселке знали, что Кохановская была певицей и по вечерам назойливо приставали с просьбами что-либо спеть. Польщенная женщина смущенно отказывалась:

– Ну что вы, дорогие, ведь столько лет я не поднималась на сцену, и голосовые связки огрубели и легкие простужены, какая уж сейчас из меня певица...

Но обитатели барака нажимали, раздавались притворно обиженные возгласы:

– Ах, публика не та, ах, вы считаете ниже своего достоинства развлекать бедных людишек и так далее. Марина выходила на середину барака к печке и, сцепив на животе пальцы, исполняла свою любимую песенку «Чайка смело пролетела над седой волной...»

Простуженный и прокуренный голос хрипел, срывался на верхних нотах. У бедной исполнительницы выпучивались глаза и на висках вздувались вены. Кое-как справившись с этой песенкой, она пыталась сгладить плачевный эффект от исполнения другой, более лиричной неаполитанской песней «Санта Лючия». Тут наступала развязка – голосовые связки издавали еле слышные, сиплые звуки. Сконфуженная и расстроенная под конец неудачным исполнением Коханская, безнадежно махнув рукой, уходила к своим нарам. Лирическое сопрано было утеряно безвозвратно. Я удивлялся, что, несмотря на равнодушие публики и неудачное исполнение,

Марина всегда уступала назойливым просьбам и жалкий спектакль многократно повторялся.

Большинство из нас, мало воспитанные или недовоспитанные, огрубевшие от постоянной борьбы за существование, плохо разбирались в душевных переживаниях своих друзей по несчастью. В то время как бедная Марина изо всех сил пыталась дотянуть взятую ноту, многие разговаривали, а самые опустившиеся даже подходили к параше.

Один человек в бараке вместе с певицей переживал ее душевную драму. Ветеринарный врач из Таураге Петрас Мачюлис во время такого спектакля сидел на нарах, поджав под себя ноги и обхватив руками седеющую черноволосую голову, раскачивался взад и вперед, как еврей на молитве. Однажды, после особо неудачного исполнения «Чайки», он подошел к Марине и, погладив ее кисть, тихо поблагодарил:

– Спасибо, синьора, за доставленные счастливые минуты. Будьте добры, если можете, то исполните «Шотландскую застольную»Бетховена. Правда, эта песенка не для лирического сопрано, а скорее для баритона, но попробуйте – она напомнит мне студенческие годы.

Мачюлис поцеловал руку женщине и присел около ее ног у печки. И тут свершилось почти невероятное. Простуженным грубым голосом Коханская так исполнила песенку Бетховена, что мы все разинули рты от удивления, а обычно сдержанные в проявлении эмоций финны начали чокаться пустыми кружками. « Налей полней бокалы, ведь мы совсем не пьяны», – неслось по бараку.

Ли Пинсу улыбался белозубой улыбкой, а по щекам Мачюлиса катились слезы. Настоящий человек был доктор.

Доброта и доверчивость женщины у многих вызывали насмешки и раздражение. В ответ на предупредительность – площадная брань, на доверчивость – мелкие пакости. Столкнувшись с откровенным хамством, она становилась беззащитной и жалкой. Глаза удивленно глядели на обидчика, губы дрожали, готовые растянуться вплачь.

Однажды в мае на лесной делянке подох мерин. Двое суток раздувшаяся туша ждала представителей районной власти, которые должны были констатировать факт и причину смерти. После всех формальностей к месту гибели мерина собрался весь поселок на дележку мяса. Самые пробивные и бойкие захватили лучшие куски; последней пришла Коханская и ей досталось то, что никто не хотел брать – половой член бедного мерина. Вечером в бараке пахло мясным бульоном, стояла какая-то деловитая тишина. У своей тумбочки разрезал кусок конины ветеринарный врач Петрас Мачюлис. Высокий, еще молодой человек с узким лицом и большущим кадыком когда-то окончил Пизанскую высшую ветеринарную школу

в Италии. Поскольку советская страна в «образованных буржуях» не нуждалась, то чахоточный Мачюлис работал на лесоповале.

– Доктор, а какое все-таки вкусное мясо, правда очень жесткое, но это и к лучшему – подольше хватит. Вот пососу и снова сварю, – подошла к Петрасу Марина, держа в руках дымящуюся миску.

– Покажите, синьора, что за жесткое мясо у вас, я ведь все-таки доктор ветеринарной медицины, хотя и не признан властями.

Осмотрев содержимое миски, Мачюлис спросил:

– И кто же вас наградил этим деликатесом?

– А что? Ли Пинсу дал, – не поняв возмущения доктора, удивленно ответила певица.

На худых скулах Петраса задвигались желваки, шея покрылась красными пятнами. Взяв миску, подошел он к евшему у печки китайцу и вывалил содержимое ему на колени.

– Не смей потешаться над бедной женщиной, негодяй!

Китаец оторопело моргал глазками, а Мачюлис, вернувшись к своей тумбочке, все свое мясо отдал Коханской:

– Берите, синьора, и простите этим темным людям, ибо они не ведают, что творят.

Большой человек был доктор.

Нургельды лежал на нарах и равнодушно наблюдал за переполохом в бараке. В его поведении не было даже намека, что он тоже собирается за картошкой, но я твердо знал, что он пойдет с нами, ведь добывание пропитания главная, выработанная долгими годами заключения, его специальность. В отличие от китайцев, Нургельды не ловил собак и мышей, глубоко презирал ревизию помоек. Каким-то особым чутьем он всегда верно угадывал, где легко и быстро можно добыть жратву. Один во всем поселке старик умудрялся нигде не работать и жить лучше других. От уникальных способностей Нургельды больше всех страдали поселковые лошади. Добрая часть овса оседала в котелке старика и в заплечном мешке его друга-охотника Феодосия. Взамен овса друг снабжал его беличьими тушками и самосадом. Нургельды постоянно отирался возле столовой и пекарни: то воды принесет, то чурку дров расколет. За малейшую, иногда совсем ненужную услугу, старого иранца вознаграждали черпаком супа или краюхой хлеба. Так и жил человек, совершенно не нуждаясь в хлебной карточке. У него всегда можно было занять иголку с нитками, ножовку, топор или гвозди. Старик имел обширные связи среди заключенных, ибо сам отбыл на дальнем лагерном пункте Локчимлага десять лет: за шпионаж в пользу одной из капиталистических стран. Маленький, высохший старикашка, в отличие от своих земляков, был очень вынослив и живуч. Рассказывали, что за бунт в лагере, его и еще двадцать человек зимой закрыли в большую бочку и увезли в тайгу на замерзание. Через

неделю охрана освидетельствовала двадцать смертей и живого Нургельды. Интересным было его лицо. Кустистые седые брови нависали над большими карими глазами с коричневатыми белками. Из ноздрей крупного мясистого носа торчали такие же пучки волос. Полные губы большого рта, туго обхватившего узкую аркаду зубов, и печальные глаза придавали лицу страдальческое выражение. Казалось, что старик всегда о чем-то сожалеет. Был он общителен и готов каждому помочь, но так уж выходило, что любая помощь с его стороны неизменно оборачивалась выгодой ему самому и кабалой просителю. Например, угостит старик карела Матти банкой распаренного овса и уж в тот же вечер, посылает его на конный двор с заданием обрезать хвост у жеребца. Конский волос нужен Феодосию для изготовления силков на куропатку. Откажись Матти от рискованного дела – и он мог больше не рассчитывать на помощь старика, хотя и погибал бы на его глазах от голода.

В другую пору Нургельды за картошкой в такую даль не пошел бы, но в последнее время у него разладилась дружба с конюхом и жил он впроголодь. На мое лидерство в предстоящем походе старик смотрел равнодушно, поскольку был независимым и жил «сам по себе».

С нами шли две высокие, костлявые и потемневшие от худобы старухи-полячки. Старухи были сестрами, а, возможно, и двойняшками. Я с трудом различал их, настолько они были схожи. Такой тип людей обычно очень вынослив и я за них не беспокоился. А зря...

Молодого иранца все звали Аббасом. Не знаю, фамилия это была у него, имя или прозвище. Мне никогда в жизни больше не встречался человек более беспомощный, чем он. Возможно, что резкая перемена окружающей среды настолько оглушила парня, что приспособиться к новой жизни он уже не мог и всецело отдал себя на волю Аллаха. Зимой целыми днями сидел у печки и печально глядев в никуда. Женщины из жалости его подкармливали, в сытые периоды жизни Нургельды брал его на свое иждивение. Аббас никогда ни у кого ничего не просил, а лишь следил глазами за каждым движением евшего. Работать он ленился или не умел. Както Нургельды попросил его помочь распилить бревно. Прежде чем взяться за ручку пилы, Аббас подкатил к бревну старую кадку и сел на нее.

– Ты что? Сидя думаешь пилить? – заорал старик и отколотил беднягу.

С тех пор к его помощи больше никто не прибегал. С наступлением теплых дней парень оживлялся – собирал щавель, ягоды и грибы, стирал заскорузлую от грязи одежду, истреблял вшей. Иногда на ломаном русском языке рассказывал, как в Иране пасут овец, и что у него в родной деревне осталась невеста.

– Он нормальный, обычный деревенский парень, пришибленный ненормальными вашими законами и образом жизни, – говорил Нургельды, собираясь за картошкой.

Я видел простых литовских крестьян, безвинно попавших в тюрьму. Какими растерянными были их лица, когда блатные отнимали у них продукты, как трудно было им привыкать к тюремной, а затем и лагерной жизни. Понимал я Аббаса, который тоже собирался за картошкой.

С нами также отправлялись скромный деревенский паренек-литовец Римас – основной работяга на лесоповале, два подростка – карела и женщина средних лет неизвестного происхождения, ужасная матершинница, курильщица самосада.

И, наконец, нашу ночную ватагу замыкала старая китайка Шура. О возрасте ее было судить трудно. Можно было дать пятьдесят, а то и все восемьдесят лет. Внешность человека в те времена определяли не столько прожитые годы, сколько их благополучие. Любила Шура оказывать знаки внимания своим подругам и соседкам. Ежедневно она навещала свою лучшую знакомую литовку Юзефу из соседнего барака. Смешно и жалко было глядеть, как Шура на веревочке тянет по грязи обломок доски, тоненькую жердочку или сосновую ветку на растопку печки для Юзефы. Старая женщина плохо говорила по-русски и, наверное, плохо понимала этот язык. Вряд ли она понимала, в какую опасную экспедицию собираются жители барака. Но поскольку в мешки укладывались миски, терки и листы железа, то Шура довольно верно определила: идут добывать картошку. Она подходила к каждому и, вопросительно заглядывая в глаза, что-то быстро лопотала на своем языке. Молодой Ли Пинсу грубо объяснил землячке, что такой поход не под силу старой женщине и даже пригрозил вицей. Забегая вперед скажу, что на втором километре пути Матти обратил внимание на черную фигурку, догонявшую нас. Китайка Шура решила испытать счастье. Чтобы избежать межнационального конфликта, мы единодушно поручили Ли Пинсу решить вопрос с его землячкой. Китаец долго что-то кричал ей в ухо и, повернув старушку лицом к оставленному поселку, подтолкнул ее. Через некоторое время я заметил вдали одинокую фигурку – Шура упрямо следовала за нами.

Отдельные национальности в нашем поселке жили обособленно. Литовцы жались к своим и при нужде помогали друг другу. Часто собирались вместе, вспоминали прошлое и тешили друг друга надеждами. Поляки, наиболее близкие к нам, жили своей жизнью и своими надеждами, близкими к нашим. Взаимоотношения иранцев и китайцев нам были не понятны. Их прошлое было окутано тайной, и чего они ждут от будущего, было не ясно. В китайской среде чувствовались древние традиции и свои жесткие законы клана. Особо выделялись карелы. Они прожили при советской власти бо-

лее двадцати лет, считали себя полноценными гражданами страны и на другие национальности, недавно окунутые в социалистический рай, смотрели с неприязнью.

Друг с другом лица разных национальностей не враждовали и, случалось, выручали в беде друг друга. Если кто-либо из поляков наносил литовцам обиду, то сами поляки осуждали его и даже наказывали. Так, молодой Ядчак однажды нашел утерянную литовкой хлебную карточку и пытался по ней получить пайку хлеба. Когда поступок обнаружили, то самая старая и почтенная пани Домбровска публично извинилась от имени своих сограждан, а пацана жестоко наказали – переселили в угол около параши. Я был свидетелем жестокой драки между двумя молодыми поляками и видел, как две женщины-литовки рвали друг у друга волосы за теплый угол в бараке. Но никогда между собой не дрались люди разных национальностей. Всех нас давила бессмысленная жестокость «большого советского пахана». Мы все были братьями по несчастью, и это нас объединяло.

Исключением была карелка Усвала. Маленькая женщина с лицом медного цвета и выцветшими голубыми глазками злилась на всех и особенно на слабых женщин. Сидя на нарах, Усвала, не поворачивая головы, следила глазами за жителями барака и тихо бурчала. Малейшее проявление радости соседями усиливало ее злобность, бурчание становилось все громче. Женщина ворошила давно нечесанные волосы и фальцетом выкрикивала:

– Фашисты! Кулаки! Буржуи! Вот придет наша победа и мы уедем в Ленинград, а вы сгниете здесь в тайге.

Не только маленькие радости раздражали карелку. Она не переносила вечно молчаливых и независимых сестер-полячек, совершенно не обращавших внимания на выкрики. Желая вывести их из терпенья, Усвала расколола березовый чурбачок, на котором попеременно грелись у печки полячки. Спровоцировать ответную реакцию не удалось – сестры молча перестали греться и все время проводили на нарах.

Усвала никак не могла решиться на поход за картошкой. Она боялась оставить одну свою десятилетнюю дочку, карликового роста и совсем беспомощную.

– Всех заложу коменданту! – слышался ее писклявый голос.

Сентябрь-октябрь – наиболее спокойные месяцы в заготовке леса. Дороги в тайге раскисали, рубка и вывозка прекращались. Наше отсутствие могло пройти незамеченным для начальства. Куда больше опасений вселял комендант Потапов, который нет-нет, да и наведывался в бараки, пересчитывал всех как овец в колхозе во время инвентаризации. Решили предстоящий поход держать в относительной тайне и отправляться в путь ночью охотничьими тропами и заброшенными лагерными дорогами.

Наш путь пролегал по однообразной и тусклой тайге. Мрачный и темный еловый лес сменялся болотами, где между кочками поодаль друг от друга росли чахлые тоненькие сосенки и березки. Идти было трудно. Первые проламывали мерзлую болотную корку, а последние, самые слабые, месили коричневую торфяную жижу. Время от времени тропинка пропадала, и мы возвращались в поисках другого «уса». Тяжело шел Матти. Ноги его не слушались и подгибались в коленях. Желая им помочь нести отекшее тело, он цеплялся за ветки ивняка, вплотную подступавшего к поднимавшейся в гору тропе. Ли Пинсу ступал мягко, по-кошачьи; время от времени оборачивался к растянувшейся ватаге и громко, по разбойничьи, свистел. Нургельды шел неторопливой походкой человека, привыкшего к дальним переходам. Ноги он не поднимал, а как-то тащил над самой поверхностью земли, причем умудрялся не спотыкаться. Старухи – полячки вначале старались не отстать от нас. Поддерживая друг друга за локоть, они торопливо и бестолково пытаясь обойти опасные места, неизменно залезали по колено в ржавую торфяную кашу. Вместо котомок на палочке через плечо женщины несли большой, в желтую клетку, матерчатый саквояж. Уже на третьем километре они безнадежно отстали, и нам пришлось долго ждать на развилке троп. Подошедшие сестры выглядели странно, особенно Ванда. Черный, ажурной вязки платок сполз на плечи, обнажив почти лысый череп с прилипшими к нему редкими прядями седых волос. Кожа на щеках обвисла, оттянув нижние веки так, что виднелась слизистая век.

Китайка Шура шла, как по минному полю, медленно, прощупывая впереди себя палочкой надежность почвы.

Гражина держалась из последних сил. Каштановые пряди волос лезли в глаза и она часто их поправляла; белые ровные зубы прикусили уголочек синего платка, по-старушечьи завязанного под подбородком.

Первым «сломался» Матти. На двенадцатом километре он сел на болотную кочку и тихонько повалился на бок. Мы с Римасом подняли его и даже пытались переставлять ноги, как маленькому:

– Ну, ножками, ножками, раз-два, ну еще немножко – до березняка. Ведь не будешь лежать в холодной жиже.

На бледном веснушчатом лбу выступили крупные капли пота, рот судорожно хватал воздух.

– Братцы, у меня сердце стучит в голове, – тихо, как бы в шутку произнес юноша.

Мы крикнули удаляющейся ватаге, чтобы остановились. Подскочивший Ли Пинсу помог занести карела на гору. Уложили Матти под большой сосной на прелую, усыпанную хвойными иголками землю.

– Для сердечников легче, когда телу придают полусидячее поло-

жение, – суетилась Коханская, пытаясь прислонить юношу к сосновому стволу. Нургельды наклонился, поводил пальцем около глаз Матти и коротко бросил:

– Готов...

Закопали умершего поспешно и неглубоко. Поднялся ветер, и тайга шумела, предвещая бурю, желтые листья кружились над свежим холмиком.

Под вечер скончалась Ванда. Скончалась тихо без конвульсий и храпа. Казалось, что агония отступила от умирающей. Тереза тормошила сестру, внимательно разглядывала ее лицо, как бы искала в обострившихся чертах признаки жизни. Мы топтались вокруг, не зная, что делать – оставить на ночь глядя одних в лесу было неловко, оставаться с ними, естественно, никто не желал. Коханская гладила голову бедной женщины и что-то говорила на ломаном польском языке. Тереза трясла головой и скороговоркой тихо отвечала:

– Она просит передать вам, чтобы все мы оставили их вдвоем и продолжили путь. По католическим обычаям хоронить сразу умерших не полагается; она надеется, что на обратном пути вы отдадите последний христианский долг ее сестре – предадите прах земле, – своими словами пересказала скороговорку Марина.

Мы обрадовались просьбе Терезы. Надвигались сумерки, а до наступления ночи надо было переправиться через речку Кия-ю. Оставили несколько картофелин, лепешку, спички; разожгли костер и натаскали запас дров. Ничто так не меняет лицо человека, как печаль. На лице Терезы резко обозначились скорбные складки, лицо окаменело, бескровные губы шептали молитву, пальцы перебирали четки. В знак соболезнования мы с Гражиной поцеловали ей руки, постояли молча у покойницы и поспешили догонять ушедших.

Уже в глубоких сумерках путь нам преградила лесная речка Кия-ю. Берега завалены буреломом; темная вода тиха и, казалось, стоит на месте. После долгих поисков нашли переход – сваленную поперек березу с облупившейся корой и почерневшим скользким стволом. Первым переправу преодолел Ли Пинсу. Легкой поступью циркача он пробежал по валежнику и, прыгнув на тот берег, жестами подбадривал нерешительно топтавшихся товарищей. Нургельды раздобыл два длинных шеста и тоже довольно уверенно, но осторожно, пробуя ногами скользкую поверхность ствола, перешел речку. Я перенес на спине худенькое тело Гражины и, потеряв равновесие, чуть не упал около самого берега в воду. Другие тоже более или менее благополучно прошли по стволу. На том берегу осталась только Шура; она спокойно сидела на коряге в надежде, что ее тоже перенесут. Ли Пинсу долго что-то кричал ей и даже перебросил шест, но Шура в ответ перестала обращать на

нас внимание и спокойно перебирала содержимое мешка. После длительной и сердитой брани на непонятном нам языке китаец перенес старуху.

– Почему ты ее сразу не перенес? – спросил я юношу.

– Хотел наказать за непослушанье, но, очевидно, напрасно. Нет на свете упрямей существа, чем старая китаянка, – улыбаясь ответил он.

Переправа через речку у многих отняла последние силы и, вскарабкавшись на высокий берег, мы повалились на жухлую, припорошенную снегом траву. Марина сняла лагерные бахилы и рассматривала потертые ступни, Аббас лежал лицом вниз, раскинув руки крестом; Гражина, положив голову на котомку, частыми, короткими затяжками хватала воздух. Ли Пинсу нетерпеливо топтался возле нас и торопил продолжить путь.

– Никуда до утра не двинемся, – спокойным, но твердым тоном распорядился Нургельды, почесывая спину о ствол березки.

Странно, что маленькому старику все подчинились безропотно, даже ершистый Ли Пинсу. Немногословность и неприметное поведение иранца подчеркивали его опыт и превосходство. Под кроной разлапистой ели разожгли костер и стали устраиваться на ночлег. Каждый старался занять место поближе к стволу и подальше от дыма. Как всегда, Марине пришлось довольствоваться дымной стороной. Она постелила фуфайку и, свернувшись калачиком, быстро уснула, положив голову на ботинки Аббаса. Сам Аббас на палочке сушил портянки, подставив к самому пламени грязные ступни. Остальные рылись в мешках и что-то жевали. Нургельды скреб ложкой по дну котелка; Ли Пинсу задумчиво рассматривал собачью ляжку и очевидно решал важную проблему – съесть сейчас или оставить на завтра? Нам с Гражиной удалось захватить самое лучшее место у ствола. Девушка постелила расшитую салфетку, достала из мешка пару больших картофелин, лепешку из отрубей и щепотку соли в узелочке.

– Сейчас мы с тобой чуточку подкрепимся, Толя, – печально улыбнувшись, Гражина пододвинула еду ближе к моим ногам. Прошел не один десяток лет, а воспоминания об этом вечере на берегу Кия-ю до сих пор вызывают у меня чувство глубокой печали. Когда все было съедено и выпит котелок кипятка, девушка вдруг горячо заговорила, повернув ко мне лицо, освещенное с одной стороны светом костра:

– Толя, за что они нас так? За то, что любим Литву? Не повязали красные повязки, не доносили на друзей и соседей? И знаешь, что страшно? Что наши знаменитые люди, наши идолы оказались дрянью. С детства я очень полюбила Саломею Нерис и зачитывалась ее стихами. В своей школьной сумке вместе с учебниками всегда носила сборничек ее стихов. И надо же! В сороковом году этот соловей

пропел «Поэму о Сталине», о том самом, по указке которого гибнет цвет Литвы, – Гражина начинает волноваться, было видно, как на тощей шее, где-то возле уха, часто пульсирует синенькая жилка.

– Мне долго не прожить, и я бы очень хотела предстать перед Саломеей. Вот в таком виде, как сейчас: в изорванной одежде и лагерных ботинках. Предстать перед ней и плюнуть в лицо, плюнуть в лицо кровью... Ой, нет, я бы не смогла плюнуть, я бы только посмотрела ей в глаза долгим-долгим взглядом.

Девушка закашлялась, в уголках губ появилась красная пена.

Занятые своими мыслями и едой, мы не заметили, как загорелась китайка Шура. И лишь когда почувствовали запах горящей ваты, и старуха стала громко ругаться, выяснилось, что вся спина ее ватного халата уже обуглилась. Тут спокойствие изменило Шуре и она, рассматривая дыру на спине, громко по-китайски запричитала.

– Костер надо делать длинный. Что за костер, когда для всех места не хватает, – опять спокойно и, ни к кому не обращаясь, заговорил Нургельды.

– А ты, Аббас, зачем портянки навешал под нос Марине? Или запах твоих ног, думаешь, заменит ей благовония духов персидских?

И опять люди безропотно подчинились, стали расширять костер. К полуночи сушняк весь сгорел, только над крупными огненно-красными углями играли голубоватые язычки. Нургельды обратился к Ли Пинсу:

– А теперь разбуди всех и кладите еловые лапки на угли – будем делать теплый матрац. Нужен большой брезент, но раз нет его, то обойдемся и так. Такой способ ночлега старый способ лесных бродяг и беглецов.

Разомлевшие от тепла люди поднялись с насиженных мест и на негнущихся ногах, неохотно пошли в темень за еловыми лапками. У костра остались Нургельды и Аббас. Старик приводил в порядок угли, а Аббас так и сидел, выставив ступни к пылающим углям. Мне показалось, что старика разозлила беспомощность единоверца, и, когда тот стал мешать ему, то без единого слова ногой оттолкнул его от костра.

Как ни располагайся у костра, кому-то все равно достаются крайние места. Марине вообще не досталось места, и она расположилась на подтаявшей земле. У Ли Пинсу было сильно развито чувство социальной справедливости и отвращение к лодырям. Он прошелся вдоль голов засыпающих людей и потрогал дехканскую папаху Аббаса:

– Ты ветка не носил? Не носил, а спать залез самый лучшей места!

Схватив за шиворот подтащил его к дремавшей Марине и зло приказал обменяться местами:

– Тебе жить и петь надо, а ему «бесполезно».

Коханская спросонья трясла головой:

– Мне и тут хорошо; вот пар от земли идет, разливается по телу.

– Сейчас тепло, а к утру примерзнешь к земле. Ну, живо!

Женщине ничего не осталось как подчиниться воле китайца. Подперев кулаком подбородок, Нургельды вполоборота глядел на самоуправство Ли Пинсу, лицо его выражало обычное сожаление, а, может быть, сострадание. Действие китайца он одобрял и заступаться за единоверца не собирался.

На вторые сутки пути в полдень добрались до цели. В лощине у реки Локчим показались серые крыши домов и белая церковь с разваленной колокольней. Под горой, у опушки леса, виднелось поле, покрытое снегом, с торчащими темными бодылками замерзшей картофельной ботвы. За ночь распогодилось, пригревало солнце, совсем по-весеннему голубело небо, предвещая сильные ночные заморозки. Если в пути мы соблюдали кое-какую дисциплину, поджидали отстающих, хоронили Матги и вообще старались держаться кучей, то достигнув цели, эта куча распалась. Первым бросился копать Аббас. Лопаты у него не было и он, распинав замерзшую корку почвы, быстро-быстро по-заячьи выкапывал куст. Ел картошку тут же, предварительно потерев о полу бушлата. Неуклюже по коровьи ворочалась в борозде Марина, часто дула на покрасневшие от холода пальцы. Шура никак не могла разобраться с вещами в мешке, гремела чайником, что-то прятала в кустах. Нургельды глядел на непривычно торопливого Аббаса и вслух размышлял:



– Крестьянский парень, красть и обманывать еще не привык, просить у людей не может. И если такой попадает в среду злых людей, то непременно погибает. Сегодня Аббас может своим трудом добывать жратву, поэтому и старается из последних сил. Смотри, как зарылся в землю, не хуже зайца.

Ли Пинсу улыбался и в знак согласия кивал головой. Я замечал, что он всегда со всеми соглашался, но думал свое и делал по-своему. Копать картошку старик не торопился, пошел искать удобного места для стойбища. Вскоре у ручейка взвился дымок костра. Нургельды развесил у костра отсыревшую одежду и в одном нательном белье что-то мешал в котелке. У нас с Гражиной была одна лопата, поэтому общие усилия по добыванию крахмала решили разделить: я копаю и мою картошку, а девушка трет ее и выжимает крахмал.

Некоторые из нас в первый день только ели картошку. Аббас не отходил от костра; съедал печеные клубни с обуглившейся кожурой и грязью, подбирал картофельные выжимки и пек лепешки. Он надулся как объевшийся хомяк и с трудом поднимался с земли. Аббас перестал рыть картошку и только ел.

– Зачем не делаешь крахмал? В животе большого запаса не сделаешь, – упрекал его Нургельды.

Мы с Гражиной хоть и были голодны, но ели умеренно и больше заботились о крахмале. Марина в первую очередь решила тоже насытиться печеной картошкой, но, в отличие от Аббаса, тщательно ее очищала, разрезала вдоль пополам и каждую дольку аккуратно солила. ЛиПинсу, как менее других голодный, еще более изысканней относился к еде и под вечер первого дня приготовил китайское блюдо из картошки с собачьей костью. Делиться деликатесом пришлось с Шурой, поскольку та, не дождавшись пока земляк угостит ее, подняла шумный скандал на китайском языке. У нее не было терки, но имелся кусочек кровельной жести, на котором пекла и сушила тоненькие картофельные ломтики. Нургельды вообще ничего не делал; он обладал мешочком соли, за щепотку которой должны были расплачиваться крахмалом.

Наевшись и отогревшись у костра, мы валялись, как сытые коты на солнышке. Слышно было тяжелое сопение и отхождение газов из кишечника. Мы перестали ценить картошку, давили ее ногами, а плохо пропеченную забрасывали в лес.

Все-таки копать картошку легче, чем ее тереть. Я вижу, как у Гражины устали кисти рук и стерты до крови пальцы; картофельная масса окрашена в красный цвет.

– Может быть, поменяемся? – предлагаю я, но девушка трясет головой.

Поздно ночью, когда крахмал упакован в мешочки, мы отдыхаем. Кто разговаривает о предстоящем дне или планах на зиму, кто,

свернувшись клубочком, сразу засыпает. Гражине не дает покоя беда, постигшая Литву.

– Перемены летом сорокового года как снег на голову обрушились на простых литовцев. Я говорю о себе и многих таких, как я. Мы были воспитаны в духе любви к своему народу, гордились ее славной историей, и я честно говорю, что готовы были пролить кровь за ее свободу.

– Не волнуйся, – говорю я и глажу тоненькие, стертые пальчики.

Я люблю общество Нургельды и часто с ним беседую. Как-то спросил, за что он отбывал срок.

– Глупый вопрос задаешь, Толя. За что, за что? Да ни за что. Вот тупой и совершенно безвредный Аббас. Если бы он захотел навредить, и то бы не смог, а ведь забрали и выслали на смерть. Заблудился Аббас в поисках своего ишака, забрел на территорию «счастливой» страны, вот и вся вина. Учти, Толя, что забирают ни за что, но с целью держать народ в страхе и повиновении всех работяг. Сталин тот же лагерный пахан, только большой-большой и держит в страхе много народу.

На третьи сутки нашего пребывания возле картофельного поля заболел Аббас. Живот его раздуло, дышать было трудно, покрасневшие глаза вылезали из орбит. Нургельды стащил парню штаны и мы, сменяя друг друга, разминали звонкий, как барабан, живот.

– Надо бы клизму сделать и внутрь залить льняного масла, – как всегда не к месту советовала Марина.

Аббас стонал и скреб ногтями землю. К вечеру третьего дня его не стало. Нургельды оттащил труп к ручью, вырыл глубокую, тесную яму и стоймя затолкал туда бедного юношу. Чувствительная Марина сокрушалась:

– Возможно, он простыл из-за меня тогда у речки, возможно, я повинна в его смерти.

– Бросьте, мадам, Аббас объелся и в этом виноват только он сам, – успокоил бывшую певицу Нургельды.

Как ни хорошо жить в лесу, но идти домой надо. Многим надоела одна картошка и у костра то один, то другой заводили разговоры о хлебе. Сильнее других рвалась домой китайка Шура. Ее мешочек был наполнен картошкой в разных видах: вареной, сушеной, жареной и вяленой. Мы с Гражиной наготовили около пуда сырого крахмала и еще намеревались прихватить ведерко картошки. Подгоняло нас и странное предчувствие беды. Кто-то видел в дальнем конце поля всадника с ружьем, кто-то слышал поблизости крики и собачий лай. Если раньше никто внимания не обращал на звуки в тайге, то сейчас треск сучка, сломанного ветром, или крик ночной птицы вызывали у Кохановской страх и она, окрутив глаза, прижималась к невозмутимому китайцу. Не торопились только Нургель-

ды и Ли Пинсу. Услышав собачий лай, китаец оживлялся и плотоядно скалил крупные желтые зубы. Было решено пробыть в лесу еще два дня, привести в порядок нехитрый скарб, подсушить крахмал и в последнюю ночь раздобыть несколько самых жирных и больших деревенских собак. Я с радостью согласился, поскольку давно мечтал поймать для Гражины тушу четвероногого друга.

«Жадность фраера губит» говорят в бывалом народе. Она погубила и наши планы. Вместо того, чтобы сушить крахмал и отдохнуть перед дорогой, решили еще раз сходить на поле в полном составе. Марина, все дни отъедавшаяся, вдруг спохватилась, что у нее и крахмала «с гулькин нос». Оказалось, что у китайки вареная картошка стала прокисать и надо пополнить запас. Кто-то решил нагрузиться так, что и сто метров вряд ли смог бы пройти.

Вместе со всеми пошел и Нургельды. Копали разборчиво только большие кусты и брали лишь крупные, гладкие клубни. Копали, не таясь и перекликаясь. Вдруг со стороны пригорка показался всадник, из лесу выскочили три женщины в брезентовых плащах и с ружьями.

Стреляли, не целясь и возможно, поверх наших голов. Не знаю. Кохановская у костра божилась, что у нее в ягодицах под кожей засели пять дробинок. На все просьбы Ли Пинсу Марина показать ранение игриво отказывалась. Я бежал, увлекая за руку спотыкающуюся Гражину, Марина бросила мешок и, оглядываясь, трусцой устремилась в лес. Набитый до отказа желудок мешал ускорить темп. Китайка Шура как сидела в борозде, так и осталась сидеть. Несмотря на переполох; она по куриному поворачивала голову в разные стороны и часто моргала слезящимися глазками. Вообще, в поведении Шуры было много птичьего. Бегства других заметить не успел, но видел, как Нургельды мирно беседовал с женщинами, а однорукий всадник кружился около них, не в силах справиться с поводом. Мне показалось, что старик Нургельды радостно принял плен и затем зашагал впереди женщин довольно охотно. У дороги, ведущей к селу, он повернулся в сторону оставленного табора и что-то крикнул. Наверно, просил захватить собранный с нас крахмал и прочее имущество.

Многие распоряжения больших и малых властей были безрассудно жестокими. Все, что в колхозах попадало под снег, голодным людям запрещалось выкапывать и собирать – пусть лучше сгниет. Такое распоряжение касалось всех, как местного населения, так и нас ссыльных. Местные активисты своих людей под суд отдавали редко и стрелять в них стеснялись. Правда, были случаи, когда очень рьяные «партейцы» убивали солдатскую вдову или мать фронтовика за собранные колоски ячменя или пару вилков капусты. Другое дело мы, «враги трудового народа». Литовца или поляка можно было прикончить на поле и не понести наказания. Можно

было отдать под суд за воровство колхозного добра, хотя это добро на глазах пропадало. Ссыльные были вне закона. Чем объясняли власти запрет на сбор мерзлой картошки или гниющей брюквы? Очень примитивно: надо, чтобы лучше убирали и выкапывали, чтобы ни одна картофелина или колосок не остались на поле. Но ведь не было случая, чтобы в колхозах не оставили под снегом часть урожая. И в этом нельзя было обвинять работавших на уборке. А что до жестокости местного населения, так ведь она, жестокость, воспитывалась властями и всячески поощрялась: бей врагов народа, Сталин-отец все видит и благословляет.

После пленения Нургельды из самозванного вожака я превратился в истинного. Вокруг меня толпились перепуганные люди, а Марина который раз спрашивала:

– Что будем делать дальше?

Она успела высушить мокрые от страха шаровары, беспокойно ерзала у костра и каждому в отдельности что-то тихо доказывала; видать, подговаривала быстрее смотаться с опасной территории. Мне и самому этого же хотелось. Но как быть с Нургельды? Ждать его возвращения или оставить старика на произвол судьбы? В душе я понимал, что в любой ситуации не мы ему, а он нам может помочь; дорогу обратно знает лучше нас, а вещи его мы как-нибудь уж донесем. И все же... Посоветовавшись с Ли Пинсу, решили сходить на разведку в село, и, если позволят обстоятельства, выручить старика.

Еще засветло опушкой леса и прячась, подошли к крайней избе. У забора складывал в поленницу дрова сгорбленный старик в шапке-ушанке и большущих валенках с галошами.

– Бог в помощь, – поприветствовали его мы. – Может, помочь?

Старик, очевидно, был глуховат на обращенное к нам ухо, и на приветствие не ответил. Он убрал подальше валявшийся топор и, сев на колоду, достал кисет.

– Дет, а дед, ты не знаешь, куда бабы дели одного старика? Ну, такого, с большим носом и в огромной мохнатой шапке.

Чтобы лучше изобразить облик Нургельды, я пальцами показал, какой длинный нос и большая папаха у старика. Громко, как и все глуховатые люди, старик на коми-русской смеси объяснил, что бабы закрыли в церковь разыскиваемого нами человека, причем несколько раз показал пальцем в сторону белеющей полуразрушенной колокольни, выглядывающей из-за пригорка. Сообщив это, он задумчиво закурил, время от времени ругая ластившегося у наших ног веселого щенка. Потоптавшись минуту-другую двинулись в сторону леса.

– Слушай, Толя, давай сходим ночью к церкви, узнаем, как там Нургельды, – предложил китаец. Я согласился.Уныло светила луна, окутанная туманным кругом; мороз крепчал. Никем не

замеченные, мы тихо прошли по кривой деревенской улочке и, миновав сельсовет с флагом на коньке, подошли к церкви. Сперва тихонько, а затем со всей силы постучали в массивные, из кедра, двери храма:

– Нургельды, ты здесь? Это мы, Толя и Петя (так по-русски звали китайца).

В церкви ни звука. Подошли к зарешеченному узкому высокому окну.

– Нургельды, отзовись!

В церкви тихо.

– Спит старый хрен или комячки его убили, – серьезно говорит китаец и мигает мне узким глазом

«Что-то придумал Ли Пинсу. Может быть хочет делать подкоп или созрел другой план освобождения», – подумал я.

– Толя, пойдем душить собак. Вот прихватил удавку. Крови ни капли, следов никаких, – шепчет китаец и, предвкушая хорошую добычу, по-волчьи щелкает зубами. Вытаскивает из-за пазухи удавку-петлю из крепкого шпагата, хорошо протертую мылом.

– Толя пойдем. Брать будем охотничьих, привязанных собак, бродячие к нам не подойдут – приманки нет, – не терпится товарищу. Мы знаем, что больше всего на свете коми охотник дорожит собакой. Больше чем женой, другом, ружьем, лодкой. Пропажа собаки навлечет подозрение на нас и тогда Нургельды – хана.

– А как же старик? Ведь его непременно убьют! – глядя мимо буденовки кричу я.

Ли Пинсу издает звук, похожий на ржание коня, и, резко повернувшись, по улице бежит обратно к лесу. Я гонюсь за ним, кричу:

– Петя, постой!

Где-то тявкнула собака, на другом конце ей ответили и вмиг собачий концерт из голосов различного тембра разлился по селу. Догоняю у самой опушки леса. Китаец вытирает слезы и часто дышит. Обнимаю его и, глотая слезы, бормочу:

– Дорогой, славный Петя...

Собрались домой поспешно, и лишь китайка Шура долго лазила по кустам в поисках спрятанной банки из-под консервов. Котомки у всех были наполнены. Ли Пинсу напоследок в одиночку сходил на поле и заполнил свой мешок, Марина собрала разбросанные и затоптанные у костра картофельные выжимки. Римас ей отдал часть своей добычи, поскольку, одев за плечи огромную котомку, он чуть было не упал под ее тяжестью. Я нес нашу общую с Гражиной поклажу и тоже мало надеялся, что донесу до места. Подростки-карелы в течение всего картофельного похода держались обособленно и успели наготовить крахмала больше всех. Женщина – сквернословка, очевидно, перевоспиталась, выжимала крахмал очень усердно и перестала материться.

За все дни мало кто вспомнил оставленных в лесу сестер. Гражина с Коханской однажды заикнулись, что надо навестить оставленных, унести печеной картошки. Нургельды театральным жестом простер руки в темноту:

– Скатертью дорога, милосердные дамы! Но вы ничем Ванде не поможете. Если бы она хотела, то давно бы пришла. Ее горе больше чувства голода.

Шли медленно и тяжело. Веревочные лямки резали плечи, руки немели и отекали. Наполненные перед дорогой желудки теснили грудную клетку, дышать было трудно. Марина хромала, просила идти помедленнее. Слышалось сопение и хриплые звуки из простуженных бронхов. Китайка Шура, как всегда, плелась сзади, и мы потеряли ее из виду. Ли Пинсу молчал, но по всему было видно, что парень больно переживает ночной эпизод. Я его понимал. Ведь он в поход пошел не за картошкой, а ради собак.

«Черт его знает, может и надо было пожертвовать иранцем ради всеобщего блага», – думал я и тут же находил оправдание себе. «Ведь Петя гораздо сильнее и бывалее меня. Если бы иранца было ему не жаль, то вряд ли бы мой крик остановил его. Мне и самому собака нужна была позарез для Гражины, да вот не пошел, проявил силу духа». Много лет спустя я понял, что поступили правильно. Маленькая подлость, совершенная впервые, часто (но не всегда) является началом морального падения человека.

Приближаемся к месту, где оставили сестер-полячек. Что-то чернеет на фоне белоствольного, молодого березняка. Подходим совсем близко, кричим. Черный силуэт сидящего человека не откликается, не поворачивается на наши голоса. Тереза мертва. Издали она походила на большого, нахохлившегося ворона у края могильной ямы. Ванда лежала в вырытом углублении, лицо закрыто кусочком марли, в сложенных на груди руках образок с изображением Ченстоховской Божьей Матери. Все припорошено тонким слоем снега.

Оставшись в тайге, Тереза, очевидно, принялась копать последнюю обитель для сестры. Как она копала яму, трудно сказать, но по бокам в сыром песке ясно обозначались многочисленные следы – бороздки от пальцев. Рядом валялась ржавая тупая лопата. Уложив в яму дорогое тело, она потеряла связь с реальностью и тихо скончалась. Три вареные картошки и лепешка лежали нетронутые. В старинном саквояже – котелок, терка и цветастый мешочек для крахмала. Врачи, конечно, поставили бы диагноз «переохлаждение», но я твердо убежден, что Тереза умерла от величайшей печали.

Погода портилась. Колючий ветер со снегом сек лицо, пробирался через лохмотья до голого тела. Мы, с набитыми картошкой животами, торопились в барак под крышу, к теплой печурке. Кто-то

предлагал покойниц спрятать в яму, под корнями бурей поваленной сосны.

– Весной придем и по-человечески схороним, – говорили они, хотя прекрасно знали, что весной никто не придет.

– Люди, не отдадим зверью тела наших сестер, – со слезами кричит Гражина и, схватив лопату, ковыряет дерн рядом с углублением. Ли Пинсу отталкивает девушку и с остервенением роет податливый песок. Ему помогает Римас. Коханская пытается выпрямить окоченевшее тело Терезы, но так как Марина боится приложить грубую силу, необходимую в таких случаях, то ничего у нее не получается – тело упорно сидит. Пришлось мне с большим трудом выпрямить Терезу. Марина шепчет:

– Да ради Бога осторожней, ведь ей больно.

Я злюсь на нее и что-то говорю не лестное. Наконец, широкая, неглубокая яма готова и Ли Пинсу с Римасом укладывают Терезу. Гражина покрывает лицо салфеткой, на холмик кладем пихтовые ветки.

«О, Господи, какие мы невнимательные к людям, живущим рядом с нами. Вот и эти две несчастные женщины. Всегда смиренные, одетые в черные залатанные платья, на все пуговицы застегнутые до подбородка и повязанные такого же цвета вязанными платками с кистями. По этим одеждам и скорбным лицам все подозревали, что Ванда с Терезой монашки. Они подолгу молились в самом плохом углу барака, возле параши, и многие смеялись над их набожностью. Если мы, стар и мал, нахально пробивались локтями к раздаточному окошку за баландой, зная, что первые черпаки всегда гуще, то эти смиренные женщины всегда подходили последними и довольствовались тем, что оставалось от других. Только эти двое да еще Коханская всегда заходили в любую дверь последними. Только им двоим ничего не досталось от мерина, даже подобия того, чем наградили Марину. Мы постоянно изворачивались и врали при контактах с начальством и распределителями жратвы, иначе не выжить. Сестры на такое были не способны. Если и делали что-либо противозаконное, то лишь по неразумению. По этой причине их не приглашали в компанию на рисковые операции, боялись, что, если их поймают, они выложат начальству всю правду. Если мы постоянно жаловались друг другу, что больны и голодны, то от сестер никто жалоб не слышал. Не раз наблюдали, как они одаривали бедного Аббаса корочкой хлеба или картофелиной, хотя сами голодали более других.

«Раз не хнычут, да еще другим помогают, значит, живут сносно», – думали все и обходили при дележке случайно выпавшего и никому персонально не принадлежавшего маленького счастья – добавочной баланды или кусочка рафинада. Неужели прав был Нургельды, когда говорил, что первыми гибнут слабые, затем добрые; остаются живыми сильные, хитрые и жестокие?»

Так я думал, когда стоял у маленького песчаного холмика. На минутку остановились у могилы бедного Матти; она успела порядком осесть и наполнилась водой.

Собираясь за картошкой, мы знали, что за самовольную отлучку нам может перепасть от коменданта и перепасть крепко. Могли обвинить в нарушении режима, определенного для ссыльных и сослать в такую глухомань, «где и Макар телят не пас», могли записать прогулы и отдать под суд. В военное время даже за опоздание на работу давали до шести месяцев лагерных работ, а тут группа людей отлучилась на целых пять дней.

Производственное начальство смотрело на нас сочувственно. Некоторые технoруки, бухгалтера и другие чины сами в разное время отбывали сроки и хорошо знали, что из бедных доходяг плана не выжмешь. Другое дело Васька – комендант. Будучи не в духе, он мог даже китайку Шуру погнать на лесоповал. Хочу дать характеристику этому типичному представителю низшей прослойки служителей НКВД.

Внешность коменданта Василия Потапова была заурядной. На щуплом туловище сидела средних размеров голова с маленьким вздернутым кверху носиком, узкими припухлыми глазками и вечно раскрытым широким ртом. Последняя особенность лица придавала ему удивленно-детское выражение. На фронт его не брали из-за плоскостопия и какой-то брони. Не везло Василию с женитьбой. Через неделю-другую после свадьбы женщины, как правило, отправлялись обратно к родителям и в оставленное супружеское ложе больше не возвращались. Бывший моряк Поляков поинтересовался у кладовщицы Домны, выходившей когда-то за коменданта, в порядке ли у него мужской инструмент. Девушка не смутилась и, печально покачав головой, на полном серьезе ответила:

– Эм, да больно мягкэй.

Слабостью Василия было оружие. Как военному человеку, приставленному наблюдать за ссыльными, ему, наверно, был положен пистолет, но так как в ту пору с оружием было туго, то пришлось довольствоваться мелкокалиберкой. Говорили, что с ней он не расставался даже ночью в постели и во время еды. Моряк Поляков объяснял такую странность коменданта детским пристрастием к этому обязательному атрибуту военных людей. Любил комендант состязаться в борьбе. В партнеры обычно приглашал крупных и слабых доходяг. Чаще других он надоедал карелу Матти:

– Ну что ты, такой большой, а боишься меня. Ведь я наполовину меньше тебя Матти злился и с руганью убегал из барака.

Ли Пинсу, Римаса и польских парней померяться силой и ловкостью Вася никогда не приглашал. Как-то пристал он к Мачюлису, но тот презрительно сплюнул и головой кивнул на китайца:

– Ты бы лучше с ним, а я тебе в отцы гожусь.

Вообще комендант с выходом из детства явно опоздал. Отношение к нам у него зависело от настроения. После очередного разрыва с женой или невестой ходил темнее тучи. Тогда мы были виноваты во всем: что от голода стали безобразными, тонконогими, пузатыми и бледными; что у нас не было одежды и ходили в неимоверных лохмотьях и даже в том, что нас привезли в коми леса.

– Понавезли тут всяких, а ты возись с ними, – громко возмущался Вася-комендант.

В мрачные периоды не на словах, а на деле мог жестоко наказать за малейшую провинность: переселить в такую глухомань, где и картошка не родится, заставить ходить на отметку в комендатуру каждую неделю в самое неудобное время – поздней ночью или рано утром, отдать под суд за прогул и так далее. Арсенал наказаний был у него богат. В благополучном настроении Василий все наказания, кроме тюрьмы, отменял и сквозь пальцы смотрел даже на серьезные проступки. Очень любил, когда ему льстили. Зная эту слабость, многие, особенное пожилые женщины, величали его в глаза «господин офицер», хотя на петлицах у него не было не то что кубика, но даже треугольничка. «Господин офицер» в смущении краснел и скромно возражал:

– У нас в стране Советов господ нет – все товарищи.

Любил комендант с винтовкой разгуливать по лесным делянкам, где мы работали, то дятла подстрелит, то бурундука. Однажды летом забрел Вася на лесосеку, где работал Мачюлис.

– Эй, ты, кошачий доктор, подойди сюда, – поманил пальцем Петраса, неподалеку обрубавшего сучья у только что поваленной сосны, – давай покажи, как буржуи стреляют. Подойди, не бойся, или винтовку видишь впервые? Пиф-паф!

Вася, вскинув винтовку, шутливо целился в доктора, смеясь над своей дурацкой выходкой.

Долговязый, худющий Петрас, по-журавлиному высоко поднимая ноги над поваленными деревьями, подошел к Потапову. Узкие брюки в «дудочку», сшитые из мешковины, мелкой гармошкой облегали тощие ноги, обутые в лагерные бахилы. Просторная ситцевая рубашка болталась на узкоплечем туловище, как на вешалке. Худое горбоносое лицо, обросшее седеющей русой бородой, было все еще красиво, и доктор походил на библейского пророка. Мы с вальщиком Римасом подошли поближе.

– Вот я смотрю, доктор, на тебя и не могу понять мужик ты или нет, – начал свои рассуждения комендант.

Тут Римас толкнул меня в бок и с улыбкой мотнул головой в сторону говорившего, очевидно, вспомнил печальные результаты комендантских свадеб.

– До войны, да и сейчас на лесозаготовках сучкорубами работали только женщины, а ты, смотрю, даже сук отрубить толком не

можешь, – продолжал Васька. – Давай посоревнуемся в стрельбе: буржуй и пролетарий, а?

Комендант достал из охотничьей сумки ржавую консервную банку, вытряхнул короедов, собранных для рыбалки и, отмерив двадцать пять шагов, поставил ее на пенек. Зная болезненное честолюбие коменданта, Петрас вяло отказывался. Вася отказ воспринимал как неумение доктора пользоваться оружием и наседал все упорней. На худых, обтянутых загорелой кожей скулах Мачюлиса задвигались желваки. Он облизывал потрескавшиеся, сухие губы и часто глотал слюну, отчего кадык находился в постоянном движении.

– Да промахнись ты, – по-литовски советовал Римас.

– Ну нет, я ему покажу, как надо стрелять. Все-таки когда-то считался лучшим стрелком в учебной роте второго пехотного полка имени Великого литовского князя Альгирдаса, – тихо проговорил Петрас и решительно предложил:

– Согласен, но с условием, что баночка будет стоять во-о-о-он на том пеньке, а то ведь с такого близкого расстояния и китайка Шура не промахнется.

Не думаю, что попытки коменданта унизить мужское достоинство Мачюлиса вынудили последнего защищать свою честь. Петрас знал, кто чего стоит, знали и мы, стоявшие возле него. Ведь говорят, что и на петушиные бои выставляют петухов примерно одинакового веса.

Бесило его желание Васьки унижать других и эти дурацкие провокационные приемы. Решил он проучить наглеца. Васька удивленно поднял белесые брови, на всю ширь растянул губастый рот и пошел переставлять банку где-то на расстояние пятидесяти метров.

Долго осматривал мелкокалиберку Петрас, прицеливался, поправлял хомутик на прицельной планке и никак не мог приладить приклад к выпиравшим костям ключицы. Согнутые в коленях длинные ноги, склоненная на правое плечо голова и отставленный в сторону локоть не выдавали в нем лихого стрелка или охотника. Вася давал советы и мешал сосредоточиться. Придержав дыхание, Петрас плавно нажал на курок – баночка скатилась с пенька.

– Вот так, «господин офицер», стреляют мужчины, – доктор передал винтовку сопернику и, сев прямо на красно-голубые заросли иван – чая, принялся вытирать рукавом струйки пота, затекавшие в глаза.

Соперник пинал валявшиеся у ног сучки и никак не мог выбрать удобное положение для стрельбы. Короткий щелчок, а банка ни с места. Вася бежит к пеньку и тщательно осматривает мишень. Второй, третий..., пятый выстрелы – банка, как заколдованная, ни с места. Рассерженный комендант и не заметил, что остался один; мы разошлись по своим рабочим местам и на одинокого стрелка демонстративно не обращали внимания.

– Вот ты, оказывается, какой меткий. Небось много перестрелял наших людей, фашист! – проходя мимо зло бросил комендант, – придешь ко мне в комендатуру ровно в девять вечера!

– С тех пор Мачюлису не стало житья. Если все мы отмечались раз в месяц, то ему было приказано являться в комендатуру еженедельно и чаще всего рано утром или поздним вечером. Мелкими придирками комендант доводил Петраса до тихого бешенства. Справедливости ради надо сказать, что больших подлостей жителям нашего поселка Вася не сотворил. Позже я узнал, что в других поселках коменданты были менее глупы, но зато более жестоки.

* * *

– Вот и наш поселок. В густых сумерках желтыми пятнышками кое-где светились окошки бараков. Из печных труб поднимались клубы черного едкого дыма. В тамбуре злым шипением встретила нас Усвала:

– Ага, попались голубчики. Третий день вас комендант на лошади ищет. Мы с Гражиной тяжело перешагнули высокий порог и, не сняв котомок, повалились на ближние нары. От усталости не хотелось отвечать любопытным, слезы застилали глаза и контуры людей казались призрачными. Гражина заплакала и не слезами счастья, а от сознания перенесенных трудностей и полной расслабленности. Хотелось, чтобы кто-нибудь пожалел. Жители барака оценивающе щупали скрипящие, как апрельский снег, наши мешки и, наверное, чуть-чуть завидовали.

Смерть Матти никого в нашем поселке не потрясла, поскольку он давно считался одним из кандидатов на тот свет.

– Отмучился, бедняга, – резюмировали жизненный финиш несчастного юноши жители поселка. По сестрам-полячкам заголосило и запричитало женское население:

– Кто бы мог подумать! Ведь никогда не болели и не жаловались бедняжки. Ладно уж, если бы одна, а то обе сразу!.

Даже карелка Усвала изменила злобному своему настрою и выла громче всех. Я никак не мог понять такой жалости. Что это? Проявление стадного инстинкта или дань обычаю? Во всяком случае, из голосивших мало кто искренне жалел Терезу с Вандой.

Куда больше взволновало всех пленение Нургельды. И не столько сам факт случившегося, сколько судьба его вещей. В нашем участке он был самым богатым. Кроме овса, в его сундучке хранились молоток, ножовка, шило, дратва и много других нужных вещей. В углу на нарах привлекали внимание аккуратно сложенные ватные брюки, новая фуфайка и подшитые серые валенки. Все гадали: живой Нургельды или нет, а если живой, то вернется в наш поселок или нет? Появились люди, которым якобы когда-то задолжал старик. Каждый вечер появлялся молодой коми парень Семен Гуляев из другого барака и прожужжал всем уши рассказами, каким

большим и единственным другом был он бедному иранцу. Ли Пинсу старику ничего не одалживал, но по праву соседа на нарах претендовал на большущую сковородку. К тому же эту сковородку он тащил с Поэтыкероса, не оставил врагам при отступлении. Я не был кредитором Нургельды и не числился в его корешах, поэтому надеялся на самое малое, например, портянки. Все соискатели на добро старика единодушно утверждали, что старик, попав в руки свирепых коми женщин, никак живым остаться не мог.

– Если не убили, то замерз в церкви, а если не замерз, то отправили его в тюрьму, откуда возврата нет, – убеждал всех Семен.

Двадцатилетний Гуляев настолько прославился неукротимой тягой к воровству, что в окрестных селах коми народ отказывался признавать испорченного земляка. Да и Семен лучше себя чувствовал в интернациональной среде выселенцев. Продукт цивилизации северных народностей, он, несмотря на молодые годы, посидел во многих лагерях Севера. Хорошо знал блатной жаргон и считал себя вором «в законе». Особенно куражился он перед нами, не нюхавшими лагерной жизни. В присутствии старых зэков, Полякова и Нургельды, становился услужливым до приторности. «Шестерка», – презрительно отзывался о нем капитан, а иранец даже такой титул для Семена считал не заслуженным и тем не менее использовал его для мелких поручений. Все мы отдавали должное его богатой татуировке. Чего только не было на тощем семеновом теле: русалки, черти, православные кресты, всевозможные надписи и даже профиль «Великого отца всех народов».

Совершенно новую гипотезу о судьбе Нургельды высказал бывший капитан дальнего плавания Поляков. Лежа на нарах, он заявил, что иранца коми женщины захватили с целью использовать его в качестве самца. Кто-то усомнился и стал доказывать, что на такую роль больше подходил красавец Ли Пинсу. Знаток портовых притонов, моряк разгромил оппонентов международной истиной, что ценность мужчины отображают не красота и молодость, а величина носа и ушей. В этом отношении приоритет Нургельды был неоспорим.

Вечером следующего дня комендант явился в барак, где проживали участники картофельного похода, и приказал собрать всех жителей поселка. Сняв фуражку с красным околышем и синим верхом, Вася одернул гимнастерку и долго причесывал непослушные волосы. Такое подчеркнуто официальное, вежливое поведение ничего хорошего не сулило. Обычно с этого начинались все неприятные сообщения и судилищные разборы.

– Кто самовольно отлучался на колхозные поля, подойдите поближе ко мне. Та-а-а-ак. А где этот дистрофик Матти Вейолайнен? Где лагерный урка Нургельды? Где тихони полячки и, этот, как его там, Аббас?

Я доложил, что четверо из отсутствующих погибли, а Нургельды захватили коми женщины. Такое сообщение обескуражило и обрадовало коменданта. Он надел фуражку и, сдвинув ее на затылок, вдруг преобразился в этакого рубаху-парня, способного и покарать и пожалеть.

– Вот это да! Значит, говоришь, четверо померли? Так чего вы дураки, пошли так близко? Надо было в Мординский колхоз идти, за шестьдесят километров, авось все по дороге попередохли. – Комендант заржал, довольный своим остроумием.

– А где хлебные карточки умерших? Где доказательства, что их нет в живых? Вы бы хоть уши пообрезали и показали мне, – опять мрачно пошутил Вася.

– Смотри, Ли Пинсу, если я узнаю, что использовал для себя пайки мертвецов – убью!

Комендант стукнул кулаком об стол, краснота разлилась по курносому лицу. Китаец улыбался и, по всей видимости, физической расправы со стороны тщедушного Васи не боялся. Угрозы сыпались, как майский гром с небес. Но этим все и кончилось: мертвые спасли живых.

Прошел месяц, а об иранце не было никаких вестей. Сложенная в углу одежда, сундучок под нарами многим не давали покоя, расстраивали и так слабую нервную систему. Придя однажды с работы, обнаружили отсутствие двух досок на лежанке Нургельды. Это послужило сигналом к дележу наследства. Ли Пинсу успел схватить сковороду, Поляков – ватные брюки, а я – добротные портянки из шинельного сукна. Моя добыча оказалась вшивой, что никак не вязалось с аккуратностью старика. Расстелив на полу портянки, долго катал по ним пустой бутылкой, как скалкой, пока зеленое стекло не покраснело. Все остальное добро досталось «кредитору» Семену.

Была первая половина декабря, когда глубокой ночью в спящий барак заявился весь в снегу и сосульках Нургельды. Сбросив у остывшей печки большую котомку, потрогал козлы разобранных нар и с горечью произнес:

– Такой хороший нар был...

Постояв минуту, забрался на стол и, засунув кисти рук в рукава, громко захрапел. В душном бараке спали не все. Из-под полуприкрытых век черные глаза Ли Пинсу зорко следили за иранцем, а мозг китайца оценивал реакцию старика на отсутствие вещей. Сам он рассказывал, что контрабандный промысел научил его днем и ночью быть начеку. Жаль было возвращать сковородку, такую большую и глубокую, в которой можно было зараз поджарить собачью ляжку или с десяток крыс. Я тоже не спал; мне не хотелось отдавать портянки, хотя возвращению старика искренне обрадовался.

Первым без сожаления возвратил ватные брюки хозяину Поляков:

– Прости, старина. Мы тебя нарекли комяцким шахом и не ждали.

– Бывает..., – благодушно махнул рукой несостоявшийся шах. От сковороды Нургельды отказался, портянки отдал мне насовсем:

– Носи и вспоминай Матти, я ему часто их одалживал.

Семену Гуляеву пришлось возвратить все до последнего сапожного гвоздя.

– Ти неси минэ все, – сказал ему Нургельды.

Семен принес обломок точильного камня, молоток, скорняжную иглу и еще что-то.

– Ти неси минэ все, – не глядя на принесенное повторил старик.

Много раз Семен бегал в свой барак за какой-то вещью и каждый раз слышалось тихое:

– Ти неси минэ все.

Наконец, у парня ничего не осталось из вещей Нургельды.

– А гидэ маленьки гвоздик?

– Я завтра сбегаю в деревню и принесу много гвоздей, потерпи, – упрашивал Семен.

– Минэ много не нада, минэ нада мой гвоздик, – не уступал иранец.

В злости лицо его не меняло сострадательного выражения, но речь приобретала отчетливый южный акцент. Пришлось парню в срочном порядке отправляться к родственникам в деревню за гвоздиками. Видимо, пуще смерти боялся он потерять дружбу с Нургельды.

На другой день, когда все нужные иранцу вещи были возвращены, он, сидя по-турецки на восстановленных Семеном нарах, рассказал о днях, проведенных в бабьем плену. В сопровождении трех женщин и однорукого всадника старика доставили в сельский совет. В чистой комнате, обклеенной плакатами, расхаживал краснорожий человек в кителе защитного цвета, синих галифе и белых фетровых бурках. Всех больше ему запомнились эти бурки, новые, с обшитыми коричневой кожей носками и задниками. Человек был очень сердитым – ругал молодую девушку, председателя сельсовета и часто крутил ручку телефона в надежде связаться с районной милицией. Нургельды сидел на табурете посредине комнаты и, зажав ладони между колен, грустно улыбался. Из разговора он понял, что сердитый начальник приказывает женщинам отправить вора в районную тюрьму, а те не соглашаются, ссылаясь на отсутствие мужиков и уйму дел в колхозе. Под вечер сердитый начальник отправился ночевать к знакомому кладовщику и женщины, почувствовав себя свободней, стали допытываться у старика, что тот умеет делать. Нургельды давно заметил, что у председателя сапоги рваные, поэтому храбро ответил, что является лучшим в Пер-

сии дамским сапожником. Про Персию колхозницы слышали впервые, но чутьем угадывали, что это дальше Сыктывкара и даже Москвы; одним словом, заграница. С этого часа у него потекли райские дни. Ходил из дома в дом и чинил самую различную обувь, вплоть до детских пинеток. Кормили как на убой, спал в тепле на полатях. Многие молодухи предлагали иранцу свои, истосковавшиеся по мужской ласке, сердце и тело. Нургельды объелся и был не прочь связать свою судьбу брачными узами, но боялся коменданта. Когда вся обувь селян была приведена в божеский вид, стал он собираться в дорогу. С большой котомкой, наполненной провизией, за плечами и сучковатой палкой в руках на высоком берегу реки Локчим прощался Нургельды с жителями Позтыкероса. Провожать его вышло все село, стар и млад. Долго стояли люди на берегу, пока не скрылась черная фигурка за поворотом дороги.

Шли годы. В тысяча девятьсот сорок пятом году комендант Вася перешел работать в милицию. Назначенный на его место фронтовик Иван разрешил Мачюлису работать ветеринарным врачом убойного пункта в районном центре. Сошелся Петрас с крикливой коми бабой и вскоре умер от туберкулеза легких. Исполнилось желание Гражины. Умерла она весной, во время ледохода, от сыпного тифа. Схоронили ее на кладбище второго участка, там же покоятся останки Мачюлиса. Марина дождалась реабилитации и уехала к сестре на Украину. Ли Пинсу разрешили навестить родных в Китае и со дня отъезда его больше никто не видел. Нургельды незаметно куда-то исчез. В послевоенные годы понавезли бывших военнопленных и пропажа иранца мало кого беспокоила. Китайка Шура дожила до глубокой старости и умерла в конце пятидесятых годов. Герой рассказа Анатолий Смилингис, из местечка Плунге, по сей день живет в селе Корткерос по улице Лебедева. Он большой человек в коми культуре: этнограф, историк и педагог. Работает директором Дворца пионеров. Недавно открылся в районном центре им созданный краеведческий музей.

1983-1988 гг.

А. Шеренас

Записки ссыльного, или Не знаем своей вины. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 5. – С. 154-194.

Список выявленных публикаций

Об А. А. Смилингисе

1. Чернов, А. Школьники изучают родной край : [о первом геологическом походе по реке Маджа Корткеросского района] / Алексей Чернов // Красное знамя. – 1959. – 20 нояб.

2. Панюков, А. Изучая край родной : [об отличнике народного просвещения РСФСР, краеведе А. Смилингисе] / Александр Панюков // Красное знамя. – 1985. – 1 марта.

3. Сивкова, А. Смилингис, или Путешествие к «дилетанту» / Анна Сивкова // Молодёжь Севера. – 1989. – 5 мая.

4. Тарабукин, А. Кӧдзыд вояс, сьӧлӧм дой: [из биографии краеведа] / А. Тарабукин // Югыд туй. – 1989. – 25 нояб. – С. 1-2. – Пер. загл.: Холодные годы, сердца боль.

5. [О присвоении почётного звания «Заслуженный работник культуры Коми АССР» А. Смилингису] // Красное знамя. – 1990. – 27 окт.

6. Шевчук, Л. Земля Смилингиса : [о краеведческих экспедициях Анатолия Смилингиса] / Л. Шевчук // Семь дней экспресс. – 1996. – 24-30 мая.

7. Сивкова, А. Следопыт у пионеров / Анна Сивкова // Республика. – 1997. – 7 окт.

8. Демидов, В. Неугомонный Смилингис : от ракеты до ... медвежьего клыка : [о краеведческих экспедициях и археологических находках краеведа] / Виктор Демидов // Красное знамя. – 1999. – 17 дек. – С. 8.

9. Фёдоров, В. Его хотели сделать рабом / В. Фёдоров // Трибуна. – 2001. – 11 мая.

10. Григорян, В. Кресты Анатолия Смилингиса / В. Григорян // Вера (Эскӧм). – 2001. – № 389 (Июнь). – С. 16-18; № 391 (Июль). – С. 8-11.

11. Артеев, А. Краевед Смилингис остаётся в Корткеросе : [очерк об А. Смилингисе] / А. Артеев // Курьер. – 2002. – 3 окт.

12. Демидов, В. Кресты Анатолия Смилингиса : [об установке памятных крестов в Корткеросском районе на месте захоронения репрессированных] / Виктор Демидов // Красное знамя. – 2002. – 25 окт.

13. Демидов, В. Древо жизни проросло сквозь цепи «Локчимлага». Семь страниц из 75-летней жизни : литературно-художественный очерк / Виктор Демидов // Сыктывкар : Литературный альманах. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2003. – С. 243-253; Красное знамя. –

2003. – 6 марта, 12 марта.

14. Демидов, В. «У кого нет памяти – у того нет родины» : [об экспедициях А. Смилингиса] / Виктор Демидов // Красное знамя. – 2003. – 12 марта.

15. Попов, В. Районсалы сыӧн колӧгӧрдитчыны : [о вручении Почётной грамоты А.Смилингису от Государственного Совета Республики Коми] / Василий Попов // Звезда. – 2004. – 26 окт. (№ 132). – С. 1-2. – Пер. загл.: Району им надо гордиться.

16. Шеренас, И. Картофельный поход : [по рассказу Анатолия Смилингиса] / Шеренас Альгирдас Ионо // Записки ссыльного, или Не знаем своей вины: Приложение к мартирологу «Покаяние». – Сыктывкар, 2005. – Вып. 5. – С. 154-194.

17. Сивкова, А. Мудрый дух Вишеры : [легенды о Тюве] / Анна Сивкова // Дым Отечества. 1996-1997 годы. – Сыктывкар, 2006. – С. 243-248.

18. О времени, о себе : [диалоги двух историков и краеведов А. Смилингиса и Н. Морозова] // Дым Отечества. 1998-1999. – Сыктывкар, 2007. – С. 447-453.

19. Королёва, Т. Следопыт под созвездием Весов : [об А. Смилингисе как исследователе] / Тамара Королёва // Звезда. – 2007. – 5 янв. – С. 7.

20. Трефилова, А. Воспитание методом анекдота : [о краеведческих экспедициях краеведа] / А. Трефилова // Аргументы и факты. – 2007. – № 26 (27 июня-3 июля). – С. 7. – («АиФ-Коми»).

21. Сивкова, А. На безымянном погосте : Потомки репрессированных ищут дедовские могилы на лагерных кладбищах в Коми / Анна Сивкова // Республика. – 2007. – 3 авг. – С. 1, 13; // Дым Отечества. 2006-2007 годы. – Сыктывкар, 2011. – С. 383-386.

22. Овчинников, В. Скованные одной цепью : В Корткеросском районе хотят реабилитировать древнего разбойника : [о Кцрт Айке] / Валерий Овчинников // Трибуна. – 2007. – 24 авг. – С. 7.

23. Полон энергии : [беседа с краеведом] / записала А. Доронина // Звезда. – 2007. – 2 окт. – С. 3. – фот.

24. Демидов, В. Путешественник. Собиратель. Неугомон... : [к 80-летнему юбилею краеведа] / Виктор Демидов // Красное знамя. – 2007. – 5 окт.

25. Сивкова, А. Анатолию Смилингису вручили две медали : [о вручении нагрудного знака «За заслуги перед республикой и медали «За верность детскому туризму» к 80-летнему юбилею краеведа] / Анна Сивкова // Республика. – 2007. – 5 окт. – С. 3.

26. Овчинников, В. Уроки китайского : [к 80-летию со д. р.] / В. Овчинников // Трибуна. – 2007. – 5 окт.

27. Смилингис, А. Анатолий Смилингис: «Чем больше знаешь, тем больше тайн : [беседа с корткеросским педагогом и краеведом А. А. Смилингисом о жизненных испытаниях своей судьбы] / записа-

ла А. Сивкова ; фото Д. Напалкова // Республика. – 2007. – 16 нояб. ; Дым Отечества. 2006-2007 годы. – Сыктывкар : ООО «Коми республиканская типография», 2011. – С. 585-593.

28. Соболева, Г. Ветер Балтии в зырянских соснах / Галина Соболева // Молодёжь Севера. – 2008. – 26 июня (№ 26).

29. Коюшев, С. Опытный краевед и эколог : [об А. А. Смилингисе] / Станислав Коюшев // Звезда. – 2009. – 2 июня. – (Ловъя ва : прилож. газ. «Звезда»).

30. Сивкова, А. Голова вождя народов найдена на берегу Вычегды в Корткеросском районе : [об истории памятника И. В. Сталину] / Анна Сивкова // Дым Отечества. 2006-2007 годы. – Сыктывкар, 2011. – С. 320-321; Республика. – 2007. – 10 авг.

31. Деркаева, Я. История по крупицам – назад в ... прошлое Локчимлага : [о прошедшей экскурсии по местам бывшего Локчимлагпункта в п. Аджером] / Ярослава Деркаева // Красное знамя Севера. – 2011. – 1нояб.

32. Смилингис Анатолий Антонович : [из биографии] // Золотая книга детского туризма Республики Коми. – Сыктывкар, 2012. – С. 120.

33. Рачева, Е. Побег невозможен : [об истории лагеря в п. Аджером] / Елена Рачёва // Новая газета. – 2012. – 25 июля.

34. Евстифеева, Н. «Сталкер» заброшенных «зон» : [из биографии] / Наталия Евстифеева // Трибуна. – 2012. – 5 окт.

35. Артеев, А. Родину не выбирают : [к 85-летию со дня рождения краеведа А. Смилингиса] / Артур Артеев // Республика. – 2012. – 6 окт. – С. 3.

36. Добро пожаловать в Ад : [беседа с Анатолием Смилингисом о создании мемориального комплекса погибшим в лесных лагерях в п. Аджером] / Екатерина Макарова // Трибуна. – 2013. – 18 мая.

37. Симпелев, П. Коми мусö ставнас кытшовтöма : [о воспоминаниях А. Смилингиса] / П. Симпелев // Йöлöга. – 2016. – 20 мая. – С. 6-7. – Пер. загл.: Обошёл полностью коми землю.

Публикации А. А. Смилингиса

1. В поход : [о походах юных туристов Корткеросского Дома пионеров на Печору, Илыч, Урал] // Молодёжь Севера. – 1959. – 5 июня.

2. Сто километров выдержки и упорства : [о лыжном походе Мартеты – Мордино] // Молодёжь Севера. – 1960. – 5 февр.

3. По таежным тропам : [об одном из зимних походов юных путешественников Корткероса по маршруту: Веж – Еков – Усть – Кулом] // Молодёжь Севера. – 1961. – 26 апр.

4. В Карпатских горах : [о встрече участников турклуба «Белка» на Всесоюзном турслёте с Героем СССР Ковпаком С.] // Красное знамя. – 1961. – 1 сент.

5. Путешествие по дну будущего моря: [о байдарочном походе по Екатерининскому каналу] // За коммунизм. – 1962. – 2 сент.

6. Войвыв Уралӧ ветлӧм : [о путешествии по Уралу] // Звезда. – 1965. – 31 авг. – Пер. загл.: Поход на Северный Урал.

7. Водзын – выль походъяс : [об участии членов клуба юных путешественников «Белка» на республиканском турслёте в городе Ухта] // Звезда. – 1966. – 20 июля. – Пер. загл.: Впереди – новые походы.

8. Кавказскӧй гӧраясын : [об участии корткеросских туристов на первом всероссийском слёте на Кавказе] // Звезда. – 1966. – 22 окт. – Пер. загл.: В Кавказских горах.

9. Олӧмысь лист бокъяс : [об истории села Корткерос] // Звезда. – 1967. – 13 апр. – Пер. загл.: Страницы жизни.

10. Тиман кузя 650 километр : [о путешествии на Тиман] // Звезда. – 1968. – 27 янв. – Пер. загл.: По Тиману 650 километров.

11. Воронья порогъяс вомӧн : [впечатления об участии на семинаре руководителей водных путешествий в посёлке Ловозеро на Кольском полуострове] // Звезда. – 1968. – сентябрь. – Пер. загл.: Через Вороньи пороги.

12. Сус пу: [о произрастании кедра на территории Клорткеросского района] // Звезда. – 1968. – 10 сент. – Пер. загл.: Кедр.

13. Судьба Екатерининского канала : [об истории строительства, перспективы использования] // Красное знамя. – 1968. – 25 сент.

14. Найӧ радейтӧны коми вӧр-ва : [о туристических походах участников клуба «Белка»] // Звезда. – 1968. – 19 нояб. – Пер. загл.: Они любят коми природу.

15. Кӧрткерӧсса том туристъяс – РСФСР-са чемпионъяс : [об участии туристов клуба «Белка» на всероссийском слёте в Ленинграде] // Звезда. – 1970. – 4 авг. – С. 4. – Пер. загл.: Молодые туристы Корткероса – чемпионы РСФСР.

16. Войди хозяином : [о сохранении неповторимой природы Урала] // Красное знамя. – 1975. – 19 февр.

17. Тані быдмӧны сус пуяс : [о кедровом заказнике на реке Пианько] // Звезда. – 1981. – 27 июня. – Пер. загл.: Здесь растут кедры.

18. Кӧні быдмӧны сус пуяс : [о походах турклуба «Белка» Мартеты-Мордино] // Звезда. – 1983. – 6 авг. – Пер. загл.: Где растут кедры.

19. Котыртӧма районнӧй музей // Звезда. – 1983. – 13 сент. – Пер. загл. : Организован районный музей.

20. Мичаӧсь да озырӧсь миянӧ кытшалысь местаяс : [о заказниках и памятниках природы района] // Звезда. – 1985. – 23 апр. – Пер. загл.: Богаты красотой наши окружающие места.

21. Угдым вылын : [об одном из походов по малой реке Корткеросского района Угдым] // Звезда. – 1985. – 27 сент. – Пер. загл.: На Угдыме.

22. Водзын мунысьяс – коммунаръяс : [об история Теплогорской коммуны] // Звезда. – 1985. – 26 нояб. – Пер. загл.: Идущие вперед – коммунары.

23. Мыйӧн нималӧ Подъельск : [об этнографической экспедиции учащихся в село Подъельск Корткеросского района] // Звезда. – 1986. – 19 апр. – Пер. загл.: Чем интересен Подъельск.

24. Лӧкчим да Певк юяс кузя : [об одном из интересных походов турклуба «Белка» по малым рекам Корткеросского района] // Звезда. – 1986. – 27 сент. – Пер. загл.: По рекам Локчим и Певк.

25. Сьӧлӧмӧн да сямлунӧн : [о враче Михаиле Михайловиче Быстрове, уроженце села Корткерос] // Звезда. – 1986. – 18 окт. – Пер. загл.: С сердцем и усердием.

26. На тихих берегах : [о малых реках, которые протекают на территории района: по следам маршрутов юных туристов-краеведов Корткеросского дома пионеров] // Красное знамя. – 1986. – 4 нояб.

27. Медся доймана памятникъяс : [о проблемах хранения архивных документов в музеях] // Звезда. – 1988. – 2 июня.

28. Загадочная колдунья : [о месте нахождения идола «Золотая баба»] // Молодёжь Севера. – 1988. – 2 дек.

29. Тайӧ кыв мем дона: [размышления о проблемах коми языка, его сегодняшнем состоянии и перспективах] // Звезда. – 1989. – 22 июля. – Пер. загл.: Этот язык мне дорог.

30. Чтоб любить историю, её надо знать : [отчётно-выборная конференция ВОО ПИК Корткеросского района] // Звезда. – 1989. – 21 дек.

31. Лымва : [об особенностях реки Лымва, которая протекает в окрестностях села Нившера] // Звезда. – 1990. – 14 апр.

32. Лӧкчим кузя байдаркаясӧн : [экспедиция по местам бывших спецпоселений] // Звезда. – 1990. – 7 авг. – Пер. загл.: На байдарках по Локчиму.

33. Знать древнюю историю освоения природных богатств края // Вестник культуры Коми ССР. – 1991. – № 4. – С. 69-70.

34. Велӧдчим интереснӧй кадӧ : [об участии в семинаре педагогического общества в Москве] // Звезда. – 1991. – 23 апр. – Пер. загл.: Учились в интересное время.

35. Лымва кузя : [о байдарочном походе турклуба «Белка»] // Звезда. – 1991. – 26 сент. – Пер. загл.: По Лымве.

36. Войналӧн сьӧкыд воясӧ : [Корткеросский район в годы Великой Отечественной войны] // Звезда. – 1991. – 14 дек. – Пер. загл.: В трудные годы войны.

37. Геноцид : [о спецпереселенцах в Корткеросском районе] / А. Смилингис, Н. Быковская // Звезда. – 1992. – 25 авг.

38. Есть и золото, и алмазы : [об истории добычи полезных ископаемых в Корткеросском районе] // Звезда. – 1994. – 4 июня.

39. Заказник «Сусъёль Локчимский» // Особо охраняемые при-

родные территории Корткеросского района (заказники, памятники природы) Республики Коми. – Корткерос, 1996. – Вып. 2. – С. 6-7.

40. А тэ тӧдан ассьыд рӧд пастӧ? ... : [о родовых знаках предков с верховьев Вычегды и Богородска] // Звезда. – 1998. – 17 марта. – Пер. загл.: А ты знаешь свой родовой знак? ...

41. Самый страшный из всех лагерей в Коми : [об истории Пезмегского («Северного») комбината, Корткеросский район]// Звезда. – 1998. – 24 марта.

42. Вишера: из прошлого в будущее : экспедиции : [об исследованиях местности, где протекает река Вишера] // Родничок : экологический сборник. – Корткерос, 1999. –Вып. 5. – С. 44-49.

43. Из прошлого горно-рудных промыслов на территории Корткеросского района // Геология и минеральные ресурсы Европейского Севера Востока России. – Сыктывкар, 1999. – Т. 4. – С. 279.

44. Йӧз сёйисны ӧта-мӧдсӧ : [о жизни заключённых Локчимлага] // Звезда. – 1999. – 30 окт. – Пер. загл.: Люди ели друг друга.

45. У нашей «Белки» юбилей : [клубу юных путешественников села Корткерос – 40 лет] // Радуга. – 1999. – 25 дек. – С. 14.

46. Издан в Сыктывкаре : [рецензия на книгу в библиографическом указателе Королёва В.] // Наука Урала. – 200. – 1 янв.

47. Мортлӧн олӧмыс сулаліс грӧш... : [о спецпереселенцах и дислокации спецпосёлков на территории Корткеросского района] // Звезда. – 2000. – 16 марта. – Пер. загл.: Жизнь человека оценивалась в копейку...

48. Кутшӧмӧн лоны районса музейлы : [о развитии музейного дела и его роли воздействия на духовную культуру населения] // Звезда. – 2000. – 18 мая. – Пер. загл.: Каким быть районным музеям.

49. «Население средней Вычегды в древности и средневековье» : [отзыв Анатолия Смилингиса на книгу К. С. Королёва с одноимённым названием] // Родничок : экологический сборник. – Корткерос, 2000. – Вып. 6. – С. 108-110.

50. Корткеросский район в годы Великой Отечественной войны // Защита Отечества: история и современность (Материалы науч.-практич. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.). – Сыктывкар, 2001. – С. 123-124.

51. Что я видел? НЛО? : [об аномальных явлениях в природе] // Звезда. – 2001. – 29 сент.

52. О малых реках Корткеросского района // Звезда. – 2001. – 26 мая.

53. Каменный уголь на Локчиме : [о находке образцов каменных углей в Корткеросском районе] // Южные районы Республики Коми: геология, минеральные ресурсы, проблемы освоения: материалы Третьей Всероссийской научной конференции 23-25 апреля 2002 года. – Сыктывкар, 2002. – С. 259-260.

54. Корсис мупытшса озырлунъяс и миян районысь : [к 100-летию со дня рождения известного геолога в республике И. Е. Худяева] // Звезда. – 2002. – 1 июня. – фот. – Пер. загл.: Искал полезные ископаемые и в нашем районе.

55. Памятник природы : [о заказнике «Ния Сён» – лиственная роща между устьем Вишеры и Шойнатынским археологическим комплексом] // Звезда. – 2002. – 7 дек.

56. Тяжёлая память прошлого : [о лесном посёлке Намск и его жителях] // Звезда. – 2003. – 28 окт. – С. 3, 8.

57. Загадки здешних мест : [об истории села Корткерос] // Звезда. – 2003. – 30 дек.; Всероссийскому обществу охраны природы – 80 лет : сборник. – Сыктывкар, 2005. – С. 128-129.

58. Каменистая Кияю : [о малых реках, которые протекают по территории села Корткерос] // Звезда. – 2004. – 30 нояб. – С. 3.

59. Росло число первичных организаций : [о мероприятиях по охране природы в Корткеросском районе] // Всероссийскому обществу охраны природы – 80 лет : сборник. – Сыктывкар, 2005. – С. 28-29; Звезда. – 2004. – 29 июня.

60. Возродим былое богатство : [о малых реках Корткеросского района] // Всероссийскому обществу охраны природы – 80 лет : сборник. – Сыктывкар, 2005. – С. 102-103.

61. Кресты в тайге : [об установке памятных знаков на местах захоронений Локчимлага НКВД СССР] // Доклад на Международной конференции «Между памятью и амнезией: Следы и образы Гулага» (г. Санкт-Петербург, Европейский университет, 5-7 ноября 2007 г.) : неопубликованный материал, предоставлен автором.

62. По местам Гулаговского прошлого Вишерского края : [об экспедиции участников клуба военно-патриотического клуба «Пограничник» села Большелуг по Вишере] // Звезда. – 2007. – 20 июля.

63. Королёва, Л., Смилингис, А. ТШАМЬЯ – ЛАБАЗ – АМБАР / Людмила Королёва, Анатолий Смилингис // Известия Общества изучения Коми края. – Сыктывкар, 2007. – № 1 (10).

64. «Контрреволюционер» пастух Полехов : [о спецпереселенцах Локчимлага] // Звезда. – 2007. – 24 июля. – С. 2.

65. Как возник наш клуб юных путешественников // Маршрутами турклуба «Белка»: сборник материалов, воспоминаний ветеранов туризма о Корткеросском районном туристическом клубе «Белка». – Корткерос, 2009. – С. 24-26.

66. Летопись природоохранных дел в Корткеросском районе : Всероссийскому обществу охраны природы – 85 лет // Звезда. – 2009. – 15 дек. – (Ловъя ва: прилож к газ. «Звезда». – № 4 (38). – С. 5).

67. Посёлок Аджером (Пезмог) в истории ГУЛАГа СССР // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27-28 окт 2005 г., Ухта). – Сыктывкар: Институт языка, лите-

ратуры и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011. – Ч. 1. – С. 68-71.

68. Легенда «Кцрт Айка» на фоне событий прошлого в истории Перми Вычегодской // Лебедевские чтения. Третья научно-практическая конференция к 135-летию со дня рождения М. Н. Лебедева : материалы и доклады, с. Корткерос (18 окт. 2012 г.) / Центральная библиотека им. М. Н. Лебедева ; сост. Г. Р. Изъюрова, Н. Г. Кирушева, В. Н. Шестаков. – Корткерос, 2012. – С. 30-34. – Библиогр. : с. 34.

69. Шрамм, И., Смилингис, А. Остановись, прохожий : / Ирина Шрамм, Анатолий Смилингис // Трибуна. – 2013. – 31 мая. – С. 12.

70. Шрамм, И., Смилингис, А. Выжили, живём, будем жить в потомках : [посёлок Собино в воспоминаниях потомков] / Ирина Шрамм, Анатолий Смилингис // Звезда. – 2013. – 21 июня. – С. 3; 5 июля. – С. 11.

71. Краеведение как средство активного познания родного края в Муниципальном образовании «Корткеросский район» // Известия Общества изучения Коми края : сб. статей № 14. – Сыктывкар, 2014. – С. 156-160.

72. Есть ли снежный человек? : [о снежном человеке на территории Корткеросского района] // Звезда. – 2014. – 12 февр.

73. Растёт новая смена : [о клубе юных путешественников «Белка»] // Звезда. – 2015. – 27 нояб. (№ 47).

74. Возможно на этом месте язычники промывали жертвенную кровь : [о языческой роще вблизи села Корткерос] // Трибуна. – 2016. – 14 апр.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 3
Сивкова А. Три тридцатилетия Анатолия Смилингиса 4
Анатолий Антонович Смилинги
(биографическая справка) 6

**«КОРТКЕРОССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ
С ЛИТОВСКИМИ КОРНЯМИ»**

Сивкова А. Смилингис, или Путешествие к «дилетанту» 10
Демидов В. Древо жизни проросло
сквозь цепи «Локчимлага» 14
Анатолий Смилингис: «Чем больше знаешь,
тем больше тайн» 28
Григорян В. Кресты Анатолия Смилингиса 36
Трефилова А. Воспитание методом анекдота 54
О времени, о себе 57
Рачева Е. Побег невозможен 63

**«...ВСЕГДА ЗАНИМАЮСЬ ТОЛЬКО ТЕМ,
ЧТО ИНТЕРЕСНО САМОМУ...»**

**«Не бойтесь дальних дорог и незнакомых мест
(турклуб «БЕЛКА»)**

Смилингис А. Как возник наш клуб
юных путешественников 70
В поход 72
По таежным тропам 75
Путешествие по дну будущего моря 77
Поход на Северный Урал 79
В горах Кавказа 82
Через Вороньи пороги 83
Молодые туристы Корткероса – чемпионы РСФСР 85
Войди хозяином 87
Растёт новая смена 91

**«Дотошность не давала пройти мимо...»
(природные богатства и явления)**

Знать древнюю историю освоения
природных богатств края 93
Из пршлого горно-рудных прмыслов
на территории Корткеросского района 96
Каменный уголь на Локчиме 99
Заказник «Сусъёль Локчимский» 100

Памятник природы 102
Возродим былое богатство 104
Каменистая Кияю 106
Река Лымва 108
Вишера: из прошлого в будущее: экспедиции 110
Что я видел? НЛО? 115
Есть ли снежный человек? 118
Летопись природоохранных дел в Корткеросском районе 121

«Краевед – значит ведающий краем» (краеведческие поиски и находки)

Краеведение как средство активного познания родного края в Муниципальном образовании «Корткеросский район» 125
Чтоб любить историю, её надо знать 131
А ты знаешь свой родовой знак? 137
Королева А., Смилингис А. ТШАМЬЯ – ЛАБАЗ – АМБАР 138
Легенда «Кӧрт Айка» на фоне событий прошлого в истории Перми Вычегодской 142
Загадки здешних мест 146
Возможно на этом месте язычники промывали жертвенную кровь 148
«Население средней Вычегды в древности и средневековье» 151
Судьба Екатерининского канала 153
Идущие вперед – коммунары 155
Корткеросский район в годы Великой Отечественной войны 155
Каким быть районному музею 158
Этот язык мне дорог 160

«Мы здесь буквально ходим по костям...» (эхо ГУЛАГА)

Кресты в тайге 165
Самый страшный из всех лагерей в Коми 172
Посёлок Аджером (Пезмог) в истории ГУЛАГа СССР 174
Быковская Н.,Смилингис А. Геноцид 177
Тяжёлая память прошлого 186
По местам Гулаговского прошлого Вишерского края 193
Шрамм И., Смилингис А.
Выжили, живём, будем жить в потомках 196
«Контрреволюционер» пастух Полехов 203

ШЕРЕНАС А. КАРТОФЕЛЬНЫЙ ПОХОД:

[по рассказу Анатолия Смилингиса] 206

Список публикаций 238

Смилингис... фамилия как пароль

дайджест

Центральная библиотека им. М. Н. Лебедева
«МУ «Корткеросская ЦБС»

Подписано в печать 22.09.2017 г.
Формат 70x100 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «PragmaticaC». Печать офсетная. Усл.п.л. 31.
Тираж экз. Заказ

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»
167982, Республика Коми, г.Сыктывкар, ул.Савина, 81,
тел. (8212) 28-46-71, 28-46-72.
E-mail: op6@komitip.ru

Говорят о памятниках истории и культуры лишь тогда, когда заканчивают летописи.

Что есть памятник. Это связующая нить истории народа, края. Они прямо или косвенно напоминают обо всех самых маленьких событиях прошлого. Они как бы помнят. Они свидетели-пока существуют. Стоят. Но время и люди их не щадят. У каждого народа есть свои большие или малые. Есть свои истории без своей истории народ подобен ребенку. Поэтому памятникам помогают познавать историю. Они являются хранителями истории, культуры. Язык, возникший хоть язык - это тоже великий памятник культуры, истории, он аккумулирует также в нужное сохраняет время. Он языком сказок, стихов, песен сохраняет сведения о древних верованиях, о языческих богах, о золотой бабе (загрязненная с бюрократическим по-коми стране). О Корте ни не